Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VI

Издательство „ПРАВДА"

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 48. Тел. 4-38-28, кремл. 3-93

№ 5 — 15 МАРТА — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Передовая. В развертывающихся боях. Молотов, В. О наших задачах (стр. 9). Тельман. В борьбе за большинство германского пролетариата (стр. 26). Сырцов, С. Задачи партии в деревне (стр. 41). Розенталь, К. На новом этапе (стр. 60). Сафаров, Г. Колониальная революция и классовая борьба в Индии (стр. 85). Зиновьев, Г. Кое-что о связи внутренней политики с внешней (стр. 101). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. Мельбард, Н. — Гр. Ратнер. Социально-экономические основы с.-х. кооперации (стр. 121).

В развертывающихся боях.

Недавно закончился расширенный президиум Коминтерна.

Уже около 8 месяцев прошло со времени решений X пленума. Важнейшим из этих решений было констатирование начала нового революционного под'ема в крупнейших капиталистических странах. Эта установка X пленума встретила ожесточенный отпор со стороны социал-демократов, правых и троцкистских ликвидаторов и тем не менее получила за последние месяцы блестящее подтверждение на фактах действительности.

Вопреки всем буржуазным и социал-демократическим теориям о дальнейшем укреплении капиталистической стабилизации, о продолжающемся оздоровлении капитализма, соблазнившим наших правых оппортунистов и вдохновившим известные статьи тов. Бухарина, вопреки созданным самими оппортунистами (Ловстон) теориям американской исключительности разразился кризис в Сев.-Амер. Соединенных Штатах, являющихся, несомненно, самым крепким и могучим звеном системы международного капитализма.

Этот кризис уже оказал и продолжает оказывать сильнейшее влияние на всю мировую капиталистическую систему в целом. В ряде стран, в которых явления кризиса или депрессии чувствовались еще до последнего американского кризиса, они значительно обострились теперь, в других странах эти явления только начинают развертываться. Во многих странах мы наблюдаем стремительное падение цен в особенности на продукты сельского хозяйства и на промсырье, особенно больно ударяющее по аграрным и колониальным странам.

Падение цен — явный признак перепроизводства, явный признак возрастающих ножниц между огромными производственными возможностями современного капитализма и покупательной способностью масс населения. Отсюда неизбежное усиление борьбы за рынки, возра-

стающее стремление наиболее могучих капиталистических стран к новым переделам мира, а стало быть к новым вооружениям и войнам... Недаром с таким скандалом проваливается конференция по морскому разоружению в Лондоне. Но кризис и перепроизводство означают кроме того огромный рост безработицы сверх всяких «законных» норм, сверх всяких неизбежных последствий капиталистической рационализации, уже давно сделавшей безработицу в главнейших капиталистических странах не столько кон'юнктурным, сколько глубоко структурным явлением...

Какое влияние оказывает растущий кризис на революционный под'ем, констатированный X пленумом? Уже сейчас можно сказать, что он является могучим фактором усиления и ускорения революционного под'ема. И это несмотря на то, что в ряде стран количество экономических стачек сократилось по сравнению с предкризисным периодом, потому что самая обстановка кризиса неблагоприятна для наступательной экономической борьбы. Конечно, это ни в коем случае не означает, что коммунистические партии, революционные профсоюзы в условиях кризиса могут повернуться спиной к экономической борьбе. Экономические стачки являлись преобладающей формой контрнаступления рабочего класса против наступления капитала и начальной фазы революционного под'ема. И сейчас в ряде стран (Франция, Англия) стачечное экономическое движение растет. Даже там, где в связи с кризисом наблюдается некоторое уменьшение количества стачек (Германия), стачки принимают более упорный и ожесточенный характер, в котором находит свое выражение растущее обострение классовой борьбы.

Но кризис, сопровождаемый резким увеличением безработицы, порождает новые формы революционной борьбы, главными участниками которых становятся массы безработных: демонстрации и походы безработных, во многих местах приводящие к резким столкновениям с полицией, а иногда требующие вмешательства военной силы.

В колониях и полуколониях в условиях невероятно ухудшившегося благодаря кризису положения масс в последнее время наряду со стачками и демонстрациями учащаются случаи прямых революционных восстаний: несомненное оживление партизанско - повстанческой борьбы в Китае, последние события во французском Индо-Китае, движение арабов в Палестине и негров в Южной Африке.

Ускоряя революционный под'ем, расшатывая еще больше капиталистическую стабилизацию и обостряя классовую борьбу, растущий экономический кризис ускоряет параллельно фашизацию государственного аппарата буржуазии и фашизацию социал-демократии, органически связанной своей верхушкой с этим аппаратом. Во всех странах растет волна бешеного террора против рабочего класса и компартий, при чем в этом терроре руководящая и направляющая роль почти везде принадлежит социал-демократии. Социал-демократические правительства (Германия, Англия) в обстановке кризиса еще более явно, **открыто и цинично выступают против рабочего класса, перела-**

гая на его плечи все тяжести кризиса и растущего налогового обложения, лишая пособия сотни тысяч безработных, выброшенных на улицу, помогая предпринимателям понижать заработную плату оставшимся на фабриках и заводах рабочим...

Социал-демократия становится прямым орудием подавления стачечного и революционного движения, прямым орудием подготовки новых империалистических войн. Социал-демократические правительства и с.-д. партии беспощадно расправляются с восстающими массами в колониях (Англия), открыто выступают в защиту колониального гнета (Франция), становятся во главе политической кампании против Советского Союза рука об руку с самыми от'явленными реакционерами и мракобесами (эмигрантская кутеповская свора, католические попы и т. д.). Социал-демократическая верхушка превращается в своеобразную полицейски штрейкбрехерскую банду на службе у капитала...

И в это самое время правые ликвидаторы и ренегаты коммунизма по всем основным вопросам политики и тактики рабочего класса становятся на точку зрения социал-демократии. X пленум подтвердил правильность исключения из Коминтерна праволиквидаторских групп в Германии, Чехо-Словакии и Америке (Брандлер, Илек-Гайс, Ловстон), признавши защиту правооппортунистических взглядов несовместимой с принадлежностью к Коминтерну. После X пленума оформились и подверглись такому же исключению ликвидаторские группы в Швеции (Чильбум), Франции и Австрии. И все эти группы как ранее, так и впоследствии исключенные,—с какой-то фатальной неизбежностью приходят к социал-демократии как раз в то время, когда последняя становится прямым орудием господства империалистического капитала над рабочим классом. Вместе с социал-демократами правые ликвидаторы отрицают революционный под'ем и продолжают ратовать за укрепление стабилизации капитализма. Перед очевидным фактом фашизации социал-демократии они проповедуют единый фронт не только с социал-демократическими рабочими, но и с социал-демократическими вождями. Они резко высказываются против самостоятельной тактики коммунистов в профдвижении Они за лойяльное отношение к социал-фашистской профбюрократии, играющей штрейкбрехерскую роль по отношению к массам. Они отрицают рост военной опасности, отводя глаза масс от подготовляемой войны и тем помогая буржуазии и соц.-дем. ее подготовить. Они, наконец, систематически снабжают социал-демократические газеты материалом для травли компартий... Если бы иссяк этот грязный и мутный источник, социал-демократические газеты, несомненно, очутились бы в затруднительном положении по части «разоблачительных» материалов против компартий.

Правые ренегаты полностью и целиком превратились в агентуру социал-демократии. Что касается до троцкистских ренегатов, то мы наблюдаем у них по целому ряду основных вопросов полное совпадение во взглядах с правыми **(в частности — на революционный под'ем и**

на тактику в профсоюзах). Если можно уловить какое-нибудь отличие, то оно заключается в том, что против Советского Союза троцкисты выступают гораздо прямее и откровеннее правых, не стесняясь в этом вопросе быть открытыми союзниками социал-демократии и римского папы. Эволюция правых к социал-демократии стала вполне очевидной не только для партийных масс, но и для многих примиренцев, которые поддерживали правых в борьбе против линии Коминтерна и которые, как констатировал X пленум ИККИ, сами фактически скатились к правым. Об этом говорят хотя бы заявления Эверта, к которому присоединился целый ряд других немецких примиренцев...

Таковы основные факты международной обстановки и политики Коминтерна за период между X пленумом и последним президиумом.

Какие задачи для коммунистических партий вытекают из этой обстановки. Президиум наметил эти задачи по всем основным вопросам политики и тактики Коминтерна.

По первому пункту своего порядка дня, о назревающем кризисе, безработице и экономической борьбе, президиум констатировал факт продолжающегося несоответствия между стихийным, усиливающимся на почве кризиса и безработицы полевением, революционизированием масс и организационными рамками и возможностями работы наших партий. Для того, чтобы быть в состоянии руководить нарастающим движением, партии должны укрепить свои организации и перестроить формы и методы своей работы. Последнее особенно относится к тем партиям (Англия), у которых до сих пор пропагандистские методы работы являются преобладающими...

Руководство экономической борьбой масс, руководство движением безработных — две важнейшие очередные задачи наших партий. Разрешение этих задач должно итти в разрезе теснейшей увязки движения безработных с борьбой работающих рабочих, с перспективой перерастания экономического забастовочного движения в политическое, при чем в ряде стран мы должны подготовлять проведение всеобщих политических забастовок. Именно поэтому такое исключительно важное значение приобретает в настоящее время работа по укреплению революционных профсоюзов (там, где они существуют) и по превращению их в действительно массовые организации, работа в реформистских союзах, прежде всего по усилению и укреплению там профоппозиции, а также работа среди неорганизованных масс по сплочению их вокруг революционных профсоюзов и вокруг революционной оппозиции в реформистских профсоюзах. С этим связана необходимость дальнейшего организационного оформления революционной профоппозиции в таких странах как Германия. Растущий экономический кризис особенно больно бьет по колониальным и аграрным странам, приводя к невиданному падению цен на сельскохозяйственные и колониальные товары, разоряя десятки миллионов крестьян и выбрасывая на улицу десятки и сотни тысяч рабочих с плантаций.

На этой почве мы уже имеем усиление революционного крестьянского движения (Италия, Балканы, Польша, не говоря уже о Китае и других полуколониальных и колониальных странах). Одна из важнейших задач наших партий будет заключаться в овладении этим движением. В связи с этим встает необходимость создания самостоятельных компартий в целом ряде стран (Индия, Индонезия).

Может ли считаться внутри компартий законченной, хотя бы в основном, борьба с правым уклоном. Ни в коем случае. Перестройка форм и методов партийной работы под углом растущего революционного под'ема, перенесение этой перестройки на такие области работы, которые ею до настоящего времени совершенно не были затронуты (муниципальная политика), неизбежно будет порождать дальнейший отсев еще оставшихся в партиях полусоциал-демократических элементов, особенно из числа работников профсоюзного аппарата, муниципалитетов и т. д. Партии нисколько не должны смущаться таким отсевом, усиливая прежде всего свои позиции в массах и превращаясь в действительно руководящие органы борьбы масс.

Президиум подробно остановился на вопросах муниципальной политики. Коммунистические фракции муниципалитетов могли бы сыграть сейчас очень крупную роль в деле разоблачения буржуазии и социал-фашизма и в деле сплочения масс вокруг компартий. Никогда еще социал-демократические муниципалитеты не поворачивались так цинично спиной к вопросам помощи безработным, как в настоящее время, никогда муниципальное хозяйство еще не делалось орудием такой бессовестной эксплоатации масс (и прежде всего рабочих и служащих муниципальных предприятий), никогда муниципальная социал-демократическая верхушка не сросталась так открыто с худшими отбросами капитализма (дело Скляреков в Берлине).

Однако, наши партии до сих пор чрезвычайно слабо использовывали огромные возможности своих муниципальных фракций. Весьма часто эти фракции являлись оплотом самого низкопробного правого оппортунизма на практике, идиллического сотрудничества с фашизированной, разложившейся и прогнившей муниципальной социал-демократической верхушкой. Не случайно, что именно в муниципальных коммунистических фракциях брандлеровцы нашли себе столь значительное количество сторонников, несравненно более значительное чем среди масс и не случайно, что одним из основных пунктов политической платформы бандлеровцев являеется «использование большинства социал-демократов и коммунистов» в тех муниципалитетах, где оно имеется, т.-е. открытое и официальное сотрудничество с социал-фашистами на муниципальной арене.

Президиум дал совершенно ясную установку нашим партиям в области муниципальной политики. Органы местного самоуправления в буржуазном государстве следует рассматривать не как какие-то оазисы социализма, в которых этот социализм можно по кусочкам осуществлять, когда у власти в стране стоит империалистическая бур-

жуазия и ее социал-фашистские агенты, а как органически составную часть аппарата буржуазного государства, машину которого рабочий класс должен сломать и заменить аппаратом пролетарской диктатуры (в частности, муниципалитеты советами).

Поэтому наша задача в муниципалитетах—не сотрудничать с социал-фашистами, которые занимаются укреплением буржуазного государства, а беспощадно разоблачать их, мобилизуя массы против буржуазных и социал-фашистских муниципалитетов, как против органов классового господства буржуазии. Если в том или другом месте муниципалитеты путем всеобщих выборов будут попадать в руки нашей партии, то ее задача будет заключаться не во включении этих муниципалитетов в общую систему буржуазного государства, не в приспособлении к ней, а в немедленном проведении в жизнь таких мер (страхование от безработицы в виде выдачи полного заработка, переложение всех налогов на плечи имущих классов), которые покажут массам нагляднейшим образом всю классовую пропасть между нами и социал-демократами, хотя и несомненно будут немедленно пресечены со стороны буржуазии и ее социал-фашистских агентов.

В связи с обострением экономической борьбы на почве растущего кризиса, с перерастанием этой борьбы в политическую, с огромным значением, которое для наших партий приобретает самостоятельное руководство экономической борьбой и работа в профсоюзах, президиум высказался за созыв в течение ближайших месяцев V конгресса Профинтерна.

Президиум заслушал и обсудил доклады Центральных Комитетов четырех важнейших партий Коминтерна: германской, английской, итальянской и СССР.

Германская партия после VI конгресса в ожесточенной борьбе с правыми и примиренцами достигла значительных успехов в деле завоевания масс и разоблачения социал-фашизма. В целом ряде крупнейших пролетарских центров, начиная с Берлина, партия добилась бесспорной гегемонии в рабочих массах или близка к ней. Но партии остается еще сделать чрезвычайно много, чтобы повести за собой большинство рабочего класса и трудящихся масс Германии на завоевание власти. Одной из необходимейших предпосылок этого является максимальная ясность и четкость политической линии и полное очищение партии от полусоциал-демократических элементов. Мы имеем еще до сих пор факты влияния социал-демократической идеологии на отдельные прослойки партии.

В самое последнее время, некоторые товарищи, стоящие на линии партии, высказывали мнение, что буржуазия готовится прогнать социал-демократию от власти и установить чистую фашистскую диктатуру. Товарищи такими рассуждениями явно толкали рабочих к той мысли, что социал-фашисты недостаточно защищают интересы буржуазии, и что в той борьбе, которая якобы предстоит между социал-демократией и фашизмом, необходимо стать на сторону пер-

вой. Это означало и означает явное затушевывание фашизации социал-демократии и превращения ее в прямое орудие империалистической диктатуры. Беспощадное разоблачение и изгнание социал-фашизма из рабочих кварталов требует устранения каких бы то ни было неясностей в этом отношении...

По этому же вопросу проявились колебания у ряда товарищей в Италии. В стране несомненно развивается и крепнет движение против фашистской диктатуры. В нем принимают участие не только рабочие, но и крестьянские массы (юг Италии). В немногих европейских странах рабочий класс (не говоря уже о беднейшем крестьянстве) находится в таком тяжелом экономическом положении, как в фашистской Италии. Но под какими лозунгами партия должна развертывать движение против фашистской диктатуры и, что может притти ей на смену: диктатура пролетариата или буржуазная демократия?

Небольшая часть товарищей считает, что фашизм уступит место буржуазной демократии, которая даст рабочему классу более благоприятные условия для борьбы за власть (легализует компартии)... Отсюда вытекает, что на нынешнем этапе компартия должна бороться рядом с социал-демократией во имя замены фашизма демократией. Между тем, на самом деле, буржуазия вполне удовлетворяется фашистской диктатурой и совершенно не собирается заменять ее какими бы то ни было демократическими формами. Социал-демократия не борется с фашизмом, а фактически сотрудничает с ним. Единственная политическая партия, которая действительно выступает против фашистской диктатуры—это компартия. И она должна вести борьбу, не во имя демократических иллюзий, а за диктатуру пролетариата. Такую установку и дает компартии Италии резолюция президиума...

Компартия Англии до сих пор сделала чрезвычайно незначительные успехи на пути превращения в масовую партию, чрезвычайно слабо использовала благоприятные условия для укрепления своего влияния в массах. Нигде вопрос о перестройке форм и методов партработы не стоит так остро, как в Англии.

В нынешний момент небывалого под'ема во всех капиталистических странах антисоветской кампании, об'единившей все враждебные пролетарской революции силы, начиная с папы римского и кончая вторым Интернационалом, в момент явного нарастания опасности новой империалистической войны, прежде всего войны против Советского Союза, огромное политическое значение имела постановка на президиуме ИККИ доклада т. Молотова о социалистическом строительстве в СССР. Обострение кризиса капитализма совпало с гигантскими успехами строительства социализма в советских республиках. Эти успехи создают особенную ненависть к СССР в капиталистических и в социал-фашистских рядах. Но эти же успехи должны сплотить самые широкие пролетарские и трудящиеся массы всего мира на защиту СССР. Если что-нибудь еще удерживает империалистов от прямого

нападения на первое в мире пролетарское государство, то, конечно, не недостаток ненависти и, разумеется, не миролюбие, а только одна боязнь, как бы наступательная война против СССР не превратилась в гражданскую войну против капиталистических правительств в самих их странах. Коммунистические партии сделают все возможное, чтобы это опасение буржуазии превратилось в реальность, если только буржуазия осмелится спустить с цепи стихию войны.

Президиум принял ряд важнейших решений по основным вопросам политики рабочего класса в условиях растущего революционного под'ема. Чем полней и решительней будут проведены в жизнь эти решения, тем скорей этот растущий под'ем получит твердое коммунистическое руководство. Перед лицом неизбежного превращения этого под'ема в непосредственную революционную ситуацию, для наших партий научиться руководить развертывающимися классовыми боями—значит научиться побеждать.

В. Молотов.

О наших задачах*).

Наши основные задачи вытекают из того, что составляет базу социалистического строительства—из хозяйственного развития Советского Союза. В частности, эти задачи теснейшим образом связаны с осуществлением промфинплана, который является стержнем нашего строительства.

Мне придется подчеркнуть лишь вашнейшие из них.

Наши основные задания по промфинплану известны: увеличение промышленной продукции не менее чем на 31% при увеличении продукции тяжелой индустрии на 46%; увеличение производительности труда на 25% при росте заработной платы на 12%; наконец, снижение себестоимости промпродукции на 11%, что представляет наибольшие трудности, но что может и должно быть обязательно обеспечено. Мы знаем, дальше, что в рабочих массах имеется огромный трудовой под'ем, свидетельствующий о непреклонном стремлении рабочего класса выполнить задания советской власти. Наша задача—поднять работу хозяйственных, профессиональных, комсомольских и партийных органов и направить энтузиазм рабочих масс по руслу организованной борьбы за промфинплан.

Партия считает фронт борьбы за промфинплан важнейшим делом. Развернутая за последние полтора месяца кампания в связи с промфинпланом еще не дала, однако, нужных результатов. Поэтому необходимо продолжать мобилизацию сил, памятуя о том, что индустрия—ведущая отрасль всего хозяйства.

В связи со сказанным уже в первой части доклада, ограничусь сделанными здесь замечаниями о промфинплане.

Перейду к другим задачам.

1. Посевная кампания.

На первый план сейчас должна быть выдвинута весенняя посевная кампания. Она приобретает для нас прямо решающее значение. С этим считаются и те, кого мы можем по праву отнести к умным врагам СССР. Так, руководящая газета английских консерваторов,—«Обсервер», (от 2 февраля), говоря о таких фактах, как недо-

*) Настоящая статья представляет собою последние две части доклада т. Молотова — о СССР — на расширенном президиуме ИККИ 25 февраля 1930 г. Доклад в целом выходит отдельной брошюрой — «На новом этапе».

статок тракторов, уничтожение скота и продажа или потребление семян, предназначенных для посева, -заявляет по этому поводу следующее:

«Это, может быть, самые главные препятствия к успешному проведению весеннего посева и решающего ближайшего урожая. Если эти препятствия будут преодолены и честолюбивые проекты расширения посевной площади и увеличения урожайности с гектара осуществлены, тогда русская революция разрешила основные противоречия строительства социализма в крестьянской стране...

Громаднейшее значение разрешения этих вопросов очевидно. Поэтому все глаза в России обращены к «аграрному фронту», на котором происходит борьба, которая со временем будет светить в истории ярче, чем девять десятых так называемых решительных битв мира».

Газета английских консерваторов превосходно учитывает значение расширения посевной площади и увеличения урожайности в СССР именно в этом году. Исход сельскохозяйственной кампании многое предрешает во всем социалистическом строительстве. Ее успех означает победу коллективизации и разгром кулачества как класса. Это будет решающий успех строительства социализма в нашей стране.

После того, как больше половины всех крестьянских хозяйств вошло в колхозы и стала практически осуществляться политика ликвидации кулачества как класса, снабжение городов хлебом и продовольствием вообще, ставится в прямую зависимость от обобществленного сектора сельского хозяйства. До последнего года этот сектор давал очень небольшой процент хлебной продукции. Около ¾ товарного хлеба поступало от индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств. Наряду с этим одна пятая часть поступала от кулацких хозяйств и, следовательно, занимала в хлебном балансе существенное место. В отношении других продовольственных продуктов (мяса, масла), роль кулацких хозяйств была еще более значительна. В этом году соотношение социальных секторов в сельском хозяйстве коренным образом меняется. Круто падает роль кулацких хозяйств. Правда, немаловажное значение остается еще за индивидуальным сектором, особенно в некоторых хлебных районах, где значительная часть бедняков и середняков не об'единена в колхозы. Однако, снабжение хлебом и другими продуктами питания будет теперь зависеть в первую очередь от колхозов, а также совхозов. Таким образом, главный вопрос заключается в том, насколько справится со своими задачами обобществленное сельское хозяйство.

Такова экономическая сторона дела. Поскольку речь идет о снабжении городов основными продуктами питания, легко понять и политическое значение весенней посевной кампании. Но правильно представлять политическое значение этой кампании мы будем только в том случае, если учтем, что мы перешли к практическому осуществлению политики ликвидации кулачества как класса. Массовая коллективизация, захватывающая подавляющую часть бедняцко-середняцких хозяйств, не может не сопровождаться раскулачиванием. Лозунг

партии — «ликвидация кулачества как класса» в главнейших сельскохозяйственных районах воплощается сейчас в практические мероприятия, проводимые крестьянскими массами при поддержке и под руководством пролетарской диктатуры.

До последнего времени по Советскому Союзу насчитывалось до 25 миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств; из них 1,2—1,3 миллиона кулацких хозяйств. С семьями кулацкая часть составляет 6—7 миллионов населения. Уже эти цифры показывают, что происходящая сейчас крутая ломка сопряжена со многими трудностями.

Приближение весенней посевной кампании способствует ускорению основных социально-политических процессов в деревне. Темп коллективизации за последнее время быстро наростал, а это не могло не сопровождаться особым обострением классовой борьбы в деревне. Несмотря на то, что подавляющая масса крестьянства настроена резко враждебно к кулаку, последний пытается оказывать сопротивление. В свою очередь это ведет к ожесточению борьбы и ускорению процесса раскулачивания. Мы живем в такое время, когда кулачеству наносится сокрушительный удар.

Мне остается добавить, что проведение этого лозунга вызывает потребность в новых практических мерах со стороны органов пролетарской диктатуры. Не останавливаясь подробно на этих мероприятиях, скажу лишь, что близость посевной кампании требует от нас максимальной организованности при их проведении.

Массовая коллективизация создала в деревне условия в корне отличные от прежних. Теперь главный вопрос посевной кампании — вопрос об обобществленном секторе. Подготовка посевной кампании в колхозах возлагает большую ответственность не только на руководящие органы колхозов, но и на все наши организации. Без напряженной работы по организации этой кампании, мы не могли бы справиться с поставленной задачей расширения посевов и увеличения урожайности.

Задачами первой очереди в этой кампании являются создание семенных фондов и ремонт сельскохозяйственных машин. Партия уделяла им за последние недели большое внимание. Ход проведения этих задач находил свое отражение в систематических оперативных сводках, публикуемых в нашей печати. Посевную кампанию так же, как и борьбу за выполнение промфинплана, мы считаем важнейшим фронтом социалистического строительства, требующим мобилизации огромных сил рабочего класса и крестьянства и систематического руководства партии. В результате мы уже имеем довольно серьезные успехи в отношении заготовки семян. По сводке Наркомзема СССР свыше 80% плана уже выполнено. У нас есть полное основание рассчитывать, что в ближайшее время ссыпка семян будет закончена. Недородным же районам помощь будет оказана из государственных запасов. Несколько хуже обстоит дело с ремонтом сельскохозяйственных машин и трак-

торов, с чем мы еще порядочно запаздываем. Но и здесь за последнее время развертывается усиленная работа.

В южных районах мы уже подошли к новому этапу посевной кампании — к организации самого сева. Думать, что это сделается «само собою», значит недооценивать своей ответственности. Приближающаяся посевная кампания ставит ребром перед нами задачи организации сева по-большевистски. Мы должны подготовить колхозы к организованному выходу в поле. Мы должны за оставшиеся недели и дни сделать очень многое в отношении организации труда в период посевной кампании. Здесь лежит труднейшая задача, здесь мы еще крайне мало подготовлены. И все же мы думаем, что сумеем организовать большевистский сев.

Прошлогодний опыт Хоперского округа сплошной коллективизации на Нижней Волге, как он ни недостаточен, убеждает нас в возможности успешного проведения посевной кампании и в этом году. Осенняя посевная кампания в этом округе прошла с большим успехом. Коллективная вспашка под зябь (осенняя вспашка для весенних посевов) превысила в 1½—2 раза площадь предыдущего года.

Или еще один пример. В том же округе, да и в ряде других районов Поволжья, в течение этой зимы крестьяне осуществили мероприятия, никогда ранее в таких масштабах не проводившиеся. На огромной территории—около 1 миллиона гектаров—в Нижнем Поволжье были проведены массовые работы по искусственному задержанию снега на полях: производилась специальная вспашка снега, устраивались снежные заграждения и т. п. При всей элементарности этих работ, они имеют большое значение в деле борьбы с засухой, а их проведение в таких массовых масштабах по силам только коллективизированной деревне.

Таким образом, если мы по-настоящему, по-большевистски проведем подготовку и организацию посевной кампании, то мы сумеем выполнить задачу расширения посева на 10—15%. Одно это означало бы огромную победу на сельскохозяйственном фронте и в сильнейшей мере закрепило бы дело социалистической реконструкции земледелия.

Для организации посевной кампании партия проводит посылку огромного количества людей в деревню. Сейчас командируются на места тысячи ответственных партийных работников, не говоря уже о десятках тысяч рабочих передовиков. Проводится особая мобилизация специалистов сельского хозяйства. Снабжение литературой и освещение вопросов посевной кампании в нашей печати значительно усилено.

Весенняя посевная кампания — испытание коллективизации и проверка всей работы партии в деревне. Мы придаем этому делу огромное значение. Мы поставили своей целью, во что бы то ни стало, разбить вдребезги предсказанья наших врагов за границей, сулящих голод нашей стране. Мы думаем, что наш враг и на этот раз просчитается, а коллективизация одержит свою решающую победу.

Так обстоит дело с первой и важнейшей задачей текущего момента.

2. Проблема кадров.

Перехожу к вопросу о кадрах.

На данном этапе социалистического строительства проблема кадров является у нас основной. Здесь наше самое слабое место. Нужда в опытных работниках дает себя знать буквально во всех областях строительства и делает эту проблему исключительно острой. Рост наших кадров до сих пор совершенно не поспевает за ростом народного хозяйства. Поэтому в последнее время так часто приходится прибегать к различного рода мобилизациям: во втузы и колхозы, на местную работу и в центральные учреждения. В первую очередь это касается коммунистов, но учащается проведение мобилизаций и беспартийных специалистов (инженеров, агрономов, врачей и т. п.). Нужда в работниках, особенно в специалистах по технике, растет.

Проблему кадров можно разбить на две части: старые кадры и подготовка новых.

Основные наши кадры все еще составляются из старых специалистов науки и техники. Приток новых, действительно пролетарских специалистов еще крайне незначителен. Поэтому проблема правильного распределения и использования старых кадров имела и имеет огромное значение. Это не просто хозяйственная, это глубоко политическая проблема. Правильное включение старых сил специалистов в аппарат социалистического строительства — дело весьма сложное и, как показал опыт, далеко не всегда разрешалось нами удовлетворительно. Пример — вредительство инженеров и техников в промышленности. Несмотря на раскрытие многих контрреволюционных вредительских организаций, мы не очистили еще по-настоящему наш госаппарат от вредителей. Последние продолжают сохранять свою групповую спайку и возглавляются видными и непримиримыми в отношении советской власти идеологами из старых научных и технических сил. Нам приходится до сих пор иметь дело с отдельными открытыми и замаскированными выступлениями таких людей. В их лице советский строй имеет заклятых врагов, мечтающих о возвращении помещиков и капиталистов к власти. Характерно, что вредительские организации заметно усиливали свою активность в наиболее острые моменты борьбы троцкистов против партии. Идеологи контрреволюции ставили свою ставку на развал партии. Открытые выступления правой оппозиции имели в общем то же значение. Так, один из виднейших идеологов монархизма, академик Платонов, в своих показаниях прямо заявлял: «Нахожу более политически прозорливыми правые элементы в правительственной партии, установки которых перспективно являются правильными». Враги рабочего класса по-своему истолковали политическую позицию правых элементов в партии. Конечно, мы не можем рассчитывать на то, чтобы идеологи контрреволюции и активные участники вредительства отказались от самих себя. Рабочая диктатура принимает против них свои меры решительной репрессии. Но эта

контрреволюционная группа составляет ничтожное меньшинство даже среди старых специалистов. До последнего времени во Всесоюзной Академии Наук в Ленинграде и в Украинской Академии Наук в Киеве виднейшую роль играли антисоветские элементы. Несмотря на это, нельзя считать этих контрреволюционных деятелей представителями основной массы старой интеллигенции. Во всяком случае сплотить вокруг себя сколько-нибудь значительную ее часть им не удалось и не могло удаться.

Следует вместе с тем признать, что работа по расслоению интеллигенции, особенно инженерно-технической среды, проводилась до сих пор крайне неудовлетворительно. Наши профсоюзы с этой задачей не справились. А между тем она должна быть отнесена к числу важнейших наших задач. Когда происходят такие исторические события, как поворот середняка к социализму и проводится задача ликвидации кулачества, для нейтральности в политике не остается места. Это должна понять вся масса старой интеллигенции и, в первую очередь, техническая интеллигенция. 1930 год является последним сроком выбора пути. Либо с пролетариатом и крестьянскими массами к социализму, либо с вредителями к контрреволюции — так и только так стоит вопрос перед старыми кадрами интеллигенции.

Мы должны помочь им при выборе пути. Мы должны усилить работу по перевоспитанию основной массы этих кадров и облегчить ей переход от нейтральности к сознательной поддержке политики пролетариата. Надо поддержать те настроения среди специалистов, которые способствуют сближению интеллигенции с рабочим классом и обеспечивают более активное ее участие в социалистическом строительстве. Политика активизации близких пролетариату элементов из среды старых специалистов теперь особенно важна. Систематически разоблачая вредительство и вскрывая его контрреволюционную классовую сущность, необходимо усилить внимание и заботы к основной массе инженерно-технического персонала. Мы можем сейчас добиться крутого перелома в ее отношении к социалистическому строительству. Об этом свидетельствует ряд массовых демонстраций специалистов в Москве и Ленинграде, прошедших под лозунгами борьбы с вредительством и активного участия в строительстве социализма. Об этом же говорит растущее число фактов исключительной преданности своему делу и прямого трудового героизма у некоторых инженеров и техников на наших предприятиях. Наконец, среди передовой части советской интеллигенции значительно усилилась тяга в ВКП(б).

Недостаток специалистов настойчиво требует привлечения из-за границы научных и технически-квалифицированных работников. К концу прошлого года на фабриках и заводах СССР уже работало 850 специально приглашенных иностранных специалистов и 550 квалифицированных рабочих. Большая часть из них была привлечена из Германии. Вербовка новых работников из Германии, а также из Америки, в дальнейшем будет усилена. Для одного Тракторостроя в Сталинграде потребуются от 200 до 300 знающих тракторное производство квалифицированных рабочих. На работу по рационализации железнодорожного транспорта выписывается группа инженеров из Японии. Вербуются специальные группы инженеров и рабочих и для других строящихся гигантов. Так мы переносим к себе опыт крупного производства передовых капиталистических стран и будем делать это более широко в дальнейшем.

Однако, центральным моментом во всей проблеме кадров является подготовка новых специалистов. Как бы ни нуждались мы в правильном использовании старых сил, мы не можем не считаться с тем, что известная их часть не способна по-настоящему перестроиться в соответствии с новыми задачами социалистической реконструкции народного хозяйства, что огромные новые запросы ни в какой мере не могут быть обслужены количественно незначительными старыми кадрами. У нас строится целый ряд крупнейших предприятий и развертываются отрасли производства, которых в старой России или не было вовсе, или же они существовали в зародыше. Автомобильное и тракторное производство, ряд новых химических производств, цветная металлургия,—все это строительство требует новых знаний и не может быть полностью обслужено старыми кадрами. В отношении сельского хозяйства вопрос о кадрах стоит еще более остро. Старых специалистов в этой области крайне мало, а знатоков крупного с.-х. производства в России вообще почти не было. Вопрос о кадрах для сельского хозяйства упирается в подготовку новых многочисленнейших работников различных специальностей и, вместе с тем, в переподготовку значительной части старых специалистов. Наконец, нам надо готовить свои и притом весьма многочисленные кадры для культурной работы, перестройки быта и т. п.

При огромном росте активности среди рабочих, при росте ударничества и других форм социалистического соревнования мы на каждом шагу наталкиваемся на неумение направить по нужному пути растущую активность и овладеть трудовым энтузиазмом масс. Дело упирается здесь как в неудовлетворительность работы значительной части инженерно-технического персонала, так нередко и в слабое знакомство наших хозяйственных руководителей с существом процессов производства. Эти же причины лежат и в основе медленного осуществления принципов единоначалия в управлении предприятиями. Между тем, партия требует решительного проведения принципов единоначалия, начиная от цеха и кончая высшими хозяйственными органами. Только при этом условии может быть обеспечена строгая ответственность хозяйственных и технических руководителей за порученное им дело. Без этого мы не можем добиться быстрой рационализации производства, а следовательно и понижения себестоимости продукции при улучшении ее качества. При этом проведение единоначалия на наших предприятиях должно опираться на активную поддержку рабочих организаций и создавать более благоприятные условия к росту уча-

стия рабочих в управлении производством. Такая система управления означает крупный шаг вперед в деле организации социалистического производства. Чем серьезнее будут наши успехи в деле подготовки новых кадров и перевоспитания старых, тем быстрее и успешнее мы проведем принцип единоначалия в жизнь. Чем ближе к рабочим подойдут наши инженеры и техники и чем лучше они поймут необходимость опираться в своей работе на активную поддержку пролетарских организаций, при безусловной и строгой ответственности административно-технического персонала за свою работу, тем успешнее мы будем справляться с выполнением производственных программ. Чем больше будут вникать в существо производственного процесса наши хозяйственники-коммунисты, тем увереннее они смогут подойти к проведению единоначалия в управлении, к действительному осуществлению как строгой ответственности руководителей, так и высокой производственной дисциплины рабочих, без чего нельзя «догнать и перегнать» капиталистические страны.

Почти два года назад, после разоблачения шахтинского вредительства, партия об'явила борьбу с такими методами руководства хозяйством, которые характерны для так называемых «комиссаров плохого типа» в промышленности. В этой борьбе мы достигли еще незначительных результатов. Эта задача попрежнему стоит перед нами и сводится она, в конце-концов, к овладеванию существом производственных процессов, к овладеванию техникой производства. Это требует усиления технической и экономической подготовки среди хозяйственников-коммунистов и, в еще большей мере, развернутой работы по подготовке новых кадров, которые самостоятельно овладевали бы всем делом организации производства, включая и его технику.

Между прочим, в связи с необходимостью развернутой подготовки специалистов для хозяйственной и культурной работы, партией принято решение о реорганизации всего дела вузов, втузов и техникумов. Эти учебные заведения передаются соответствующим комиссариатам и хозяйственным об'единениям. Следует отметить и такое новое мероприятие, как превращение отдельных заводов в заводы-втузы. ВСНХ наметил в ближайшее время провести эту меру в отношении 3-х заводов. Так создаются новые, не существовавшие раньше в практике, методы подготовки кадров и, вместе с тем, нащупываются новые пути сближения между школой и производством.

В качестве иллюстрации к новым задачам, стоящим перед коммунистами в СССР, приведу пример из области научной работы. До последнего времени в Институте Красной Профессуры в вопросах политической экономии огромным влиянием пользовался некий меньшевик Рубин. При помощи отвлечения внимания от боевых вопросов теории советского хозяйства и теории мирового империализма к схоластическим абстрактным диссеусиям ему удалось направить внимание части нашей молодежи в ИКП по ложному пути. Некоторое время значительная группа подготовляющейся к научной работе

молодежи находилась в плену этой рубинщины, меньшевистской—по своим политическим тенденциям, идеалистической—по своей основе. В связи с тем, что с критикой Рубина вначале выступали лишь товарищи, которые сами грешили по части склонности к идеологии правого уклона, вскрытие действительной меньшевистской сущности рубинщины затянулось. Только в последнее время—не без вмешательства со стороны ЦК—здесь произошел резкий перелом. Рубинщина, как и ошибки ее прежних критиков, в основном разоблачена. С материалами по этому вопросу можно познакомиться в последнем номере «Большевика» [1]).

Не мало общего с положением в области политической экономии мы имеем и в некоторых других областях научной работы. Задача самостоятельного овладевания наукой и техникой стоит перед большевиками, как боевая задача дня. Без решительных успехов в этой области мы не можем итти уверенно вперед.

Так обстоит дело с проблемой кадров.

3. О перестройке работы наших организаций.

Остановлюсь теперь на третьей группе задач: на вопросах п е р е с т р о й к и р а б о т ы всех организаций рабочего класса в соответствии с новыми условиями, в соответствии с переходом к реконструктивному периоду. Рост активности в массах и новые практические задачи требуют крупнейших изменений в аппарате пролетарской диктатуры и в методах его работы. Однако, перестройка организаций происходит зачастую слишком медленно.

Возьмем профсоюзы.

Второй год партия добивается решительного поворота профсоюзов к новым задачам. «Лицом к производству»—таков их теперешний лозунг. Но его проведение до сих пор наталкивается на огромные препятствия в профаппарате. Сплошь и рядом руководящие профорганы отстают от масс, что сказывается, например, в неумении возглавить движение ударничества. Отсутствие должной проверки работы ударных бригад приводит к большому количеству парадных резолюций и формально-декларативных заявлений об ударничестве, к необоснованному об'явлению себя ударными цехами и т. п. Передовые ударные бригады зачастую не имеют должного руководства и потому не получают необходимой поддержки. Между тем, это одно из важнейших условий того, чтобы лозунг «лицом к производству» на деле стал лозунгом профсоюзов, начиная от завкома и кончая высшими профорганами. Само собой разумеется, что поворот лицом к производству не может означать какого-либо забвения так называемой «защитной» работы. Забота о повседневных, и в том числе

[1]) См. «Большевик», № 2, ст. В. Милютина и Б. Борилина «К разногласиям в полит. экономии» и «От редакции». Ред.

мелких нуждах рабочих, чуткость к бытовым запросам рабочей массы, близость к ней всегда являлась первейшей обязанностью профсоюзов. И теперь эту сторону их деятельности не только нельзя ослаблять, но необходимо всемерно усиливать, еще больше заострив борьбу с бюрократическими тенденциями в профаппарате. При таком отношении к работе профсоюзов мы добьемся значительного ее улучшения, поднимем ее еще на одну ступень выше. Разрешению тех же задач способствует начавшаяся по решению ВЦСПС чистка профаппарата. Имея в виду наличие большой косности, рутины и бюрократизма в профаппарате, нельзя не приветствовать это решение. Большое значение будет иметь также кампания перевыборов, которая началась с союза металлистов.

Партия стремится осуществить поворот профсоюзов к производственным задачам, т.-е., усилить их роль в деле выполнения промфинплана, в деле осуществления пятилетки в 4 года.

Перейдем теперь к советам.

В области советского строительства, особенно в деревне, задачи теперь серьезно изменились. Прошлогодняя кампания перевыборов советов проходила в совсем других условиях, когда перелом в основной массе крестьянства в сторону коллективизации еще не произошел. Теперь необходим крутой поворот в работе советов под лозунгом «лицом к колхозному движению». С этой целью в январе месяце ЦИК СССР созвал специальное совещание из представителей местных советов. Но разве можно сказать, что мы уже осуществили этот лозунг? Конечно, еще нет. Между тем перестройка работы советов имеет громадное значение для дела коллективизации. Как основные органы пролетарской диктатуры, они должны стать во главе массовой коллективизации, они должны осуществлять руководство колхозным строительством, они должны повернуться лицом к нуждам колхозов, помогая устранять их недостатки и ошибки. Этого, однако, мы еще не имеем. Поэтому в ряде мест проведены и проводятся досрочные перевыборы советов под лозунгом «лицом к колхозам».

Произошла также перестройка партаппарата.

В ее основе лежит усиление внимания всего аппарата к проблеме кадров, к проблеме распределения работников и подготовки новых, а также улучшение партийного руководства различными отраслями строительства. Аппараты вышестоящих органов теперь количественно сокращаются, а руководящий состав работников укрепляется за счет более квалифицированых партийных сил. В серьезной перестройке работы нуждаются также и наши партийные ячейки, особенно на предприятиях.

В деле перестройки работы профсоюзов, советов и партии, а также и других организаций рабочего класса, нам предстоит еще большая работа.

4. Вопросы внутрипартийной политики.

Наконец, о задачах, связанных непосредственно с нашей внутрипартийной политикой. Нельзя забывать, что имеющиеся у нас успехи обусловлены упорной и систематической борьбой против извращения ленинской линии партии, против всяких уклонов от ленинизма.

События развертываются настолько быстро, что мы не всегда хорошо помним о пройденных этапах. Между тем после X пленума ИККИ, т.-е. в совсем недавние дни, мы имели крупнейшие события в ВКП(б).

К числу таких событий нужно отнести разгром правых и последовавшую затем их капитуляцию. Этот факт имеет большое значение не только для ВКП(б), но и для всего Коминтерна. Он оказал свое влияние и на настроение отдельных групп в других партиях. Последние сообщения о капитуляции некоторых правых в Германии, напр., Эверта и др. подтверждают этот вывод.

За то же время произошел окончательный распад троцкистских кадров. Известно, что подавляющая часть троцкистов, вместе с виднейшими лидерами, капитулировала, признав правильность политики партии и ошибочность своей линии. За Троцким осталась лишь жалкая группа, запутавшихся и мало известных рабочим, людей. Все это — нельзя не записать в актив партии.

Но, товарищи, дело не в лаврах победителей. Для нас важна прежде всего принципиальная сторона дела. О принципиальном же значении борьбы против правых оппортунистов, оппортунистов откровенного типа, и против «левых» оппортунистов, оппортунистов троцкистского толка, мы должны еще раз напомнить. Без преодоления этих правых и «левых» уклонов мы не имели бы тех успехов, которых пролетариат СССР добился в настоящее время.

Борьба против троцкизма была борьбой за ленинскую политику в отношении основного союзника пролетариата в СССР—за политику союза со средним крестьянством. Не разгромив троцкизма, не разоблачив до конца его антиреволюционной сущности, мы не могли бы сделать наш союз с середняком таким прочным и таким могучим, каким он должен быть для осуществления коллективизации. Без этого союза, под руководством стоящего у власти рабочего класса, невозможно строительство социализма. Между тем, сущность троцкизма как раз и заключалась в отрицании возможности прочного союза с мелким собственником, крестьянином - середняком и в неверии в возможность победоносного строительства социализма в СССР. Без разоблачения этой пораженческой сущности троцкизма, без борьбы со всеми его разновидностями рабочий класс нашей страны не мог бы с несокрушимой настойчивостью и энтузиазмом преодолевать трудности на своем пути. Разгром троцкизма и закрепление союза с середня-

ком были важнейшими предпосылками успешного развертывания социалистического строительства.

Решительная борьба против правых оппортунистов имела также громадное принципиальное значение. Она была необходима для того, чтобы союз с середняком превратить в орудие борьбы против капиталистических элементов и за социалистическую реконструкцию земледелия. Правые колебания проявились в партии с особой силой именно в тот период, когда рабочий класс должен был перейти к политике решительного наступления на капиталистические элементы, особенно в деревне, что не могло не сопровождаться усилением колебаний в мелкобуржуазных слоях. Не случайно также и то, что капитуляция правых в нашей партии совпала с переломом в настроениях среднего крестьянства в сторону социализма. Борьба против правых означала борьбу против мелкобуржуазных колебаний в рабочем классе, не говоря уже о колебаниях в среде крестьянства в сторону кулака. Без разоблачения ликвидаторской сущности политики правых оппортунистов, без преодоления правых колебаний в кадрах партии, мы не могли бы произвести мобилизации рабочего класса, а вместе с ним и крестьянских масс для успешного проведения политики ликвидации кулачества как класса. Таково огромное принципиальное значение борьбы против правого уклона и примиренчества с ним.

Однако, нельзя рассматривать борьбу с троцкизмом и правым уклоном только как пройденный этап. В новых формах разновидности этих настроений находят место и сейчас, будут встречаться и в дальнейшем. Борьба на два фронта—не снята партией с порядка дня.

Срывы в проведении политики партии и теперь нередкое явление, они встречаются на каждом шагу. Мелкобуржуазной бесхарактерности и истеричности, столь характерной для настроений троцкистского типа, немало еще даже в партийной среде. Они находят себе выражение в проявлениях такого рода «левизны», как подмена административным нажимом действительной работы в массах при проведении коллективизации, как «раскулачивание» некоторых середняков, не повернувших пока что на путь коллективизации, а также в головотяпстве с закрытием церквей в административном порядке и т. п. Сюда же относятся рассуждения о том, что в виду наших успехов ленинский вопрос «кто кого?» уже будто бы снят. Такое перепрыгивание через этап обостренной классовой борьбы, каким является настоящий период, является одним из ярких примеров оппортунистического смазывания классовых задач пролетариата под флагом «левых» фраз и потому несовместимо с ленинизмом. Борьба с такой «левизной», на деле представляющей разновидность оппортунизма, является нашей большевистской обязанностью. Без борьбы с такой «левизной» не может быть серьезной борьбы с правым оппортунизмом.

С другой стороны, нельзя забывать, что почва для мелкобуржуазных колебаний откровенно правого толка еще весьма благоприятна. Оппортунистическая дряблость, и особенно пассивность

в вопросах борьбы с кулачеством, характерны для этого рода настроений. Нашлись, например, такие товарищи, которые признали своевременной, в связи с нашими успехами в деревне, ликвидацию советов в районах сплошной коллективизации. Так, в армавирской газете появилась недавно заметка под заглавием «Ликвидация советской власти». И в других местах встречались коммунисты—сторонники передачи «советской власти» правлениям колхозов. В этих взглядах нашли свое отражение оппортунистическая мягкотелость и прямая пассивность в вопросах борьбы с классовым врагом. Иначе нельзя об'яснить эти ликвидаторские настроения в отношении советов, являющихся основными органами пролетарской диктатуры, значение которых должно возрасти в период обострения классовой борьбы. С этими демобилизационными настроениями большевики также должны вести неустанную борьбу.

В период быстрых успехов, особенно в деревне, необходимо подчеркнуть опасность «левых» увлечений. Как известно, успехи кружат голову. Намечается, скажем, план развертывания коллективизации,—план выполняется и перевыполняется, и притом в гораздо более быстрые сроки. Начинают писать бумажные сверхпланы. Или—другой пример. Намечается переход крестьян в артели, а затем после первых успехов начинают и там и тут торопиться с переходом уже в коммуны, не дожидаясь хотя бы некоторого закрепления артелей. Все это весьма похоже на настроение — «шапками, мол, закидаем». Надо своевременно понять опасность этих настроений, иначе легко оторваться от почвы и потерять связь с массами, а такой разрыв — прямая помощь классовому врагу.

Наши успехи велики только потому, что они опираются на активную поддержку масс. Без этого, без опоры на широчайшие массы бедняков и середняков, от этих успехов ничего не останется. Непременным условием руководства пролетариата крестьянскими массами является умение считаться с особым укладом их жизни, что предполагает правильный учет силы привычек и отсталости трудящихся деревни. Не только поставить хорошую цель, но и уметь найти правильные пути ее осуществления—такова задача руководства. В теперешних условиях это значит—сплотить бедноту и батрачество вокруг партии, организовав их ядро и, вместе с тем, укрепить союз с середняком для проведения политики ликвидации кулачества. Не плестись в хвосте масс, но и не отрываться от них—вот что означает в деле строительства социализма умение сочетать цель и средства ее осуществления. Без упорной и терпеливой работы по закреплению наших успехов в коллективизации, без решительной и систематической борьбы с погоней за показными темпами и другими проявлениями «левых» заскоков мы не сделаем прочными наши достижения и не обеспечим дальнейшего движения вперед.

Борьба на два фронта за линию партии, за политику ленинизма

и сейчас имеет актуальнейшее значение. Ударение же в этой борьбе мы должны делать в соответствии с особенностями момента[1].

Перехожу к итогам.

* * *

Что же происходит в СССР? На этот вопрос я отвечу прежде всего словами деятелей из буржуазного лагеря.

Процитирую сначала мнение Ллойд-Джорджа:

> «Большевизм не погиб и, кажется, стоит, как никогда, на крепких ногах. Будущее большевизма в огромной мере зависит от успеха или неудачи пятилетки. Основная мысль пятилетки столь же смела, как и умна. В осуществлении пятилетки большевизм беспощадно последователен. Большевистская диктатура делает героические усилия для реорганизации земледелия и промышленности. На ограниченные средства, имеющиеся в его распоряжении, Советский Союз покупает за границей самые усовершенствованные машины. Если пятилетка победит, Советский Союз станет чрезвычайно важным фактором в области транспорта, торговли и финансов»[2].

Последней фразой Ллойд-Джордж пытался ограничить значение наших успехов. Этому нам не приходится удивляться.

А вот что пишет о СССР Вандервельде, один из лидеров II Интернационала:

> «Нельзя освободиться от впечатления, что там применяются гигантские усилия, что эти усилия дали, по крайней мере, частичный успех (как, например, в нефтяной промышленности), и что, во всяком случае, из хаоса, в котором все еще находится революционная Россия, возникает нечто великое, нечто новое, что ни в чем не похоже на созданное и существующее в других местах»[3].

Нельзя не согласиться с Вандервельде, что то, что происходит в СССР под руководством партии III Интернационала, совсем не походит на положение в капиталистических странах, где во главе правительств стояли или стоят сейчас социалисты II Интернационала.

Процитирую теперь отрывок из статьи руководящего органа военных кругов Германии:

> «Именно потому, что советское правительство знает, что растущая индустриализация тождественна с растущей обороноспособностью страны,

[1] В последних указаниях партии (постановление ЦК ВКП(б) о борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении, статья тов. Сталина «Головокружение от успехов», одобренный ЦК примерный устав с.-х. артели в его окончательной редакции) с особой настойчивостью подчеркивается необходимость борьбы с искривлениями партийной линии, как-то: нарушением принципа добровольности в колхозном строительстве, «раскулачиванием» середняков и т. д. В постановлении ЦК («Правда» от 15 марта) прямо говорится, что «все эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». Только исходя из этих указаний партии, можно обеспечить правильное проведение в жизнь ленинской политики партии. *В. М.*

[2] «Нейе Фрейе Пресс», от 28 декабря 1929 г.

[3] «Ригаше Рундшау», от 4 января 1930 г.

> оно серьезно заинтересовано в сохранении мира, как первой предпосылки осуществления пятилетки. С другой стороны, оно боится, что враги имеют тем больший интерес в воспрепятствовании осуществлению пятилетнего плана, который обозначает необыкновенное укрепление всех хозяйственных, политических и военных сил Советского Союза»[1].

Нельзя не согласиться и с этими рассуждениями спецов германского милитаризма. Не подлежит сомнению, что осуществление пятилетки означает «необыкновенное укрепление всех хозяйственных, политических и военных сил Советского Союза».

Наконец, вот что говорит по поводу коллективизации деревни солидный английский журнал «Экономист»:

> «Осуществится ли или нет эта надежда, русская аграрная революция увеличивает все больше свой размах, и эксперимент, который проделывается сейчас в одном миллионе русских деревень, составляет одно из величайших явлений в истории современной экономики»[2].

В этой статье, озаглавленной «Реконструкция в России — тракторная революция», особенно сильно сказывается стремление смазать значение того, что у нас происходит. Как же иначе можно назвать попытку «Экономиста» охарактеризовать коллективизацию миллионов крестьянских хозяйств, как... «тракторную революцию»? Даже для самоуспокоения так поступать не рекомендуется. Слишком уж не похоже то, что у нас происходит, на простую «тракторную революцию». Нет, это далеко не только тракторная революция! Это нечто побольше.

Говорят также, что это — «антикулацкая революция». Конечно, в известном смысле можно так сказать. Но и это определение для уяснения существа дела явно недостаточно. Происходит нечто гораздо большее, чем антикулацкая революция.

Что же происходит в СССР? Обратимся к фактам и сделаем из них вывод.

Остановлюсь на трех моментах.

Во-первых. Самое важное то, что происходит у нас в области производства. До последнего времени, до решающего перелома в коллективизации, только в индустрии мы имели господство производства социалистического типа, при чем из года в год значение последовательно-социалистических элементов в индустрии (и транспорте) возростало. В сельском же хозяйстве социалистические элементы занимали ничтожное место. Решающим фактом последнего времени является переход основной массы мелких крестьянских хозяйств к крупному сельско-хозяйственному производству социалистического типа, что связано с ликвидацией капиталистических элементов в деревне. К социалистической индустрии присоединяется теперь перестраивающееся по-социалистически сельско-хозяйственное производство. Таким образом, СССР прочно становится на социалистическую производственную базу.

[1] «Миллитер Вохенблат», от 11 февраля 1930 г.

[2] «Экономист», от 4 января 1930 г.

Во-вторых, относительно **товарооборота и кредита**. Господствующее положение государственно-кооперативной торговли прочно закреплено. К концу этого года, даже в розничном обороте, частный сектор будет составлять только одну десятую. Реорганизация кредитной системы как бы завершает приспособление к реконструктивному периоду хозяйственного аппарата с его «надстройками».

Таким образом, совокупность изменений в хозяйственном аппарате,—в производственном, торгово-посредническом и кредитном—дает представление об отличии нынешнего этапа нэпа от первого его периода.

В-третьих, **о госаппарате** в целом. Здесь перестройка идет значительно медленнее. Но изменения, происходящие теперь в производственной базе, а также в товарообороте, особенно в связи с ростом предпосылок для установления планового продуктообмена между городом и деревней, не могут не отразиться и на общегосударственной системе в целом. Движущей силой перестройки госаппарата является участие рабочих масс в государственном управлении. По разным каналам усиливается теперь вовлечение масс в это дело. Серьезные успехи в улучшении государственного управления в целом связаны с успехами культурной революции, подлинным началом которой являются быстро растущие культурные запросы рабочих и крестьянских масс.

Перечисленные моменты, характеризующие происходящие в СССР процессы, позволяют перейти к общему выводу. Этот вывод заключается в том, что **в Советском Союзе закладывается теперь фундамент социалистического общества**. Мы развернули стройку этого фундамента по всей линии и, несмотря на все трудности, успешно продвигаемся вперед.

Все это ведет к коренному изменению не только внутреннего положения СССР, но и к важнейшим переменам в международной области. Остановимся в двух словах на этом последнем моменте.

Нечего говорить, что с самого начала создания Советской Республики была проведена резкая принципиальная грань между СССР и буржуазными государствами. Противоположность политических принципов страны советов и буржуазных государств сказывалась на каждом шагу. Однако, только теперь, в связи с массовой коллективизацией, эти различия достигают своей максимальной остроты. До последнего времени вдоль государственной границы СССР с обеих сторон располагались хозяйства, примерно, одного типа: и там и тут господствовало мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Коренных производственных различий, поскольку речь шла о сельском хозяйстве, не было. Теперь положение круто меняется: к самой границе буржуазных государств вплотную подходит коллективизированное сельское хозяйство. Таким образом, сразу же за этой границей начинается не только другой политический строй, но и другой тип хозяйства,—другой хозяйственный строй. Принципиальная противоположность между стра-

ной строящегося социализма и внешним капиталистическим окружением обнажается. С этим нельзя не считаться в политических выводах.

Нельзя не считаться и с тем, что такое положение в огромной мере повышает значение СССР в отношении влияния на трудящихся капиталистических стран и стран колониального типа, особенно в условиях назревающего мирового экономического кризиса.

Буржуазия стран империализма уже делает из этого свои выводы. Бешенно развертывающаяся антисоветская кампания, под каким бы предлогом она ни проводилась, свидетельствует об этом. Вопрос о подготовке империалистами войны против СССР становится теперь особенно актуальным. Советский Союза знает однако, что в лице международного пролетариата он имеет могучего союзника. В ответ на ожесточенные атаки империалистов против СССР, поднимаются во всем мире новые колонны революционных рабочих в защиту своих прав и СССР, как прообраз своего освобождения. Нарастающий революционный под'ем вселяет бодрость в рабочий класс нашей страны, укрепляя уверенность в победе. Пролетариат Советского Союза считает своей первейшей обязанностью укрепление связи со всем международным пролетариатом и угнетенными массами колоний. Успешное продвижение вперед в деле социалистической индустрии, развертывание коллективизации бедняцко-середняцких масс в деревне с осуществлением по мере коллективизации лозунга «ликвидации кулачества как класса», при крепнущей поддержке социалистического строительства в СССР со стороны международного пролетариата, превращает нашу страну в силу, которую не сломишь, в государство, которое не победишь! (Продолжительные аплодисменты).

Тельман.

В борьбе за большинство германского пролетариата.

1. Из доклада тов. Тельмана на расширенном президиуме ИККИ.

X пленум ИККИ по вопросу о развитии в Германии в связи с вопросом о репарациях сказал, между прочим, следующее:

«Репарационные тяготы ведут внутри Германии к быстрому обострению классовой борьбы, которое находит свое выражение, с одной стороны, в безудержном наступлении капитализма, а с другой — в крупных массовых выступлениях пролетариата. Двойное обременение германского пролетариата репарационными платежами и нажимом собственной буржуазии ускоряет созревание революционного кризиса в Германии...». (Резолюция X пленума).

Немногие месяцы, протекшие с X пленума до настоящего времени, в самой полной мере подтверждают правильность этого тезиса. В Германии в особенности репарационный вопрос становится решающей проблемой, господствующей над всем ходом политического развития в целом и определяющий его. Ныне, после результатов Гаагской конференции, можно сказать, что план Юнга имеет не только национальное значения для Германии, но что он является международной мировой программой буржуазии против Советского Союза. Результат Гаагской конференции заключается в том, что в первую голову германская буржуазия должна наступать не только против германского пролетариата, но, равным образом, и против Советского Союза.

Величайшее значение имеет факт внутренних противоречий между различными партиями II Интернационала в вопросе о плане Юнга, с одной стороны, и с другой стороны, сплоченного единства Коминтерна по отношению к этой проблеме во всем мире. К сожалению, это единство не находит своего полного активного выражения в различных партиях. Было бы необходимо, чтобы, когда в рейхстаге будет ратифицирован план Юнга, важнейшие секции Коминтерна выявили, какую они занимают позицию по отношению к плану Юнга и его разбойничьим результатам для германского пролетариата.

Большое значение имеет мировой репарационный банк, который не только кладет начало экономической, в особенности же сильнейшей финансовой блокаде Советского Союза, но вместе с тем возьмет в свои руки устранение валютных затруднений при возникновении империалистической войны против Советского Союза.

С принятием плана Юнга связаны также различные внутренние законы, международные договора и темные сделки, которые частью носят аггресивный характер по отношению к Советскому Союзу. Я ограничусь упоминанием о германско-польском ликвидационном соглашении, в результате которого в Германии среди населения возникло сильнейшее недовольство планом

Юнга. За этим германско-польским ликвидационным соглашением скрываются военные намерения на том фронте, создать который поставил себе целью американский капитализм, а именно использовать Германию в качестве плацдарма для развертывания наступления против Советского Союза.

Важнейшей проблемой для германской буржуазии является, несомненно, экспортная проблема. Германия должна на протяжении первого платежного периода, продолжающегося 37 лет, в среднем выплачивать ежегодно по 2,2 миллиарда. К этому еще следует прибавить 14 миллиардов кредитов, которые были получены Германией за последние годы во время действия плана Дауэса. Если считать проценты по долгу совершенно скромно в 8% и погашение в 2%, то к 2,2 миллиардам ежегодной дани прибавится еще 1,4 млрд. процентов по долгу. Кроме того наступают крупные затруднения вследствие изменения формы товарных платежей за счет репараций.

В то время как германская буржуазия при существовании плана Дауэса имела возможность платить германской маркой, она в настоящее время обязана в течение всего срока платежей по плану Юнга платить лишь в золотой валюте. Эта проблема становится для германской буржуазии особо затруднительной в связи с тем экспортным кризисом, который переживает капиталистическое мировое хозяйство в целом. Он означает, что германский товарный экспорт в будущем наткнется на непреодолимые затруднения также в связи с новым экспортным наступлением американского империализма. Последний пытается проникнуть все в большей мере не только в колонии и в полуколонии, но также и в Германию и другие страны.

Германский сбыт за границу за последний квартал по сравнению с третьим кварталом 1929 года снизился на 7%, а на внутреннем рынке — на 17%. Это были первые серьезные предвестники явлений кризиса, которые в дальнейшем должны привести Германию к настоящему кризису. Что в Германии мы имеем дело уже с определенным, настоящим кризисом, доказывает, например, наличие 3½ миллионов безработных. Цифра последних продолжает увеличиваться с каждым днем. При этом я не присчитываю гигантское число работающих уже сейчас неполное рабочее время. Число последних достигает, быть может, 2 миллионов. Начавшееся медленное сокращение производства в сталелитейной и железоделательной промышленности за последние 2 месяца также служат доказательством этого явления. Дальнейшим доказательством является колоссально заостренный аграрный кризис в Германии, который еще более усилится вследствие падения цен на пшеницу и рожь. И в качестве последнего доказательства я укажу на недостаток капиталов, который может превратиться в серьезнейший фактор кризиса.

В результате мирового экономического кризиса, в процессе развития которого уже можно отметить крупные снижения цен в отношении важнейших продуктов, для Германии наступят гигантские затруднения в деле погашения репарационных платежей и в результате нового экспортного наступления Америки, вследствие которых германская буржуазия будет вынуждена к чрезвычайному усилению своего экспорта и удешевлению своей продукции.

Мне нет нужды в этих рамках излагать, какие эксплоататорские мероприятия германская буржуазия должна будет в связи со всем сказанным провести в отношении германского пролетариата и всех трудящихся. В усилении капиталистического наступления за последние месяцы уже обнаружилось, что вся тяжесть платежей все же возлагается только на германский пролетариат и на все те слои, которые мы причисляем к трудящимся.

Об обострении военной опасности и о реакционном повороте германской буржуазии против Советского Союза, прежде всего, свидетельствуют крупная систематическая кампания в печати против Советского Союза и против коммунизма, которая проводится за последние месяцы, факт оправдания обвиняемых по делу о подделке советских червонцев — эта наглейшая прово-

кация против Советского Союза — и тот факт, что центр тяжести флота переводится в Балтийское море, из Вильгельмсгафена в Киль. За последние дни прусским социал-демократическим министром внутренних дел было издано постановление, направленное исключительно против находящихся в Германии русских, против русских коммунистов в Германии. Упомяну, наконец, о нападении на торговое представительство в Мюнхене и о проектирующемся нападении на советское торговое представительство в Берлине, а также на колоссальную активность партии центра, где, например, такой человек, как Витус Геллер, который еще недавно писал статьи за Советский Союз, сейчас в печатных органах партии центра с величайшей резкостью поддерживает антисоветскую агитацию.

Я думаю, что эти немногие факты представляются уже достаточными, чтобы показать, что военные приготовления германской буржуазии, руководимые из Америки, сейчас вступили в совершенно иную стадию, чем это имело место во время VI всемирного конгресса и VIII пленума. В решениях партейтага в Вединге,—на котором нам пришлось заняться рассмотрением также и точки зрения примиренцев, которые тогда неоднократно пытались выдвинуть на первый план военную опасность между империалистическими державами и затушевать, что военная опасность уже вступила в стадию, в настоящее время очевидную для всех и каждого, — говорится:

«Непосредственная военная опасность, стоящая в порядке дня, война, к борьбе против которой международный пролетариат должен готовиться в первую очередь, это война — интервенция против Советского Союза, классовая война мировой буржуазии против мирового пролетариата, уже вступившая в стадию подготовки непосредственных вооруженных выступлений».

В другом месте, где мы занимаемся вопросом о правых ликвидаторах и примиренцах, говорится:

«Правые ликвидаторы коммунизма и фракция примиренцев в партии, которые смазывают антисоветский характер германской внешней политики и политики вооружений и отводят внимание рабочих масс от опасности интервенции на конфликты внутри империалистического лагеря, также препятствуют и мешают развертыванию активности коммунистической партии в целях защиты Советского Союза».

Во время VI всемирного конгресса примиренцы под руководством Эверта и эти вопросы ставили неправильно. Большинство германской делегации пыталось тогда выпятить на передний план именно тот факт, что крупным героическим развитием пролетарской диктатуры будут обостряться также мероприятия мирового империализма против твердыни социализма. Мне думается, что данная нами тогда характеристика, что главной опасностью является опасность войны против Советского Союза, получила свое подтверждение не только на X пленуме ИККИ, но и в тех фактах, которые обнаружились за последние недели и месяцы во всем мире. Мне хочется, равным образом, отвергнуть взгляд о том, что Шахт в качестве представителя Америки пытался выставить Германию против Англии и Франции, а также против Советского Союза. Каждый знает, разумеется, что Шахт и Морган в международной области и в Германии делают совместные дела. Но ставить вопрос таким образом, будто американский империализм хочет выдвинуть Германию против Англии и Франции, представляется совершенно неправильным. Это можно было бы доказать на основе тех переговоров, которые имели место за последнее время и знаменуют собой германско-французское сближение.

Мы сегодня можем утверждать с полным правом, что важнейшая ударная сила на военном фронте против Советского Союза — это нынешнее социал-демократическое коалиционное правительство. У нас были на VI всемирном конгрессе разногласия относительно деятельности социал-демократического правительства и особенно относительно роли социал-фашизма. Я напоминаю о том, что, например, тов. Эверт совершенно не понимал, что с вступлением социал-демократии в правительство должен был также передвинуться социальный базис социал-демократии, также и в том смысле, что она в целом должна развиваться в буржуазную сторону. А это, ведь, должно при правильной политике коммунистической партии толкнуть важнейшие пролетарские классовые элементы в ряды коммунистического фронта. Мы уже имели по этому вопросу после результатов выборов в мае 1928 г. в Центральном Комитете и во всей партии различные мнения. Товарищи, группировавшиеся вокруг Эверта,— не говоря уже о правых ликвидаторах, стоящих вне партии,— в это время совершенно неправильно расценили те 9 миллионов голосов, которые были поданы за социал-демократию. Вне всякого сомнения, правильно, что социал-демократия являлась оборонительным укреплением для буржуазии. Но с точки зрения революционной классовой борьбы мы должны не только поставить вопрос, в какой мере социал-демократия представляет собой препятствие для революционной классовой борьбы, в какой мере она является активным фактором, решительно выступающим против пролетарской классовой борьбы, но и вопрос о том, имели ли мы при тех 3¼ миллионах голосов, которые собрала коммунистическая партия, величайшие политические возможности для развертывания и углубления нашего революционного классового фронта в связи с правительственной деятельностью социал-демократии.

В этом отношении у примиренцев наблюдался величайший пессимизм, в то время как в партии и у большинства партийного руководства создалась та оптимистическая основа, из которой мы исходили. Сейчас мы можем сказать, что факты развития доказали правоту Коммунистического Интернационала и германской партии. Предложенные в то время тов. Бухариным тезисы содержали в себе те настроения и тенденции, которые в различных заседаниях выражались меньшинством германской делегации. В настоящее время мы можем подвести определенный баланс деятельности социал-демократического коалиционного правительства. Мне думается, что в основном можно отметить, что социал-демократическим коалиционным правительством выполняются в интересах германской буржуазии следующие три стратегических задач: 1) проведение капиталистического наступления по линии плана Юнга; 2) военная подготовка против Советского Союза; 3) насильственное подавление революционного движения в Германии.

На основе этих трех главных стратегических задач политики социал-демократического правительства мне и представляется целесообразным во всем Интернационале рассмотреть вопрос, как социал-фашистское развитие в Германии, природа социал-фашизма находит свое выражение в роли, выполняемой социал-демократией. Мы можем сегодня утверждать с полным правом, что Германия для многих других капиталистических стран в подлинном смысле этого слова явится областью для проведения социал-фашистского эксперимента. Конечно, и германская буржуазия — как буржуазия во всех других странах — пытается использовать два метода: метод социал-фашизма и метод фашизма. Мы не скрываем также того, что в Германии в самое последнее время рядом с социал-фашизмом вырос также и национал-фашизм. Национал-фашизм, выставляющий рабочие батальоны, с оружием в руках борющиеся против революционного классового фронта, социал-фашизм, который с социал-демократическими полицейпрезидентами и социал-фашистами в правительстве кроваво подавляет безработных и рабочих на улицах руками полиции, — дополняют друг друга.

Мне думается, что здесь мы имеем полнейшее срастание социал-фашизма и фашизма в общем ходе развития, имеющего величайшее значение также и для других стран. Если, например, в последнее время в прави-

тельство Тюрингии вступил представитель национал-фашизма, то это доказывает, что национал-фашизм медленно отходит от своей первоначальной безудержной агитации и что на него в рамках конституции германской республики возлагаются те же задачи по проведению в жизнь плана Юнга, как и на социал-фашизм. В особенности самые последние факты развития в Германии обнаруживают прогрессирующее срастание социал-фашизма с национал-фашизмом. Конечно, в Германии национал-фашизм может продвигаться вперед только потому, что для него пролагает путь социал-фашизм. Мы имеем два характерных факта, которые можно было бы противопоставить друг другу, чтобы доказать это: запрещение Союза красных фронтовиков и антифашистских организаций и сохранение фашистских организаций в Германии. И притом не только сохранение фашистских организаций, но также и тот факт, что правительство проводит мероприятия, направленные к тому, чтобы на базисе фашистских организаций построить свою собственную регулярную армию. Можно сказать, думается мне, что социал-фашизм — чрезвычайно трудно найти подходящее слово,— является оруженосцем фашистской диктатуры. Представляется чрезвычайно затруднительным различать развитие социал-фашистской диктатуры в стадии реакционных насильственных мероприятий социал-демократического правительства, какое мы имеем в Германии, от методов фашистской диктатуры. Следующий вывод, который нужно сделать, это тот, что социал-фашистская диктатура свои мероприятия против революционного фронта еще отнюдь не развернула в той мере, в которой она это сделает в процессе ближайшего развития.

Наша братская австрийская партия, думается мне, в чрезвычайно недостаточной мере обратила внимание на этот факт в развитии фашизма. То слияние социал-фашизма и национал-фашизма, которое в Австрии проявляется в других формах, чем в Германии, примет иные формы и в некоторых других странах. Чем сильнее будут становиться революционные массовые выступления, ведущие к обострению политического кризиса, тем сильнее и агрессивнее будут фашистские методы подавления пролетариата.

При каждом революционном обострении ситуации социал-демократия вступает в правительство. В 1919 году она вступает в правительство, чтобы подавить революцию. В 1923 году она вступает в правительство, чтобы при помощи закона об исключительных полномочиях нанести поражение пролетариату в Саксонии, Гамбурге и др. областях Германии. Ныне, когда в порядке дня стоит план Юнга и его проведение в жизнь, социал-демократия является наиболее активным фактором буржуазии в борьбе против революционного пролетариата и в деле подготовки войны против Советского Союза. «Форвертс» писал несколько дней тому назад о необходимости встать на путь разрыва дипломатических отношений между Германией и Советским Союзом. Тов. Мюнценберг сообщил, что за последние дни в комиссию по уголовному законодательству германского рейхстага министром внутренних дел социал-демократом Зеверингом было послано письмо, в котором он указал на усиление коммунистических беспорядков, упомянул о том, что в редакции «Форвертса» были выбиты стекла, и требовал немедленного принятия закона о защите республики. Мне думается, что оба эти примера показывают, что социал-демократия, с одной стороны, решительнейшим образом поддерживает новые военные приготовления против Советского Союза и, с другой стороны, пытается средствами самого грубого насилия разбить революционный классовый фронт.

Ответ на вопрос, в какой мере — или правильнее,— как долго социал-демократическая правительственная коалиция будет являться наиболее пригодной формой правительства, в настоящее время зависит от различных факторов. Мы держимся того мнения, что нынешнее социал-демократическое правительство еще долгое время будет находиться у кормила правления. Но

при этом нельзя исключать возможность того, что вследствие парламентских голосований и внепарламентских конфликтов может наступить изменение в правительстве. Однако, общая ориентация и план, который поставило перед собой это правительство в деле проведения в жизнь плана Юнга и в области финансовой и налоговой программы, заставляет считать вероятным, что это правительство более длительное время останется у руля.

При рассмотрении социал-фашизма мы не можем ставить вопрос таким образом, находится ли социал-фашизм внутри или вне правительства. Политика социал-фашизма, независимо от того, находится ли он внутри или вне правительства, во всех случаях будет направлена против революционного классового фронта и будет проводиться в целях осуществления задач буржуазии, одними и теми же методами без значительных изменений. Если мы, следовательно, подведем баланс деятельности правительства, то, естественно, обнаружится растущее противоречие: во 1) по отношению к миллионным массам избирателей, отдавшим свои голоса социал-демократии, и во 2) по отношению к одной части социал-демократических членов в рядах партии, в профсоюзах, а также во многих массовых организациях. С другой стороны, все больше складывается сильное крыло из находящихся в государственном аппарате элементов рабочей аристократии и из таких элементов, которые проводят политику социал-фашизма против революционного классового фронта в предприятиях, в профсоюзах и т. д. Мы видим, например, это развитие лучше всего на примере национал-социалистической партии Германии. Еще недавно эта партия выступала в Германии в своей агитации с большими обещаниями по отношению к средним слоям и пролетариату, при чем буржуазия ее отнюдь не призывала к порядку. Сегодня мы видим, что «национал-социалистическая рабочая партия» не может давать никаких обещаний пролетариату и средним слоям, потому что в нынешней заостренной ситуации германская буржуазия должна была запретить руководству этой партии выступать с особыми обещаниями.

Отсюда, разумеется, получается иная позиция национал-социалистов. Так, например, они вошли в состав правительства Тюрингии. Они согласны, стоя на почве конституции и на почве республики, проводить план Юнга совместно с социал-фашистами и буржуазией. Поэтому мы со стороны национал-фашистов и не слышим больше ни одного слова о национальном угнетении в Южном Тироле. Поэтому мы не слышим также от них ничего о реванше против Франции, еще несколько лет тому назад пропагандировавшимся фашистами. Сейчас об этом уже давно позабыто. Поэтому мы наблюдаем и абсолютное включение их в сплоченнейший боевой фронт вместе с социал-фашистами и буржуазии против Советского Союза и участие их во внутренней политике в рамках конституции и республиканских законов, поскольку фашисты сами в настоящей ситуации совсем не в состоянии сделать что-либо большее по пути реакции, чем социал-фашисты. Мне думается, следовательно, что этими немногими чертами развития мы можем подвести баланс деятельности нынешнего правительства. Мы можем также добавить, что подобное же развитие будет иметь место в других странах, в которых существует сильная коммунистическая партия, проводящая правильную политику. Лишь таким образом мы можем ставить вопрос о дальнейшем существовании нынешнего правительства.

«Кельнише Цейтунг» несколько недель тому назад писала об этом следующим образом:

«Нельзя, однако, обманывать себя насчет того, что правительство стоит перед тяжелыми задачами. Поэтому надлежит приложить все силы для того, чтобы содействовать прочности правительства и коалиции. И это тем более, что мы не знаем, что положительное можно было бы поставить на место нынешнего правительства».

В другом месте там говорится следующее:

«... Чем больше укрепляется впечатление, что рейхстаг столь же слабовольно и нерешительно вступил в новый год, как он покинул старый год, тем больший соблазн оно создает для всех любителей переворотов, которые только и ожидают того, что германский парламент окажется совершенно несостоятельным и что существующая система должна будет сойти со сцены».

Мы видим, таким образом, как руководящий орган германской народной партии оценивает ситуацию. Этими немногими строками самым точным образом характеризуется подлинное положение вещей в Германии. В такой ситуации, когда на периферии миллионы масс медленно отворачиваются от социал-демократии или социал-фашизма, естественно, в социал-демократии становится серьезным фактором «левый» социал-фашизм, на который падает задача десяткам тысяч членов социал-демократии преградить пути к коммунизму, в ряды коммунистической партии Германии. Коминтерн в своих последних решениях постоянно констатировал, что в настоящее время внутри социал-демократии опаснейшую роль играет «левый» социал-фашизм. Я думаю, что в настоящей стадии этот факт играет крупную роль не только в Германии, но и в других странах Европы и, быть может, также в странах других континентов.

Представляется фактом, что «левая» социал-демократия, например, вынуждена даже отказаться от своей левой демагогии и фразеологии, что, например, при голосовании вотума недоверия саксонскому правительству «левый» социал-фашист Бёшель был вынужден совместно с членом германской народной партии Бюнгером заявить в заседании саксонского ландтага, что оба они готовы создать в Саксонии большую коалицию. Здесь обнаруживается, что «левый» социал-фашизм, который еще недавно мог проводить кажущуюся оппозицию против коалиционной политики, в настоящее время выступает за правительственную политику в общегерманском масштабе и за создание саксонского правительства совместно с германской народной партией. При этом «левый» социал-фашизм маневрирует таким образом, чтобы природу этого правительства представить перед рабочими массами в другом свете, чем правительство буржуазного блока, которое ранее существовало в Германии и еще немного недель тому назад в Саксонии. Я думаю, что в настоящий момент эта политика «левой» социал-демократии играет большую роль, поскольку она является значительным препятствием для социал-демократических рабочих, желающих перейти в коммунистическую партию.

Те данные, которыми мы располагаем, указывают на то, что «левый» социал-фашизм представляет собой не только национальное германское явление, но колоссально серьезное международное явление, касающееся всего Коминтерна. Дело заключается не только в том, что «левый» социал-фашизм в Саксонии переходит в наступление и пытается при помощи этой демагогии задержать массы, но и в том, что он пытается завоевать различные позиции в общегерманском масштабе, в результате чего социал-демократические рабочие опять-таки на время вводятся в заблуждение, поскольку они полагают, что «левая» социал-демократия проводит другую политику, чем общегерманская политика социал-демократии. В этой ситуации мы имеем большие возможности ускорить процесс разложения социал-демократии. Но так как ситуация заостряется и боевые требования ставятся иначе, чем, например, при исходной точке второго периода, то мы и в области работы по разложению социал-демократических рабочих ставим вопрос об отрыве группировок и групп социал-демократических рабочих иначе, чем тогда.

Ныне мы не пытаемся больше организовать фракционную работу внутри социал-демократии, но пытаемся в важнейших ситуациях при проведении революционных выступлений добиваться откола социал-демократических групп и их присоединения к коммунистической партии. Возможности для

этого имеются в германской действительности. Не только переход меньшевика Швальбе в последние дни или переход женщины-депутата рейхстага Резе к коммунистической партии и переход одной местной группы в свободном городе Данциге, которая вступила в коммунистическую партию за исключением немногих представителей в коммунальном самоуправлении, — обнаруживают отчетливые движения внутри социал-демократии. Эти факты при проведении коммунистической партией еще более заостренной политики, связанной с развертыванием принципиальных противоречий, дают нам еще гораздо большие возможности, чем это сейчас имеет место. Мы должны здесь заявить с величайшей определенностью, что в этой области у нас имеются крупные идеологические слабости, коренящиеся в колоссально трудных условиях развития. Мы имеем отражение этого среди членских масс, где, например, во время дискуссии с самыми фанатическими социал-демократическими функционерами наши товарищи зачастую не в состоянии скрещивать политические шпаги. Но мы полагаем, что при более интенсивной деятельности в этой области мы сумеем усилить наши успехи.

Со времени X пленума и до настоящего времени мы можем констатировать ряд достижений, но при этом мы не хотим скрывать того, что имели место крупные сопротивления, недочеты и пробелы и даже ошибки в проведении политической линии.

Основная проблема, поставленная тов. Мануильским, проблема борьбы за большинство пролетариата, находится в Германии в важной, в решающей стадии. Мы ни в малейшей степени не можем удовлетвориться имеющимися скромными начатками на различных фронтах классовой борьбы. Мы применяли за последнее время много боевых методов и боевых форм, чтобы завоевать широкие массы пролетариата для революционной политики. На нашем августовском пленуме ЦК при докладе о X пленуме ИККИ в качестве важнейшей задачи выдвигалось провести решительный поворот в революционной массовой работе с определенной ориентацией на растущую безработицу в Германии, при чем мы в особенности подчеркивали уроки первого августа, чтобы в будущем избежать их при аналогичных выступлениях. Гораздо более важными являлись оба следующих пленарных заседания ЦК в октябре и в начале ноября 1929 г. На октябрьском пленуме мы поставили вопрос о потере темпа в борьбе против плана Юнга в связи с величайшей агитационной и систематической популяризацией хода выполнения пятилетнего плана в Советском Союзе и развития пролетарской диктатуры. Это заседание ЦК явилось новым революционным актом в развитии партии, так как мы впервые подчеркнули крупное значение национал-социалистического движения на ряду с социал-фашизмом, поскольку национал-фашисты сумели в борьбе против плана Юнга, к сожалению, завоевать временный успех по сравнению с нами.

В настоящее время мы можем констатировать тот факт, что мы не только вернули то, что ранее потеряли по сравнению с национал-фашистами, но что мы в свою очередь обогнали их, так что, быть может, мы в праве сделать скромную констатацию, что в борьбе против плана Юнга в Германии мы заняли руководящую роль.

На ноябрьском пленуме ЦК стояли две крупные задачи: во-первых, оценка различных результатов коммунальных выборов 17 ноября и, во-вторых, подготовка общегерманского конгресса революционной профсоюзной оппозиции. По первому вопросу главной задачей партии было констатировать неравномерность развития, нашедшую свое выражение в подаче голосов за коммунистическую партию в различных округах. Вторая задача состояла в подготовке общегерманского конгресса революционной профсоюзной оппозиции. Крупным основным вопросом являлось создать рядом с партией такую организационную основу, на которой мы могли бы расширять наши кадры,

углублять революционную массовую работу и ставить перед партией более высокие задачи в форме революционных выступлений против буржуазии и социал-фашизма.

На последнем заседании Политбюро мы поставили важнейший, чрезвычайно сложный вопрос: как это является возможным, что у нас в об'ективно благоприятной ситуации и при правильной политике коммунистической партии не удалось в 1929 году мобилизовать массы путем революционных выступлений более высокой степени и путем экономических стачек, какие проводились в 1928 году? Политбюро констатировало, что решения X пленума ИККИ и трех последних заседаний ЦК успешно проведены в жизнь, что не исключает в то же время необходимости констатировать различные ошибки и недочеты в проведении этой политики.

Мы могли отметить следующие достижения и успехи: во-первых, в области укрепления своей политической массовой работы партия колоссально выросла; во-вторых, возмещение потери темпа в борьбе против плана Юнга мы значительно продвинулись вперед; в-третьих, проведение первых мероприятий для более прочной организации революционной профсоюзной оппозиции и, в-четвертых, повышенная активность среди безработных и увязка ее с работающими в предприятиях.

Или когда мы анализируем развитие революционной классовой борьбы в Германии, то мы ставим вопрос о борьбе против плана Юнга не только как революционный лозунг, противопоставляя диктатуре буржуазии освобождение германских трудящихся масс от рабских цепей национального и международного капитализма, не только как вопрос о свержении капиталистического господства, но мы ставим вопрос о борьбе против плана Юнга в повседневной борьбе трудящихся слоев в Германии за каждый кусочек хлеба. В этой связи борьба против плана Юнга является не только наиболее жгучим вопросом принципиальной установки по отношению к социал-фашизму, но он играет крупную роль также и в повседневной борьбе и в расширении наших боевых мероприятий.

В одном месте тезисов, на которое уже указывали некоторые товарищи и на которое тов. Мануильский уже дал ответ, между прочим, говорится об уменьшении стачечного движения с ростом безработицы.

Мне думается, что это определение недостаточное. Так как мы должны продискутировать определенные спорные вопросы, при чем все партии Коминтерна должны попытаться помочь друг другу, то я думаю, что в процессе дискуссии следовало бы несколько детальнее исследовать именно этот вопрос. Мы держимся того взгляда, что здесь должны быть приняты во внимание различного рода факторы развития. Если мы, например, в 1928 году имели 1,8 миллионов стачечных дней и около 10-ти миллионов дней, потерянных вследствие локаутов, при чем большая часть локаутов падает на рабочих в металлопромышленности и в сталелитейной промышленности, а в 1929 году мы имеем 1,5 миллионов стачечных дней, то это, быть может, следует обосновать только ростом безработицы. В других странах мы можем отметить другие факты. В Америке при повышении количества стачечных дней мы имеем увеличение безработицы. В Англии мы стоим перед фактом увеличения числа стачек в 6 раз при одновременном усилении безработицы. В Польше также при наличии сильной безработицы формы стачек приняли другой характер, чем, например, в 1928 году. Мне думается, что здесь мы должны различать следующее, что уже было проанализировано в революционном развитии первой русской революции 1905 года и изображалось как известная предварительная ступень к развитию революционной ситуации.

Период с 1923 года до 1928 года являлся периодом депрессии, из которой рабочий класс за последние годы, правда, уже начинает выходить, чтобы мобилизовать свои резервы против наступления капитализма.

1928 год являлся известной предварительной ступенью к такого рода развитию, которое тов. Мануильский правильно изобразил ступенью созревания революционного под'ема и перехода к революционной ситуации, что в первую очередь является вопросом суб'ективного воздействия на массы со стороны коммунистической партии.

Спрашивается, проводились ли в 1928 году стачки при помощи старых методов, как в 1925 — 1927 гг.? Конечно. Лишь локаут в Рурской области в декабре 1928 года был проведен классово-сознательной частью германской буржуазии с резким изменением боевой тактики и боевых форм.

Другой вопрос, не имеющий такого большого значения, это вопрос о том, что и буржуазия во время высокой кон'юнктуры могла еще делать определенные уступки. Сейчас, при обострении общей ситуации, вся форма капиталистического наступления при помощи буржуазной государственной власти и социал-фашистской политики меняется. Сейчас обнаруживается поворот в вопросе о методах борьбы со стороны предпринимателей. Начальным пунктом этого поворота был локаут 1928 года в металлопромышленности Рурской области. Мне думается, что именно изменившийся характер наступления капитализма с помощью государственного аппарата и социал-фашистских профсоюзов показал, что уже этот локаут был первым признаком новых способов и методов предпринимательского наступления.

Северинг явился тем, кто в конце 1928 года в качестве представителя правительства выступил, чтобы провести в жизнь тогдашние арбитражные решения, обрекавшие рабочих металлопромышленности на голодание.

Это арбитражное решение, принесшее ухудшение аккордных расценок именно для важнейших слоев металлистов важнейших предприятий Рурской области и ухудшившее коллективный договор и в иных отношениях, было первым новым актом германского капитализма против уже начавшегося нарастающего контрнаступления германского пролетариата.

Провести у нас в партии поворот было весьма затруднительно. На крупных конференциях в январе 1929 года мы должны были в вопросе о проведении новой тактики при перевыборах фабзавкомов выдвинуть вперед наших лучших товарищей, чтобы убедить наших делегатов и функционеров в правильности линии Коминтерна. Это было нелегкой задачей. Несмотря на то, что тогда конференция приняла решение против совсем немногих голосов, среди наших делегатов в момент голосования не имелось твердого убеждения. При проведении нашей революционной работы в профсоюзах мы также наткнулись на определенное сопротивление в нашей собственной партии. Это сопротивление было усилено тем, что мы еще не имели такой внутрипартийной консолидации, как, например, в настоящей стадии развития партии. Правда, из партии были вытолкнуты видные правые вожди, ликвидаторы, но примиренчество переняло роль правых в партии и пыталось нам мешать в этой тактике, в связи с чем колоссально усиливалось сопротивление собственных членов в партии.

Осуществление поворота партии к массам, проведение этой революционной тактики затянулось на несколько месяцев. Германская буржуазия изменила свои методы. Ныне во время кризиса в Германии с ее стороны не делается ни малейших уступок. Местами мы уже видим прямое сокращение заработной платы и удлинение рабочего времени. Арбитражная машина затрудняла притом возникновение более крупных экономических боев в 1929 г. Она выносит сейчас другие решения, как равно и рабочие суды в Германии выносят другие решения, чем в 1928 и даже в 1929 гг. Во время перевыборов фабзавкомов мы обнаружили, что нам необходимо считаться с совершенно другими, более решительными методами, которыми германская буржуазия пытается препятствовать также выборам революционных фабзавкомов. К

этому присоединяется то, что в 1929 году произошло большее количество более мелких боев, которые не получили статистического отражения. Официальная статистика отражает лишь тарифные конфликты и общие решения в практике арбитражных органов. Более мелкие бои, имевшие место в Берлине, Саксонии, Гамбурге и Рурской области, являлись первыми боями, протекавшими в более высокой агрессивной форме, где стоял вопрос о самостоятельном проведении борьбы против предпринимателей, социал-фашизма и буржуазной государственной власти. Я думаю, что пролетариат в 1929 году в процессе контрнаступления начал вырабатывать новые формы борьбы против новых методов предпринимателей, социал-фашизма и буржуазной государственной власти, но что эти формы еще не достигли той ступени, чтобы привести экономические стачки к полному их развертыванию.

Эта стратегия капитализма и наша собственная революционная стратегия противостоят друг другу. Там, где такие решающие вопросы иногда ставятся с запозданием, партия не в состоянии достаточно быстро противопоставить стратегии буржуазии свою собственную стратегию. Все-таки мы не должны скрывать того, что и вопрос о миллионах безработных сыграл большую роль. Скрывать это явилось бы в буквальном смысле замазыванием существующих фактов. Это было бы также замазыванием того, что ранее уже сказал Маркс, а именно, что буржуазия создает себе резервную армию, которую она пытается использовать против работающих в предприятиях. Но роль безработных в нынешней стадии имеет гораздо большее значение, чем подозревают наши собственные товарищи по партии. Лишь на основе нашего собственного опыта на различных пунктах классового фронта в Германии мы увидели, каким гигантским фактором является армия безработных, если только нам удается ее вовлечь под нашим контролем и влиянием в революционный поток вместе с работающими в предприятиях.

Ныне в связи с наличием этой огромной армии в Германии мы можем формулировать перспективы на 1930 год уже иначе, чем на 1929 год. Что, спрашивается, изменилось, например, по сравнению с 1929 годом? Не какая-нибудь малость. Во-первых, план Юнга уже принес с собой ухудшения жизненного уровня масс и скачкообразное снижение реальных доходов на 13,7% за последнее полугодие 1929 года, процесс снижения еще не закончен; во-вторых, социал-фашизм и правительство сильнее дискредитированы среди масс, так что коммунистическая партия располагает сейчас совершенно другими возможностями, чтобы на этой основе продвинуться вперед: в-третьих, мы имеем другие новые методы борьбы в стратегии революционной массовой работы и в проведении революционных выступлений; в-четвертых, одной из главных причин, которой об'ясняется отсутствие более крупных экономических боев в истекшем году, являлось, например, отсутствие мощной организующей силы, которая могла бы развертывать и проводить такие бои. Это, быть может, является важнейшим моментом.

И эта потеря в темпе была, быть может, важнейшим тормозом при развертывании экономических боев, так как социал-фашизм совместно с буржуазной государственной властью и предпринимательством беспощадно подавлял в 1929 году всякое боевое выступление.

II. Из речи тов. Тельмана в немецкой комиссии расширенного президиума ИККИ.

Мировой империализм обнаруживает различные формы развития — от плана Дауэса к плану Юнга. Ко времени плана Дауэса мировой империализм, американский империализм в первую голову, пытался оказывать на германскую политику влияние в форме кредитов. На нынешней стадии развития, накануне ратификации плана Юнга международная буржуазия изыскивает новые методы проникновения в германскую экономику. Проблема отчуждения стоит в связи с общими затруднениями кредитной проблемы. Если это будет продолжаться и в дальнейшем по мере развития плана Юнга — получение долгосрочных и краткосрочных кредитов — то для такой страны, как Германия, в которой влияние мирового экономического кризиса уже отчетливо и явно сказывается,—создастся невыносимое положение. Поэтому мы сейчас видим совершенно иные формы. Американский капитализм проникает в германские предприятия, чтобы расширить свои экспортные возможности. Эти тенденции американского капитализма совершенно отчетливо выявились на Гаагской конференции, где, например, такие виднейшие промышленники, как Кассель и Феглер, по поручению германского правительства вели переговоры с мировым империализмом, а Шахт со товарищи торговались с банковскими гиенами. Такие тенденции заложены были уже в общей экономической ориентации экспортного наступления, исходным пунктом которого является Америка. Например, стачка, происходящая сейчас на предприятиях «Опель», направлена впервые не только против германской буржуазии, но против единого фронта германского и американского капитала, участие которого в предприятиях «Опель» выражается в сумме 120 млн. Именно этот крупный факт, что зарубежный капитал и в Германии наступает, применяя в ход новые методы угнетения, будет иметь величайшее значение и для других предприятий.

Сближение между Францией и Германией происходит гораздо быстрее, чем даже мы могли предполагать. Французская промышленность и французская буржуазия уже готовятся в ближайшее же время экспортировать в Германию новые капиталы, вследствие чего наступит новый поворот.

Что касается вопроса о 17 ноября и вопроса о социал-демократии, наилучшую оценку этого вопроса дал состоявшийся в конце ноября пленум ЦК германской компартии. Вовсе не случайно потерпели мы самые доподлинные поражения и провалы во всей Саксонии, в Лейпциге, Дрездене, Хемнице, хотя мы и провели внутрипартийную концентрацию по всей Саксонии, а в Дрездене наши силы сравнительно хорошо консолидированы и сплочены. Дело в том, что там проводилась ошибочная политика по отношению к социал-демократии. Накануне выборов перед компартией стояли две основные задачи. Первая — программа мер по подысканию работы для безработных. Хотя наша партия еще в ландтаге, еще за несколько месяцев до того выдвинула определенные требования в области предоставления работы безработным, во время избирательной кампании, вопрос этот все же нашей партией поставлен не был. «Левая» же социал-демократия выдвинула такую программу мер в области предоставления работы безработным. Второй важной задачей, стоявшей перед компартией, был вопрос о ликвидации 9 ноября как праздника в Саксонии и Тюрингии, где буржуазия чрезвычайно энергично нажимала, требуя отмены 9 ноября. Мы же не поставили вопроса о прекращении работы 9 ноября на всех предприятиях, что социал-демократия несомненно бы отвергла. Если даже не ставить вопроса о праздновании этого дня, все же мы должны были противопоставить нажиму буржуазии наши революционные лозунги 1 мая и 7 ноября — дня русской революции. В этом вопросе мы плелись в хвосте у «левой» социал-демократии. Среди масс создалось представление, будто «левая» социал-демократия защищает 9 ноября. Хотя мы и не идем в этом вопросе с социал-демократией, все же мы должны были тут проявить в нашей тактике известную гибкость. В-третьих, надо отметить, что влияние Брандлера пустило сравнительно крепкие корни в Саксонии. И национал-фашисты, благодаря рационализации, достигли некоторого—хоть и преходящего—влияния среди буржуазных и даже среди рабочих кругов. Таким образом, мы попали под перекрестный огонь фашистов, «левой» социал-демократии и брандлерианцев, да еще к тому же в наших собственных рядах обнаружились некоторые колебания. Вот в этом-то и заключались основные причины нашего пора-

жения, которое повело к реорганизации нашей партии в Саксонии с целью создания единого руководства.

Теперь перейдем к вопросу о социал-демократии. Я уже говорил на пленуме, что в области содействия и ускорения развала в рядах социал-демократии мы имеем большие идеологические слабости. Когда нам говорят, что, например, в русской революции квалифицированные рабочие были решающим фактором, который привел к победе пролетарской революции, то это абсолютно верно. Но и в Германии имеются такие категории квалифицированных рабочих, как, например, строители, которые теперь являются революционным авангардом, а в армии безработицы одним из важнейших ее отрядов. Мы должны отметить тот факт, что во время голодного похода 1 февраля в Гамбурге прошла на 80% всех построек однодневная забастовка. Таким образом, обобщать положение относительно всех квалифицированных рабочих нельзя. Утверждение это всецело верно относительно таких чрезвычайно обуржуазившихся элементов, как печатники и литографы. Но имеются же и другие категории квалифицированных рабочих,— вот, например, трубопрокладчики. Их тоже загнали до того, что они выступили единым революционным фронтом и вместе с неорганизованными сыграли большую роль.

Разумеется, важнейшим вопросом является вопрос о том, взят ли уже партией курс на вовлечение в борьбу новых слоев рабочего класса: работниц, рабочей молодежи, полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих — этих новых слоев, за последние годы увеличившихся колоссально, дошедших до миллионов. Мы не ошибемся, если скажем, что часть социал-демократии тоже примкнет к революционному классовому фронту. Вопрос о разложении социал-демократии стоит в тесной связи с проблемой революционной профработы, с вопросом о том, как нам продолжать нашу работу внутри Всегерманского об'единения профсоюзов — АДГБ, насчитывающего около 5 млн. членов. Тут вопрос стоит о том, как, какими гибкими, эластичными методами и средствами включить миллионы людей в лавину революционной борьбы. Например, на окружных с'ездах профоппозиции присутствовали 6.200 выборных делегатов, в том числе 25% безработных, выбранных на бирже труда, около 12% рабочей молодежи. Важнейший вопрос в делегатских выборах заключается в том, что лишь 10 — 12% рабочих предприятий участвовали в выборах, т.-е. 88% не присутствовали на выборах делегатов, и мы совершенно не знаем, какого направления эти 88%, какая у них установка. Это—серьезный момент. Надо поставить себе вопрос, что делают эти 88%, часть которых, конечно, идет за нами, и почему же они не участвовали в выборах. Ведь не только же из-за одного страха перед предпринимателями, но отчасти и из-за страха перед коммунизмом.

Мы начали в Германии с созыва всегерманского конгресса революционной профоппозиции, затем организовали окружные с'езды профоппозиции, а теперь проводим во всех районах и подрайонах районные конференции. Вопрос о необходимости созыва всегерманского конгресса встал потому, что развитие революционного профдвижения в Германии происходило таким быстрым темпом, что мы не имели даже времени отсрочить конгресса на 2 или на 3 недели, хотя это дало бы нам большое преимущество в смысле подготовки. Но нам пришлось очень быстро сорганизовать этот всегерманский конгресс. Делегаты его выбирались в низах, так же как делегаты на окружные и районные с'езды и на конференции, которые теперь происходят (Берлин, Саксония, Нижний Рейн, Рур и Померания). Теперь всегерманский комитет профоппозиции переходит к образованию не только окружных, но и местных комитетов, которые в свою очередь избираются рабочими важнейших отраслей промышленности.

Переходим к вопросу о профсоюзах. Почему мы ставим вопрос о том, что фабзавкомы должны коллективно примыкать к революционной профоппозиции? Почему мы ставим вопрос, что и рабочие предприятий, голосовавшие при выборах фабзавкомов за красные списки, должны коллективно примыкать к революционной профоппозиции? Именно потому, что еще никаких решений по этому вопросу не принималось. Но уже пора поставить и разрешить вопрос о новых методах в работе революционной профоппозиции.

Важнейшей проблемой является вопрос о том, должны ли мы принимать неорганизованных в революционную профоппозицию, разумеется, с членскими книжками или же билетами и взносами. Если мы поставим вопрос в такой плоскости, то это означало бы невероятно усложнить и затруднить сложнейший процесс укрепления нашей революционной массовой работы и потерю масс, которые идут за АДГБ и социал-фашистами. Тут возникают весьма сложные вопросы, которые нужно постепенно один за другим разрешить. Если бы мы выработали какую-то абсолютную схему, то это означало бы сузить нашу гибкость, нашу эластичность и итти прямо на удочку социал-фашистов, и уж во всяком случае это не есть путь, по которому революционная профоппозиция может итти к росту и развертыванию своих сил. Это могло бы только воспрепятствовать и затормозить рост революционной профоппозиции. Она, конечно, растет большей частью за счет неорганизованных и беспартийных. Из резерва миллионных масс мы завербуем широчайшие массы для организации и развертывания политической работы. Но 5 млн. членов АДГБ и около 1½ млн. членов христианскх и гирш-дункеровских профсоюзов,— тех организаций, о разложении которых тоже стоит вопрос,— оставить эти миллионы на произвол их профбюрократии равносильно предательству пролетарской революции. Поэтому мы представляем себе перспективы нашего движения в такой плоскости, что мы не отступим даже от необходимости создания новых профсоюзов,— в зависимости от ситуации, от хода событий и от того, окажемся ли мы в состоянии,— если понадобится это для увлечения масс. Но с другой стороны мы ни в коем случае не прекратим развертывания фракционной работы революционной профоппозиции, но напротив будем продолжать эту работу, ибо она охватывает миллионы организованных.

Быть может, важнейшим вопросом ближайшего будущего является проблема подлинно коммунистической фракционной работы в профсоюзах. Можно ли без этой работы фракции укрепить революционную оппозицию? Ячейка на предприятии является центром политической работы, на основе которой развиваются все другие каналы, вся сеть организаций, уполномоченных, боевых стачкомов, избирательных комиссий при выборах фабзавкомов и т. д. Точно так же комфракция есть та инстанция, которая сама собою способствует углублению революционной оппозиции в профсоюзах, расширяет эту оппозицию и ставит перед ней все более и более высокие задачи. Я считаю, что этот вопрос, особенно в связи с выборами революционных фабзавкомов, приобретает величайшее значение. Чрезвычайно важен вопрос, как увязать эту кампанию по выборам фабзавкомов с другими организационными задачами, например, с быстрым развитием, с подлинным строительством и расширением института революционных профуполномоченных. Эти профуполномоченные должны поднять всех рабочих предприятия для непосредственного наступления и контрнаступления против буржуазного государства, предпринимателей и социал-фашизма.

В вопросе о борьбе с правыми, примиренцами и оппортунистами в наших собственных рядах мы установили в нашей последней резолюции Политбюро наличие идеологической слабости с нашей стороны. Сейчас в Германии на переднем плане кампания по выборам фабзавкомов, и в процессе развертывания этой кампании совершенно неудовлетворительно проводилась отошедшая на задний план подготовка к 6 марта, что уже констатировал Политсекретариат.

Я не скрываю, что в этом отношении критические замечания относительно недостаточной идеологической борьбы с правыми совершенно справедливы. Нельзя схематически подводить под один ранжир, сравнивать борьбу против примиренчества и борьбу против оппортунизма в наших рядах. Несколько месяцев назад мы размышляли над вопросом, не следует ли нам перейти к теоретической, а также к практической борьбе в нашей печати против группы Брандлера. И, может быть, тут было наше упущение, хотя мы, кажется мне, были совершенно об'ективны и абсолютно правы, когда заявляли, что в наших органах необходимо самым резким образом вести самую беспощадную идеологическую борьбу с теорией брандлеризма. Если же мы стали бы бороться с Брандлером в прессе, публично, то мы придали бы ему этим такое значение, которое не соответствует этой маленькой секте офицеров без солдат. Брандлериацы — это секта, и если мы не допустим в своей внутрипартийной работе каких-нибудь тактически неправильных маневров и мероприятий, то за ними не пойдут никакие рабочие, ибо у них слишком двойственная программа, и они утратили правильную точку зрения на политическую ситуацию в Германии.

Иначе стоит вопрос о борьбе с примиренчеством, ибо это примиренчество не выкорчевано еще окончательно в наших собственных рядах. С помощью наших мероприятий примиренцы капитулировали под нажимом собственной партии, ибо за немногие месяцы, прошедшие со времени веддингского партс'езда, авторитет партруководства вырос не только среди членов нашей партии, но и в массах. Есть ли кроме коммунистического партруководства, которое тоже имеет коллективные формы, еще хоть одно такое партруководство, которое бы пользовалось таким авторитетом среди масс на данной стадии развития? Нет. Поставим вопрос наоборот, с другого конца: имеются ли в рядах социал-демократии такие лидеры, которые действительно являются авторитетными лицами? В условиях нынешней деятельности социал-фашизма среди многомиллионных масс организованных даже среди их собственных сторонников и среди миллионов, голосовавших за них, недоверие к ним уже гораздо сильнее остающегося еще доверия.

По мере обострения деятельности властей и социал-фашистов, входящих в состав правительства, все более и более дискредитирует себя и руководство социал-демократии. Лучшие ее виднейшие лидеры, которые еще пользовались виднейшим авторитетом, как, например, Зеверинг, приобретают в глазах масс репутацию предателей пролетариата. Я полагаю, что в результате этого и примиренцы, вернее их руководство проваливается.

У нас еще на VI конгрессе Коминтерна были расхождения, мы уже тогда боролись с ложной теорией и неверными взглядами Эверта. И если в Англии при нынешнем обострившемся положении Эверт все еще считается великим человеком, то это лишь свидетельствует о том, что английская компартия не ставила еще как следует этот важнейший политический вопрос. Для нас же заявление Эверта вовсе еще не служит доказательством того, что он согласен с нами, хотя он и говорит в своей декларации, что будет вместе с нами бороться против брандлеризма и ликвидаторов. Пусть он еще сначала покажет на деле путем активной дисциплинированной работы, хочет ли он действительно плечом к плечу с партией, на стороне партии — я не говорю, руководства — проводить в жизнь задачу партии, и проводить их так, чтобы нигде не обнаружился бы характер его прежних политических убеждений.

С. Сырцов.

Задачи партии в деревне*).

Политические задачи момента ясны. Они совершенно ясно и четко определены в выступлении тов. Сталина, сформулировавшего лозунг «ликвидации кулачества как класса». Было выступление тов. Молотова, сказавшего:

> «Теперь на очереди стоит задача ликвидации кулачества как класса. За это дело взялись миллионы крестьянской бедноты и середнячества. Мы им поможем. Это дело — дело не одного месяца и года, но в 1930 году мы кулаку нанесем сокрушительный удар широким развертыванием колхозного строительства. (Выступление тов. Молотова на з-де «Красный Пролетарий»).

Политические задачи обрисованы и в ряде решений ЦК партии. Я имею в виду, прежде всего, известную резолюцию о темпах коллективизации.

Обезопасить резолюции и лозунги от упрощения и механического проведения.

Самое важное, чего сейчас необходимо добиться, это того, чтобы все указания, директивы и лозунги, выдвинутые партией, проводились в жизнь с максимальной сознательностью, с наибольшим учетом конкретной местной обстановки и без всякой дани упрощенству. Дань упрощенству — это обычная кара за неумение работать собственной головой, за механическое, несознательное проведение линии.

Не так давно мне пришлось читать сообщение бригады, работающей в одном из деревенских районов Московской области. Это сообщение, по своему стилю напоминающее боевое донесение, заключало в себе сжатое сообщение о том, что в данном районе в течение стольких-то часов, «в ночь на такое-то число, кулачество как класс было ликвидировано и что в ближайшие дни то же произойдет и в других районах». Руководящий работник Крымской республики недавно мне передавал сообщение местных работников Судакского района о том, что «на протяжении времени от 5 часов вечера до 7 часов утра кулачество как класс было ликвидировано».

Такое упрощение, такая примитивность сознания, ни в какой мере не соответствует тем задачам, которые сформулированы в партийных документах.

Характер нынешнего поворота

Нынешний поворот связан с теми количественными изменениями, перешедшими в качественные, которые претерпела новая экономическая политика. Этого не хотела и не могла видеть правая оппозиция. Одна из ошибок тов. Бухарина заключалась в утверждении, что реконструктивный период не представляет собой такого принципиального поворота в нашей политике, каким был поворот 1921 года.

*) Статья представляет собой переработанный доклад тов. С. И. Сырцова, прочитанный 20 февраля 1930 года на общем собрании ячейки ВКП(б) Института Красной Профессуры.

В статье, напечатанной в «Правде» от 19 февраля, тов. Бухарин пишет:

«Крупнейшим поворотом в ходе нашей революции был поворот 1921 года, переход от железного, сурового и прямолинейного «военного коммунизма» к гибкой, эластичной и маневренной «новой экономической политике». Этот поворот во многом не был предвиден заранее, хотя именно с элементов «новой экономической политики» и начиналась — как это было отмечено Лениным — хозяйственная политика пролетарской диктатуры. В настоящее время мы переживаем другой крутой перелом с большой перегруппировкой классовых сил, с чрезвычайным обострением классовой борьбы, с перестройкой рядов внутри рабочего класса». (Н. Бухарин, «Великая реконструкция». «Правда» № 49).

Таким образом, принципиальные изменения признаны теперь и т. Бухариным, хотя и с известным запозданием, но лучше поздно, чем никогда.

Для тех, кто всерьез принимал указание Ленина насчет вопроса «кто—кого», и предсказания Ленина о последнем и решительном бое, этот поворот не явился таким неожиданным в своих основных чертах. Напомню это предсказание Ленина: «Действительно, «последний и решительный бой» не с международным капитализмом, — там еще много будет «последних и решительных боев» — нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить». (т. XVIII, ч. II, стр. 31)

Конечно, одно только правильное предвидение и правильное отношение к авангардным боям, разыгравшимся на почве сопротивления кулачества нашим хлебозаготовкам, еще не гарантирует ясного и отчетливого проведения линии. Недостаточно еще политическим чутьем уловить правильную тенденцию, — важно уметь теоретически ее осмыслить и правильно организовать практическое проведение линии партии.

Тот перелом, который сейчас происходит в деревне, говорит о действительном повороте широчайших бедняцко-середняцких масс к новым формам хозяйства. Этот поворот тем серьезен, что его не могут опорочить даже специалисты по перегибам, которым не терпится применить административный нажим. Даже такие факты, как вовлечение в колхозы некоторой части крестьянства не в порядке добровольности, а в порядке нажима, не опорачивают основного положения: произошло резкое размежевывание в деревне, кулак оказался изолированным, и бедняцко-середняцкие массы деревни в своих основных слоях повернули к колхозному движению и поддерживают политику рабочего класса.

Вернулись ли мы к военному коммунизму? Можно ли немедленно ликвидировать нэп?

Значит ли это, что на данный стадии развития мы имеем основание говорить об отмирании всех отношений нэпа? Можно ли сейчас сказать, что новые производственные формы смычки, массовое образование колхозов и огромные возможности, в связи с этим, роста планового начала (если мы сумеем основательно закрепить колхозы), представляют собой ни что иное, как возврат к военному коммунизму? Конечно, при желании можно найти много отдельных черт, сближающих целый ряд сегодняшних экономических и бытовых явлений с периодом военного коммунизма. Можно не без успеха проводить аналогии, но аналогии — штука опасная, они много раз путали людей, которые, будучи не в состоянии охватить явление в целом, живут поверхностными сопоставлениями. Известно, как сели в галошу те, кто видели только одну сторону нэпа, и мыслили нэп, как отступление. Судить только по аналогии, без серьезного экономического и политического анализа, было бы совершенно неправильно и толкало бы (а некоторых и толкает) на ошибочные шаги. Когда мы применяли чрезвычайные меры, случалось, что та или иная часть нашего актива быстро настраивалась, на продразверсточный лад. Всем хорошо известно, сколько энергии приходилось затрачивать наиболее сознательным элементам партии, чтобы исправить вред от трактовки чрезвычайных мер, как мер, автоматически повторяющих эпоху военного коммунизма, копирующих разверстку.

Надо сказать, что и сейчас мы каждый день наблюдаем рецидивы военного коммунизма в тех или других организациях. Кое-где, например, создается нечто похожее на заградительные отряды. Для того, чтобы можно было сознательно бороться с рецидивами военного коммунизма и не поддаваться рефлексам военного коммунизма, надо понять следующее: переживаемый нами переходный период кое-что повторяет из того, что было в период военного коммунизма, но это не механическое повторение, а новое явление на новой базе, в новых условиях. Надо также не забывать, что темпы коллективизации, проектируемые сейчас в ряде мест, нельзя смешивать с реально обеспеченными темпами. Если даже брать самые крайние проценты, то значительное место для индивидуального крестьянского хозяйства еще остается.

Наши отношения с колхозами, которые будут в дальнейшем все более приближаться к форме непосредственного продуктообмена города с деревней, мы вынуждены будем строить во всяком случае в первое время в формальных рамках денежных сделок. Денежные отношения понадобятся еще очень продолжительное время для того, чтобы возможно резче провести в колхозах принцип хозрасчета, вполне оправдавший себя в нашей промышленности. Не подводя под колхозы принцип хозрасчета, мы рискуем нашу плановую систему весьма основательно запутать. Таким образом ревизовать все и вся от нэпа нам отнюдь не приходится. Многое отмирает, многое видоизменяется, но часть отношений нэпа еще продолжительное время (может быть дольше, чем мы думаем) будет оставаться. Кроме того, думать сейчас, что один факт образования колхозов уже радикальнейшим образом немедленно перестраивает отношения между городом и деревней, не приходится. Многие колхозы строятся пока вне производственных процессов. Весною они развернут свое производство и результаты мы получим летом и осенью, когда соберем урожай, когда подсчитаем размеры товарности вновь организовавшихся или старых расширившихся колхозов.

У нас существуют две системы рынка: одна система нами регулируется и в ней заключается максимальная доля планового начала; вторая — имеет несравненно меньшее значение, но идет и развивается по своим собственным законам; к овладению ею мы подошли, но изжить ее мы сумеем только тогда, когда реальный рост сельскохозяйственного производства в колхозах и совхозах и рост кооперации позволит вытеснить довольно скромные остатки частника. Иногда частник держится, главным образом, на близорукости, бестолковости и преступном попустительстве наших хозяйственных органов, во взаимоотношениях которых он часто играет роль посредника. Наши хозорганы не всегда выполняют совершенно элементарных, давно декретированных положений о том, чтобы не пользоваться услугами частника, а устанавливать непосредственные отношения с государственными и кооперативными организациями. Частник играет здесь особо паразитическую, спекулянтскую роль, опираясь на нашу бестолковость, неорганизованность и на все последствия бюрократических извращений и перегибов централизации. Но на рынке продуктов питания позиция частника, несмотря на свое скромное место в общей доле хозяйства, такова, что он все-таки выполняет какие-то функции, которые мы в настоящее время пока что не можем немедленно и полностью взять на себя. Я имею в виду самого разнообразного частника, начиная от молочницы, которая привозит молоко в наши крупные города, и кончая

теми лавочниками, которые торгуют с'естными припасами, заполняя прорывы потребснабжения.

Близоруким увлечением и заскоком необходимо признать такие установки, которые проскочили в одной из газет Северного Кавказа:

«Осуществление сплошной коллективизации не означает (в области классовых отношений и осуществлении политики социалистического наступления) ликвидации только кулачества как класса. Совершенно несомненно, что вслед за кулачеством встанет во весь рост проблема ликвидации городского нэпманства, как части капиталистического класса, выросшего в годы новой экономической политики».

«Станет во весь рост проблема ликвидации городского нэпманства». В этой формуле явно подменяется наша основная, главная задача. Подумаешь, какой рост у этой проблемы! Разве можно в какой-нибудь мере ставить это рядом с задачей ликвидации кулачества? Частник может быть ликвидирован в два счета, но не в этом сейчас наша задача. Та социальная дробь, которую в настоящее время представляет собой нэпман, не может фигурировать вровень с кулачеством, чей хребет — хозяйственный и политический — еще нужно сломать.

Не отрывать администрирования от политики.

Недавно один местный исполком постановил: «под личную ответственность руководителей государственных и общественно-кооперативных учреждений и организаций прекратить немедленно всякую выплату денежных сумм по долговым обязательствам, по всем видам договоров, вкладов из сберкасс и изо всех видов кооперации, в том случае, когда получателем этих денег является классово-чуждый элемент, нэпман, кулак, частный подрядчик и т. п. лица».

Те легкомысленные люди, а особенно инстанции, которые дают такого сорта директивы, наносят громадный вред нашей экономике, дезорганизуют хозяйственные отношения. Набив горшков, они потом недоуменно озираются и не понимают, почему продуктов стало меньше, почему цены повысились, почему сбережения стали хуже поступать в сберкассы. И нужна большая доля самосознания, чтобы эти усердные администраторы поняли, что это их «внеплановое» администрирование над экономикой, похожее на возню слона в посудном магазине, привело к таким разультатам.

Нужна совершенная беззаботность и приученность к отказу от политического мышления, чтобы дойти до того, чтобы линию ликвидации кулачества как класса, отождествить с ликвидацией сберегательного учреждения, как кассы. В лозунге сказано о классе, а вовсе не о сберкассе, и нам эти кассы нет расчета ликвидировать, и если есть кому-нибудь расчет, то тому же кулаку, тому же частнику, которые хотели бы, чтобы тревога, испытываемая капиталистическими элементами, перенеслась на трудящихся, на кустарей, на служащих, чтобы она возможно шире распространилась в виде нелепых слухов о том, что начинается полоса из'ятий, что будет «неделя сундука» и тому подобные глупости.

Ошибки и административные увлечения отдельных наших организаций и учреждений деморализуют нашу хозяйственную жизнь. Такого рода поспешные и нелепые действия определяются основным пороком — беззаботностью насчет экономики. Есть у части наших работников тенденции подменить регулирование сложных экономических отношений самыми упрощенными грубыми административными наскоками, вытекающими из привычки каждый вопрос решать эмпирически: попробуем, что из этого выйдет, а если жизнь ударит

по лбу, то убедимся, что надо было сделать иначе. Эти товарищи забывают указание Ленина: «не отрывать администрирования от политики».

Трезво и правильно учитывать соотношение сил.

Все эти отдельные заскоки, отдельные ошибки, все эти извращения ни в какой мере не могут снять основного факта — колоссального принципиального сдвига в области наших хозяйственных и политических взаимоотношений, коренного изменения соотношения сил в стране, на почве роста нашей промышленности, роста рабочего класса, роста его сознательности и организованности. Эта полнокровность рабочего класса наглядно показывает нам, как неизмеримо далеко мы ушли вперед от того периода, когда рабочий класс, несравненно меньший по численности, был распылен по полуразрушенным предприятиям, работавшим с неполной нагрузкой, когда часть рабочих была деклассирована.

Индустриализация страны делает свое дело. Вырос рабочий класс, участие в социалистической стройке повысило его самознание и уверенность. Революционный энтузиазм, с которым рабочие массы подходят к решению нынешних задач, даже при наличии некоторой примитивности в подходе, говорит об укрепившихся позициях социализма и возможности перехода на новые. Это — бесспорное достижение нашей политики, которая бралась под сомнение со всех сторон и получила практическую проверку. Изменившееся соотношение классовых сил позволяет нам с такой смелостью ставить задачу, о которой год-два тому назад трудно было думать, но оно же и обязывает нас к величайшей ответственности. Экономический поворот, совершаемый нами, дает нам громадные возможности движения вперед по пути социалистической переделки деревни, но он возлагает и чрезвычайно большую ответственность за правильный ход работы. А степень правильности определяется степенью правильности учета соотношения сил. Недооценка в учете соотношения сил привела бы к тому, что пролетариат и его авангард сузил бы свои задачи, обкарнал бы себя. Переоценка его сил привела бы к революционному авантюризму, к таким ошибкам, в результате которых мы можем быть отброшены далеко назад, можем изменить соотношение в какой-то мере не в пользу рабочего класса. Здесь нужно помнить предостережение Ленина, которое он давал по совершенно иному поводу, но которое приложимо и в настоящее время.

«Явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую труднейшие переходы, революционную работу не способны». (Ленин — «О современной экономике России», т. XVIII).

Всякая переоценка означала бы потерю целого ряда возможностей, реально имеющихся у рабочего класса, а цепь этих ошибок означала бы, что рабочий класс будет отброшен назад. Здесь нам нужно и в нынешних условиях вспомнить те предостережения, которые, правда, в совершенно иных условиях, делал Ленин, когда он говорил:

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст про-

селка — вернее десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железной дороги, т.-е. от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?

Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму? Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной завершенной научной работе, точно. Это условие — электрификация». (т. XVIII, ч. 1, стр. 221—222).

Произошли громадные изменения с тех пор, как Ленин произнес эти слова. За это время патриархальщине и дикости в целом ряде районов нанесен сильнейший удар. Под натиском индустриализации, под натиском рабочего класса значительно отступила назад патриархальщина и безкультурье. Так что, несомненно, мы значительную долю «дикости» ликвидировали, но в какой-то мере различия укладов, о которых говорил Ленин, продолжают оставаться и сейчас. Есть районы, более подготвленные к проведению всей линии и к последовательному осуществлению задач по организации колхозов, и есть районы, экономически менее подготовленные. Вот почему, следуя указаниям Ленина, учитывая, что Ленин в свое время предупреждал коммунистов Закавказья о том, что они не могут проводить вслепую тактику русских коммунистов, годную для русских районов, ЦК правильно выработал директиву о коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах.

Как вести борьбу с кулачеством?

Вопрос о том, как практически развертывать борьбу с кулачеством и какие опасности нам предстоят, — определяется суммой того опыта, который мы получаем по разным районам, и умением на основе этого опыта строить свою дальнейшую линию. Пестрота этого материала чрезвычайно велика, как и следовало ожидать. Ожесточенная борьба кулачества не имеет успеха там, где более правильно проводится партийная линия, она получает относительные успехи более или менее длительного порядка там, где наши работники делают глупости, где руководство политически близоруко или легкомысленно. Сила кулачества надломлена, и если не будет сделано совершенно исключительных ошибок, глупостей и искажений смысла партийной линии и партийных директив, то кулачество, при всей своей изворотливости, не в состоянии будет организовать вокруг себя сколько-нибудь значительных групп середняков и бедняков. История не знает успешных восстаний кулачества без участия тех или иных групп бедноты и середняков. Отдельные слои бедноты и середняков могут шарахнуться на авантюру только под влиянием особо грубых ошибок с нашей стороны. Не преуменьшая кулацкой опасности надо видеть, в чем она реально заключается. Основное в том, чтобы не позволить кулачеству выйти из состояния изоляции. Необходима бешеная работа по организации бедноты, в частности, по созданию групп бедноты, по укреплению связей с середняками. Эта организационно-массовая работа, ее размах, сколачивание бедняцко-середняцкого актива имеет решающее значение, но на практике о ней часто забывают и думают, что ликвидацию кулацких хозяйств можно провести верхушечными бюрократическими приемами. Часть кулачества в настоящее время деморализована, не имеет перспектив. В развернувшейся необычайно остро классовой борьбе мы наблюдаем ряд драматических сцен, подтверждающих, что известная часть кулачества вышиблена из седла, что у нее хребет переломан, что воли к борьбе — по крайней мере на данной стадии — у нее нет. Но это относится только к известной и небольшой части кулачества. Это не значит, что и эта часть кулачества выпала совсем из игры. Если мы не сумеем дезорганизовать своего

классового противника, если мы ко всем кулакам будем применять одни и те же меры, мы даже самого бесперспективного кулака можем автоматически толкнуть на поддержку более энергичных и классово-активных элементов.

Обеспечить рост производительных сил.

Классовый инстинкт кулачества толкает его на вредительскую работу, чтобы подорвать, ослабить базу социалистического строительства. По этой линии работала и агентура международного капитализма (вредительство со стороны изменнических элементов из среды специалистов). Для успеха социалистического строительства нужен максимальный рост производительных сил. Разрушение производительных сил является для нас очень опасным делом. Снижение производительных сил, происходящее в настоящее время на отдельных участках сельского хозяйства очень тяжело. Часть этих потерь представляет собой совершенно неизбежные накладные расходы революции. Ни одна революция без издержек производства и без накладных расходов не обходится, они возмещаются потом более высокой организацией производства. Но мы обязаны эти издержки всеми мерами уменьшить. Вредительство в отношении животноводства, уничтожение скота, захватившее не только кулачество, но и некоторую часть середняков, говорит о величайшей напряженности борьбы и о необходимости максимально развернуть работу для того, чтобы парализовать это явление.

Вредительство должно быть парализовано силами нашей пролетарской диктатуры, бдительностью соответствующих органов, массовой организованностью бедноты, максимальным укреплением связи с середняком, подчинением деревни гибкому и умелому руководству пролетариата.

Решительно изживать потребительские настроения в колхозах.

В очень многих колхозах мы наблюдаем взрыв потребительских настроений. Велик напор на потребление у крестьянина, переставшего ощущать действие прежних регуляторов. В индивидуальном хозяйстве задачи накопления доминировали над всем, и потребление было подчинено этой задаче. Колхозы должны свою деятельность строить на принципе подчинения потребления интересам производства. При правильном развертывании колхозного строительства оно сулит крестьянству громадные возможности повысить свое потребление, но это в дальнейшем, если мы добьемся широчайшего роста производства Начинать с этого конца, с проедания, отнюдь нельзя. Некоторые чуть ли не начинают действовать по принципу: все поесть в один присест.

Нынешнее массовое колхозное движение опирается на организационные формы старых колхозов, возникших при поддержке государства, на основе широкого государственного кредита. Только громадное недоверие к колхозному движению вообще, только мелкобуржуазная позиция индивидуального мелко-капиталистического хозяйства могла продиктовать такой вывод, что деньги, отпускаемые государством в виде кредитов, на организацию колхозов, брошены «псу под хвост». Я позволю себе напомнить, что в свое время — значительно раньше нашего колхозного опыта — Энгельс писал:

«Материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономии могут показаться выброшенными деньгами, а между тем, это — прекрасное употребление капитала, потому что они сберегут, может быть, в десять раз большие суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем, следовательно, быть очень щедрыми по отношению к крестьянам». (Энгельс, «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии»).

Даже на примере сравнительно бесхозяйственных колхозов, мы убеждаемся в том, что те деньги, которые с точки зрения непосредственного хозяйственного расчета вчерашнего дня использовывались нерационально, позволили накопить известный опыт, известные организационные приемы. Опираясь на них, мы получаем возможность хозяйственно оздоровить существующие, организовать новые колхозы с минимальным расходованием государственных средств. Массовая коллективизация крестьянства ставит вопрос о постройке колхозов почти исключительно на средства самого крестьянства.

Правильной организацией колхозов преодолеть производственный нигилизм отдельных слоев крестьянства.

Существует еще одна большая опасность для дела колхозного строительства. Она тесно связана с потребительскими настроениями.

Я говорю о производственной апатии и производственном нигилизме, которые проявляются у значительной части крестьянства, вошедшего в колхозы. По этой опасности нужно немедленно бить. Она в значительной мере обусловлена нашими организационными недостатками. Крестьянин привык работать в рамках своего хозяйства, привык болеть за него, думать ежедневно, составлять и пересоставлять свои рабочие планы. Теперь он повернул к колхозу. Он включился в наше плановое хозяйство. И он ждет от нас заданий. Мы же находимся в организационной сутолоке и бестолковщине. Ее надо кончать как можно скорее, потому что она представляет одну из величайших опасностей. Она оставляет без руководства крестьянина, пришедшего с известными колебаниями, не порвавшего еще со своим наследием, сравнивающего свой организационный опыт с организацией производства в колхозе и ждущего указний и «заданий». Чем скорее мы этого нового колхозника поставим в рамки определенной производственной работы, определенного порядка, пробудим его производственную инициативу, тем скорее мы справимся с той мелкобуржуазной потребительской стихией, которая основательно бушует в деревне и захлестывает наши колхозы.

Мы должны переключить на новую организацию труда практический деловой ум крестьянина, мы должны иницативу крестьянина развернуть на новой базе.

И еще одна опасность угрожает колхозам, но уже с другой стороны: мы должны избавить наши колхозы от тех прелестей централизации, которые бьют и по более прочным нашим предприятиям.

Бюрократизм может стать фактором развала и разложения колхоза. Нетерпимо положение — когда в колхозе все вопросы восходят до правления и председателя. Уже сейчас можно подобрать не мало перлов бюрократического творчества.

Вот — приказ, выработанный секретарем одного крупного колхоза, организованного на Северном Кавказе.

«Для восстановления хотя бы приблизительного порядка и чтобы отразить происходящее исторически важное, необходимо»: (Дальше идет перечень всяких хозяйственных и канцелярских требований: весы, тетради для канцелярии, кладовые ведомости и проч.), а дальше с п. 9, в порядке перечисления боевых заданий, наряду с приобретением канцелярских принадлежностей, сказано:

«9) Устранить имеющиеся правые уклоны по вовлечению всей массы в общественную работу боевого организационного периода.

10) Для приведения беспорядочной массы колхозников в крепкие боевые колонны, произвести разбивку на команды и назначить командиров, вменив в обязанность последним ежедневно или в 2—3 дня один раз являться в установленный час для информации и получения задания. Означенная работа командира в команде, куда попадут и не колхозники, будет технически отражаться и на них.

11) Руководящему составу артели занять командные высоты, связаться ординарцами и твердо командовать социалистическим боем, не покидая постов. Во все прорывы для восстановления положения срочно высылать боевиков-активистов из имеющихся резервов.

12) Строго требовать от нисшего комсостава полной ответственности за порученных людей и имущество, создав атмосферу действительного боя, а не мирного строительства. Нужен энтузиазм. Без энтузиазма и жертв со стороны лучших трудящихся мы не выйдем победителем. Для этого проводить периодически зарядку.

13) В минуты затишья командарм об'езжай боевые участки заслуженных похвалить, нерадивых поругать и по всем категориям на выдающихся составить соответствующие представления.

14) Более сложные вопросы разрешаются Советом. Дальнейшее будет вытекать из практических применений и разрешаться Советом.

15) Первым необходимым в штабе армии является учитывающий все количественные изменения в колоннах трудящихся в колоннах живого и жертвого инвентаря, запасов и трофей — это бухгалтер.

16) Вторым должен быть начальник штаба — это секретарь.

Подпись: секретарь колхоза: (Кретов).

Я убежден, что этот документ написан с сознательно вредительской целью. Он прямо подводит крестьян к мысли, что дело идет о крепостничестве, об аракчеевщине. Но приказ имел все шансы претвориться в жизнь. Этот приказ не был реализован только потому, что его перехватили приехавшие в колхоз товарищи из центра.

В деревне сейчас обнаруживается такая засоренность наших низовых органов, такое обилие всяких бывших людей, с таким удельным весом и влиянием, что в ряде случаев ни местные организации, ни центр об этом не подозревали. Они усердно искривляют нашу классовую линию. Им в этом помогают наши люди по своей политической близорукости и под влиянием правых идей сбивающиеся на искривление практической работы. Толковые, хорошо сколоченные и правильно инструктированные рабочие бригады могут многое сделать для устранения этих бюрократических извращений. Нам нужны отчетливые, простейшие образцы элементарной внутренней организации колхозов, нужны простейшие организационные стандарты. Эти образцы и стандарты в соединении с инициативой, сознательностью, опытом и фабричной выучкой рабочего активиста дадут ему возможность не растеряться в деревенской обстановке и нащупать хотя бы временные организационные формы в колхозе.

У нас есть ряд положительных опытов. На Урале в одном из колхозов рабочий — горняк Кизеловских копей, — незнакомый с сельским хозяйством, брошенный в колхоз без достаточного инструктажа, первое время растерялся, а потом начал соображать и стал прилаживать к колхозу формы фабричной организации. Может быть и немного наивно, но во всяком случае на известное время он дал определенные формы организации. Он пошел не по линии военного устава, как тот секретарь на Северном Кавказе, он пошел по своему производственному опыту. Он разбил всех колхозников по цехам: лошадиный цех, ремонтный цех, коровий цех и т. д., при этом он правильно учел ряд организационных и производственных моментов. Создал перелом: люди почувствовали, что они состоят в какой-то производственной ячейке, кому-то подчиняются, с кем-то связаны, могут действовать под сознательным руководством — это сразу внесло уверенность и устойчивость.

Мы уже накопили через низовые органы и сознательных представителей рабочего класса, поехавших на работу в деревню, известный практический опыт. Мы можем уже, если не будем очень мудрить, выработать из-

вестные организационные стандарты по линии Колхозцентра и НКЗема и двинуть их—в колхозы.

В этом заключается одна из основных и важнейших задач момента. Ее решение позволит поскорее преодолеть ту бестолковщину, котрая наблюдается сейчас в деревне в больших размерах.

Темпы, количество, качество.

Очень важен вопрос о темпах нашего колхозного строительства. Можно без всякого преувеличения сказать, что для целого ряда районов, которые хотя и не были намечены как районы сплошной коллективизации, но в которых коллективизация идет довольно быстро, ослабление темпа будет делом архивредным, реакционным, и повлечет за собой очень большие накладные и непроизводительные расходы. Разумеется, должно быть какое-то соответствие между степенью подготовленности района и процентом коллективизации. Искусственное вздувание процента в порядке нездорового соревнования между районами (этим делом склонны заниматься некоторые партруководители) должно встретить величайшее осуждение.

Азарт нездорового состязания, стремление перещеголять соседа приводит к вреднейшему административному нажиму, — к тому, что у нас привыкли деликатно называть «перегибами». ЦК уже ввел ряд ограничений для национальных, экономически отсталых районов, где ажиотаж уже сыграл свою вредную роль, сказавшись неблагоприятными экономическими и политическими результатами (Закавказье, Киргизия и пр.).

Необходимо обеспечить быстрые темпы роста там, где есть подготовленная хозяйственная база, организованные бедняцко-середняцкие массы. Мы за максимальные, но *реальные темпы, а формальные бумажные темпы часто находятся в самом резком противоречии с реальными живыми темпами.* Смешивать реальные, жизненные темпы роста с темпами бумажными, с темпами самообмана, а иногда и обмана отдельных организаций, абсолютно вредно.

Мы все сходимся на том, что увлечение количественными показателями при одновременном игнорировании качества приносит нам массу вреда в промышленности, где мы имеем дело с организованными передовыми рабочими с высокой техникой, с налаженной системой труда. *В области коллективизации эта проблема гораздо острее. Здесь забвение качества может дать гораздо более вредные результаты, чем в какой-бы то ни было другой области и, в конце концов, отразиться и на количестве.*

Нельзя рассуждать так: сначала количество, потом качество. Не обеспечив с самого начала хотя бы самых скромных качественных требований, мы и в дальнейшем не сумеем быстро наверстать потерянное.

Как возникают бумажные темпы? Они вырастают отнюдь не из одного революционного энтузиазма. Зачастую энтузиазмом прикрывается казенный оптимист, не утруждающий себя заботами об устранении недостатков и предпочитающий на все смотреть сквозь розовые очки и втирать их другим. Очень опасен в наших условиях этот тип розового очковтирателя, вводящего нас в заблуждение своими реляциями. Вот здесь, когда идет состязание на количество, здесь как раз и возникает соблазн поднажать маленько, а то и основательно. Ведь если долго возиться с крестьянином, да убеждать его, да прорабатывать с ним практические вопросы, тебя глядишь и обскачет соседний район, не теряющий времени на эти «пустяки». Так зачем же долго возиться с крестьянином? Намекни ему насчет Соловков, насчет того, что его со снабжения снимут, или заставь голосовать по прин-

ципу: «кто за коллективизацию, тот за советскую власть, кто против коллективизации — тот против советской власти».

Есть большой запас универсальных способов нажима для того, чтобы обеспечить эти сомнительные темпы. Темпы, вырастающие за счет известного количества дворов, введенных насильно в колхоз, не реальны. Колхозы создаваемые под таким нажимом, грозят развалом. Тем, кто так соревнуется на высокие темпы, тем, кто хочет поскорее докатить до 100%, надо помнить, — что о результатах работы районных и других организаций будут судить не по тем процентам, которые они запишут теперь, а по тем реальным цифрам, которые сохранятся в период весенней посевной кампании и после нее.

Мы должны и можем стремиться к высоким напряженным темпам, которые нам заданы, но нельзя потворствовать тем, кто думает их осуществить по линии наименьшего сопротивления. Крестьянин, вошедший в колхоз под административным нажимом, под угрозой, не прочно коллективизирован. Он будет долго озираться на индивидуальное хозяйство, он будет делать попытки вернуться к нему, и вряд-ли его работа будет направлена на укрепление колхоза. Нет никакого сомнения, что правильная организация производства, выгоды артельного труда на первых же шагах смогут преодолеть эти колебания, но в первый самый тяжелый, организационный период могут создаться серьезные осложнения, и случаи распада вполне возможны.

Надо сделать упор на качество и в самых организационных методах. Нельзя увлекаться организационной стройкой и перестройкой и забывать о сборе семенного материала, как это было в ряде районов. Нельзя забывать о завтрашнем дне. Надо совершенно сознательно, примерно за пару недель до сева,—приостановить организационную перестройку. Не успевают создаться колхозы, как их обуревает жажда реорганизации. В ряде мест хотят как можно скорее превратить артели в коммуны, причем не замечают, что застрельщиком такого напора иногда бывает кулак. Кулак, потеряв целый ряд позиций, играет иногда в «левизну». Он говорит: уж если итти в колхоз, то давай настоящую коммуну, чтобы все было обобществлено — и корова, и быт, и личные потребности. У нас начинают мелькать, в качестве достижения, сообщения из районов и сел, что мы-де добились обобществления не только рабочего скота и товарного продуктивного, но и птицы и мелкого скота, и приступаем к обобществлению предметов личного потребления. Это тоже «темпы», но такие темпы могут оказаться чрезвычайно вредными.

Сейчас основной вопрос заключается не в том, чтобы натаскать как можно больше коров и кур в колхоз, а в том — чтобы правильно расставить в колхозе людей и лошадей для работы.

В некоторых местах сейчас, в самое ответственное для молочного хозяйства время, когда коровы находятся накануне отела, проделываются невероятные вещи. Коров заставляют переселяться из одного двора в другой, хотя новый двор не лучше, если не хуже, а коровы тем временем лишаются привычного ухода своих хозяек. Мы потеряли значительное количество коров на этих головотяпских экспериментах. Прислушаться к практическим поправкам крестьянства в этих вопросах было бы очень не плохо.

Необходимо возможно более правильно организовать труд. Эта проблема наименее разработана. Было бы очень полезно, если бы какая-нибудь толковая группа товарищей, опираясь на практический материал, выпустила хорошую, популярную книгу о том, как организовать, хотя бы элементарно, труд в колхозе и, что нужно делать на другой день после создания колхоза. Часто бывает, что не только колхозники, но и правление колхоза не знают, как организовать работу. А покамест идет непрерывная реорга-

низация, колхоз — на бумаге — переводят на более высокую ступень, т.-е. заставляют крестьян проделывать все новые и новые эксперименты.

Надо сказать, что авторитет партии и рабочих у основных масс крестьянства стоит сейчас, как никогда, высоко. Крестьяне когда-то думали, что если из города приезжают люди, то от них можно ждать только неприятностей, а сейчас во многих местах крестьяне рассуждают: вот приедут рабочие, они нам помогут. Будет очень опасно обмануть это деловое доверие крестьянина. Вот почему необходимо напомнить о вреде организационной неразберихи. Чем скорее эти недостатки дойдут до нашего сознания, тем скорее можно будет их преодолеть. Нужно и другое. Нужно, популяризируя положительные примеры, дать организационные стандарты.

Колхозы и классовая борьба.

Нельзя изолировать строительство колхоза от классовой борьбы. На местах иногда получается такое «разделение труда»: один ведет хозяйственную, организационную работу вне классовой борьбы, а другой — ведет только классовую борьбу, да еще с административными перегибами, не заботясь о строительстве колхоза. Такой разрыв недопустим. Развертывание раскулачивания без одновременного колхозного строительства беспредметно. Раскулачивание должно быть подчинено делу коллективизации и должно быть его составной частью. И не должно быть места таким фактам, когда сельсовет или ячейка, — иногда под влиянием кулацких махинаций, — обрушивает меры раскулачивания на отдельных середняков и бедняков, а в это время у них под носом, в колхозе порою наблюдаются элементы эксплоатации. Бывают ведь и такие случаи, когда благодаря неправильной организации труда, некоторые хозяйства в колхозе, располагающие лучшими средствами производства, играют известную эксплоататорскую роль по отношению к бедняцким хозяйствам. Эти моменты надо серьезно учесть, чтобы не получить крупных прорывов.

Те прорывы, которые у нас есть в настоящее время, требуют от нас, чтобы мы с полной трезвостью отказались от замазывания недостатков и принялись вытравлять остатки кулачества из колхозов. Как ни странно звучит выражение «остатки кулачества» в применении к колхозам, но факт тот, что целый ряд районов в течение месяцев игнорировал установку на недопущение в колхоз кулаков. Иллюзия возможности врастания кулака в колхоз не встречала достаточного отпора. И кулак шел в колхоз, чтобы его взрывать изнутри, чтобы охранять свое имущество, которое он сдал под флагом самораскулачивания, и выжидать изменения обстановки. Целый ряд районов, особенно тех, где молчаливо сочувственно относились к теории «врастания кулака», дал в колхозах примерно такой же процент кулаков, как и в целом по району. В целом ряде мест члены и секретари ячеек, когда ставился вопрос о том, чтобы не пускать кулака в колхоз, заявляли: «куда ему, кулаку, деться, ведь он уже не кулак, раз он сдал имущество». В Чапаевском районе сплошной коллективизации имело хождение мнение: «куда он денется, добро свое он отдал». И только на трудном опыте, когда внутри самого колхоза начинала проявляться классовая борьба, когда кулак пытался разделаться с беднотой в самом колхозе, люди убеждались, что от кулака пользы не получится.

При всяких заминках кулак в колхозе был носителем распада. При этом он иногда умело использовывал наши формы работы.

Можно привести целую кучу примеров и образчиков скрытой, своеобразной классовой борьбы внутри самого колхоза. Она, конечно, носит другую форму, нежели за пределами колхоза, но эти факты лишний раз пока-

зывают, что кулачество, в момент обостренной классовой борьбы, когда хребет у него не сломлен, когда надежда на реставрацию капитализма еще не вполне подорвана, будет изо всех сил добиваться восстановления своих позиций и возможности взять курс на реставрацию. Пытаться с ним сработаться и вовлечь его в колхоз это — мелкобуржуазная иллюзия.

Перегибы.

Характерно, что именно районы, больше всего грешившие либеральным отношением к кулаку, сейчас, когда сформулирована ясно и отчетливо задача ликвидации кулачества, ударились в другую крайность — захватывают середняков.

Во многих перегибах, в чрезвычайном административном усердии, в упрощенном подходе к выполнению директив партии и ЦК, в погоне за количественным эффектом работы, без всякого внимания к качественным показателям, большую роль играет логика действий еще не вполне преодоленных правых элементов в отдельных наших звеньях. Еще вчера они грешили правизной и соглашательством с кулацкими элементами, растворяли перед кулаками двери колхозов, а сейчас механически проводят линию партии, желая избыточным усердием заставить забыть свои вчерашние дела. В порядке шараханья они впадают в перегибы — по внешности может быть левого типа, по существу они действуют на пользу классовому врагу, отбрасывая и запугивая известную часть середняков и бедняков и тормозя укрепление и развитие колхозов.

Нужно быть чрезвычайно чуткими и осторожными ко всем тем элементам нашего руководства в различных звеньях, которые бросаются из крайности правых ошибок в крайность «левого» загиба, а по существу делают антипартийное, антирабочее дело.

Источник и правых и «левых» уклонов один и тот же. Оголтелое администрирование, безудержное головотяпство коренится в одном и том же — непонимании линии партии, в нутряной правизне, которая придавлена, но еще не ликвидирована. Вот почему и опыт колхозного движения лишний раз убеждает нас в том, что правая опасность, правый уклон на практике в скрытом состоянии продолжает оставаться главнейшей опасностью. Это положение ни в какой мере не колеблется тем обстоятельством, что многие носители правого уклона выступают с «левыми» установками. Их поведение сплошь и рядом соответствует поведению кулака, который при обобществлении толкает нас иногда на самые нелепые шаги, доводящие обобществление до абсурда. Тут кулак расчитывает, что чем более нелепо будет проведено обобществление, чем поспешнее это будет сделано, тем больше шансов на то, что будут затронуты интересы бедняков и середняков, и тем больше можно будет поживиться на этом деле. Разумеется, здесь нельзя устанавливать прямую связь, но общие корни тут имеются. Из среды тех же горе-администраторов исходят антипролетарские нотки по поводу рабочих бригад: дескать зачем их прислали, только будут путать политику в деревне, сбивать дело, разводить всякую канитель, да митинговать, в то время, как нужно лупить, и никаких гвоздей. Так рассуждают ретивые администраторы, которым не чужды бюрократическое, чванливое пренебрежение к батрацко-бедняцким массам и связь с кулаком,— связь, которую пытаются иногда скрыть под флагом самых радикальных постановок вопроса и рассуждений на тему о том, что мы сейчас в порыве революционного энтузиазма всех и все раздавим.

Очень знаменательно, что когда прощупываешь такие настроения, толкуешь с отдельными ретивыми администраторами и спрашиваешь: «а как у вас насчет борьбы с кулачеством», он отвечает: «о, у нас такая развернутая борьба, что не только кулаку, но и еще кое-кому попадает». Он считает,

что этим самым он взял ту партийную ноту, выше которой не возьмешь. Он думает, что для того, чтобы не ошибиться, надо прихватить вместе с кулаком и пару бедняков и дюжину середняков.

Не такая работа нужна нам сейчас для пользы колхозного строительства. Утверждать, что нельзя бить по перегибам, чтобы не помешать проведению партийной линии, — чудовищно.— Это значило бы думать, что партийная линия не действенна сама по себе, а обязательно должна сопровождаться перегибами. По перегибам надо бить немедленно, чтобы правильно ориентировать низовика, не подвести его. Мы неправильно понимали бы задачи руководства, если бы теперь относились терпимо к перегибам, а потом навалились бы на низовых работников и их сделали бы ответственными за все ошибки. Задним умом в фактах головотяпства каждый разберется, надо уметь головотяпство предупредить.

Какова будет судьба кулаков и что практически надо с ними делать? Здесь необходим очень дифференцированный подход, оказывающийся не под силу упрощенно-мыслящим администраторам. Они не понимают, как можно одного кулака оставить в поселке, послав за околицу, на худшую землю, и для того, чтобы не брать на иждивение его семью, оставить ему элементарные орудия производства; другого переселить на север, но опять-таки не превращать в человека, оторванного от всякого производственного процесса; третьего переместить в пределах округа; активных организаторов ударить всей силой органов диктатуры. При примитивном подходе часто забывают, что одно дело — сам кулак, который может стать организатором, а другое дело — его семья, его малолетние дети, которым зачастую меньше лет, чем советской власти. Если мы к этому делу будем подходить упрощенно, то разведем добавочное количество беспризорных и дадим возможность кулачеству спекулировать на чувстве жалости у бедняков и середняков. Этот вопрос чрезвычайно сложен и упрощенным путем он не может быть решен. Он готовит очень большие трудности, и каждый район должен решать его применительно к своим особенностям и условиям.

Нельзя думать, что затруднения, которых у нас большое количество, можно устранить, если решить вопрос так просто, как это делают низовые товарищи: пошлют кулаков в район, район пошлет их в округ, а округ в край. Это не решение вопроса. В отдаленные районы для колонизации может быть выслано ограниченное количество кулаков, остальных надо изолировать от колхоза местными домашними средствами. И нельзя увеличивать количества высылаемых по той причине, что это значило бы заставить захлебнуться всю нашу работу совершенно непосильной задачей.

Надо сказать, что сейчас у бедняков и середняков чрезвычайно настороженное отношение к кулаку, и то обстоятельство, что у нас сравнительно мало случаев массовых эксцессов, об'ясняется тем, что бедняки и середняки выдают без колебания кулаков. Большинство эксцессов — показатель неблагополучия, это значит, что допущены какие-то ошибки, какие-то «художества». Легкость первой стадии расправы с кулачеством нас не должна обманывать. При недостаточном руководстве, при недостаточной пролетарской бдительности и при наличии разложения в низовом аппарате раскулачивание может повернуться в сторону уравнилки и дележки. Мы, конечно, не можем допускать этого. У кулачества экспроприируются средства производства для укрепления колхозов, и если кулацкое имущество рассеется по рукам, то получится только потакание мелкобуржуазным замашкам и выдвижение новых кандидатов в кулаки.

Можно привести один чрезвычайно выразительный пример, — к сожалению, далеко не единичный. В одной из станиц Северного Кавказа продается с торгов имущество одного кулака, на которого наложен штраф. И вот как это делается. Дом продается за 20 коп., 4 лошади продаются за 60 коп., корова с телкой за 15 коп., гуси по одной копейке, при чем все это покупают с торгов исключительно члены сельсовета. Ясное дело, что это — самое наглое издевательство над советской властью, над советской законностью. Представьте себе такое положение, что 3 или 4 продажи пройдут по таким сходным ценам, и что члены сельсовета все купят. Ведь завтра надо будет и их раскулачивать.

Вопрос о руководстве рабочим классом крестьянства не снимается.

Опасность мелкобуржуазного захлестывания грозит отчасти и отдельным наименее устойчивым рабочим, посылаемым в деревню из числа тех, пролетарская устойчивость которых недостаточно проверена. Надо помнить, что и они могут заразиться азартом дележа. Все это надо очень основательно иметь в виду и не забывать, что слова о Сухаревке, сказанные Лениным в давно прошедшие времена, имеют глубокий смысл и значение: «Страшна Сухаревка, которая живет в душе и действиях каждого мелкого хозяина. Эту Сухаревку надо закрыть. Эта Сухаревка есть основа капитализма». (Из речи Ленина на VIII-м С'езде Советов).

В душе очень многих середняков и бедняков, вошедших в колхоз — эта «Сухаревка» пока живет и не может не жить. Надо помнить, что «товарно-капиталистическая тенденция крестьянства» противостоит «социалистической тенденции пролетариата», как сказал Ленин и о чем не так давно напомнил т. Сталин. Надо, чтобы отдельные группы пролетариев не поплыли по этой стихии и не покрыли своим участием те извращения, которые мелкобуржуазной стихией будут сделаны.

Ликвидация кулацких хозяйств отнюдь не снимает вопроса о руководстве рабочим классом крестьянства. Проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянина ставится по-новому, и на первых порах неизбежны известные новые осложнения. Один из наших работников, проводя коллективизацию и встречая известные возражения со стороны отдельных групп крестьян, в качестве последнего довода двинул: «Вы, говорит, когда-то мечтали о крестьянском союзе. Входите в колхоз и это будет для вас крестьянским союзом». Такую вещь, конечно, мог сказать только тот, кто механически, руками, а не головой, проводит линию партии, но этот человек отразил некоторые об'ективные возможности такой именно попытки трансформировать колхоз, не почуяв антипролетарского характера этого.

Крестьяне, организованные в колхозы, могут на первых порах сделать ложные шаги в отношении рабочего класса. Ленин говорил, что уничтожение классов после победоносной революции дело длительное и что пройдет не мало времени, прежде, чем крупное обобществленное хозяйство превратит крестьян в таких же работников социалистического общества, какими являются рабочие.

> «Чтобы уничтожить классы, надо уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства переходом от единичного, обособ-

ленного, мелкого товарного хозяйства к общественному, крупному хозяйству».

Об'единение крестьян в громадные колхозы, пока крупное производство и влияние рабочего класса не переделали их сознания, может на первых порах возбудить неправильное представление о возможности давить своей организованностью на рабочий класс. *Было бы в высшей степени вредно и прежде всего для крестьянства, если бы оно попало в плен представлению о том, что организовавшись в колхоз, оно может начать пересматривать вопрос о руководящей роли рабочего класса.* Это надо иметь в виду. И надо, сохраняя максимальную гибкость, максимальный такт в руководстве крестьянством, обеспечить, чтобы взаимоотношения рабочих с крестьянством, организованным в колхоз, твердо строились на основе руководства пролетариата.

Вот почему сейчас особенно остро выпятился вопрос об укреплении органов диктатуры пролетариата в деревне. Вот почему сейчас надо отмести, как несостоятельное и не вытекающее из правильной оценки момента, мнение, что теперь надо свертывать советы. Именно сейчас, когда мелкобуржуазная стихия переделывается, органы пролетариата должны быть на высоте положения. С обезличенностью советов надо покончить. Они должны обеспечить оздоровление атмосферы и устранение всех элементов, поддающихся влиянию кулачества, анархиствующих и бюрократических элементов, являющихся средостением между рабочим классом и крестьянством, применяющих насилие к крестьянству там, где нужно гибкое и умелое руководство. Они нужны как органы диктатуры пролетариата, которые противопоставили бы хозяйственную плановость мелкобуржуазной стихии. Ленин говорил, что особенно упорно не поддается преодолению пассивное сопротивление. Надо преодолеть громадную силу привычек и косности. Ленин когда-то говорил:

> «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплоататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. *Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими осатками».* (Ленин, том XVI, стр. 249. Подчеркнуто мною. С. С.).

Ведь эти привычки и косность будут принесены и в колхоз, они дадут себя знать и чувствовать, и с ними придется очень основательно и долго бороться. Одним махом тут ничего не достигнешь. Нет никакого сомнения, что новая база, особенно та мощная техническая база, которую через год—два даст наше производство и, добавочный импорт, укрепит правильное пролетарское руководство и даст возможность успешно преодолеть мелкобуржуазную природу середняков, хлынувших в колхозы.

Каждая общественная группа изменяет свою политическую физиономию в зависимости от этапов хозяйственного развития. Мы вступили в этап, ломающий старую психологию. Не правы товарищи, поверхностно считающие, что все крестьяне идут в колхоз с сплошным энтузиазмом. Нам такого дешевого представления о крестьянском энтузиазме не нужно. Крестьянин-середняк в откровенных беседах говорит: «Думаем мы сейчас крепко, так

думаем, как никогда в жизни не думали. Целыми ночами не спишь, все думаешь. Так думаешь, что жилы на лбу напрягаются». И, конечно, сейчас, в эти революционные недели происходит такая грандиозная переплавка человеческого материала, что вспоминаешь правильные слова о том, что воспитательное значение дней и месяцев революции стоит порою десятков лет мирного развития. Вся громадная масса, входящая в колхоз, через некоторое время будет представлять собой новый человеческий материал. От нас зависит завершить эту переплавку возможно скорее, лучше и правильнее. От нас зависит свести мелкобуржуазные колебания и шатания к минимуму и предотвратить всякий успех покушения на пересмотр взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством.

Колхозы—база культурной революции в деревне.

Ленин в одной из своих последних статей говорил, что нам для полного построения социализма не хватает одного — культурности. Если бы мы были культурнее, то это решало бы все дело. Культурная революция подвигается у нас чрезвычайно туго, в частности в деревне. Правильно поставленные колхозы дадут нам такую материальную базу для решения проблемы культурной революции, по сравнению с которой наша нынешняя материальная база покажется жалкой. Огромная высвобожденная инициатива крестьянства дает такие производственные успехи, такое повышение товарности, такое накопление средств, которое даст возможность и культурно поднять крестьянство много быстрее, чем в предыдущие годы, связанные жесткими рамками нашей материальной базы и отсталости нашего сельского хозяйства, отличавшегося хищнической растратой сил и средств. Всего этого мы добьемся, если сумеем сейчас правильно организовать крестьянство.

Борьбой с основными недостатками обеспечить правильную организацию колхозов в деревне.

В настоящее время происходит на отдельных участках некоторое снижение производительных сил, отчасти в силу об'ективных условий (некоторое разбазаривание скота, сокращение стада в известной мере обусловлено характером совершающейся в деревне революции), отчасти из-за недостатков нашего руководства, из-за неумения предвидеть следствия ряда своих шагов. Создавшийся прорыв может и должен быть компенсирован тем, что об'единение оставшегося скота своим производственным эффектом перекроет убыль. Нельзя допускать дальнейшего снижения уровня производительных сил. Мы наблюдаем иногда, что при одинаковых как будто условиях, в одних селах убыль скота равна нескольким процентам, а в других, где было неправильное руководство, где актив увлекся примитивным администрированием, где за бумажными темпами забыли о темпах реальных и о реальном мужике, сокращение стада равно 10, 20 и 30%, а кое-где и больше. Такое снижение производительных сил не может не вызывать тревогу. Надо решительно пресечь и влияние кулацкого вредительства и действие наших собственных благоглупостей. Если мы этого не сделаем, то значительная часть механической тракторной силы будет потрачена не для получения добавочного производственного эффекта, а лишь для компенсирования убыли рабочего скота и мы не получим возможности сделать тот прыжок, который был бы возможен при более благоприятных условиях.

Не нужно казенным оптимизмом затушевывать эти вещи. *Нужно помнить слова Ленина, что надо смотреть, где, какие ошибки допущены и преодолевать их.* Положительный опыт целого ряда великолепно организованных колхозов, достигших уже хороших

результатов, мы можем, при правильном руководстве, при помощи хороших толковых рабочих, при помощи преданных агрономов, перенести в другие колхозы. Одна из обязанностей бригад, отправляющихся в деревню, заключается в том, чтобы без всякого прикрашивания, без желания потрафлять и преподносить приятные реляции с колхозного фронта, популяризовать положительный опыт, трезво вскрывая недостатки. Если мы отучим наш низовой аппарат и другие звенья от этой вреднейшей привычки прикрашивать положение, то половина дела будет сделана, и мы сумеем гораздо быстрее и более своевременно устранять те недостатки, а недостатки теперь должны возможно скорее исправляться, ибо они жизненно затрагивают много десятков миллионов людей.

За каждую нашу ошибку хватается кулак. Ему на-руку небрежность и легкомыслие организаторов колхозов, которые необдуманно, неудачно сводят скот в одно место таким манером, что в результате портится несколько голов скота или падает лошадь. Такие отдельные факты так бьют в нос хозяйственной натуре крестьянина, что их вредные последствия в материальном выражении ничто по сравнению с политико-моральным ущербом, получаемом нами. Нигде не сказано, что мы эти глупости должны повторять все время. Если бы все силы у нас были мобилизованы, воля правильно направлена, этих недостатков было бы меньше. А у нас встречается порою легкомысленный подход, фатализм какой-то в отношении колхозов: «Ну, что ж, построим сотню колхозов, пускай 25 развалится,—75 выживут, и то ладно!..». Если бы эти рассуждения приложить к нашей промышленности, то абсурдность их сразу станет ясна. Получится, что мы намечаем построить сотню заводов и фабрик и, давайте примиримся, что 25 будет никуда негодных, а остальные будут хорошие. Это был бы дикий подход. Но такое примиренческое отношение к нашим недостаткам так же дико и в отношении колхозов. Заранее настраиваться на то, что у нас будет много негодных колхозов, значит — повышать шансы ошибок и недостатков. Поэтому надо ставить себе задачу: если строим 100 колхозов, то надо требовать, чтобы все колхозы были хорошие, чтобы брака было как можно меньше. И надо немедленно публично исправлять ошибки в отношении середняков и бедняков, вплоть до показательных процессов. Мы не можем к величайшему делу социалистической переделки деревни относиться легкомысленно, мы не можем давать потачку революционному авантюризму, идущему на «ура». Мы не имеем права проиграть величайшую ставку, какую мы когда-либо ставили. Все положительные данные говорят, что при правильном подходе, при твердом руководстве, при условии, что не будет панических шатаний и шараханий, даже тогда, когда будут обнаружены крупные прорывы (а людям, которые самоуверенно задирают нос кверху при первых удачах, обыкновенно свойственно очень низко его опускать при серьезных неудачах и впадать в панику при первых поражениях), мы с нашей величайшей задачей — справимся. Если бы мы на основании неудач на одном или двух участках сделали вывод, что надо сдавать обратно, поворачивать на 180 градусов, это было бы в высшей степени опасно. Наш актив не весь достаточно подкован, часть его еще заражена оппортунистическими настроениями, и такой поворот может быть воспринят как поворот направо и использован правыми элементами для реванша.

Мы должны напрячь всю свою волю, чтобы положительные примеры сделать достоянием широких масс, превратить их в стандарты. Недостаткам и обычаю их замазывать мы обязаны об'явить жесточайшую войну, особенно в самый важный период, когда весенняя кампания все решает. На этой стадии нужно решительно взяться за искоренение недостатков, памятуя, что когда начнется разгар весенней кампании, поздно будет их исправлять.

Сейчас в деревне накапливается громадный фактический материал о строительстве и классовой борьбе. Этот материал должен быть использован и для целей практической работы и для теоретического изучения. Мы не можем жить только накоплением фактов, не связывая их и не обобщая, это было бы крохоборчеством и слепотой.

К. Розенталь.

На новом этапе.

Величайшие социально-экономические сдвиги, происходящие в народном хозяйстве нашего Союза: неслыханные темпы индустриализации и коренная перестройка материально-технической базы народного хозяйства; радикальная ломка старого общественного экономического уклада деревни—коллективизация бедняцко-середняцких хозяйств деревни и ликвидация кулачества как класса; социалистическое соревнование и непрерывка и т. д. и т. п.—все это такие явления, которые свидетельствуют о том, что народное хозяйство вступило в какой-то *новый этап* переходного, от капитализма к социализму, периода. Однако, если сам по себе тот факт, что мы вступили в некий *новый* этап переходного периода, что мы переживаем «крутой перелом» в ходе развития революции не вызывает сомнения, по своей очевидной бесспорности, то смысл, суть и содержание этого нового этапа еще далеко не осознаны и не осмыслены теоретически. И здесь больше, чем где - либо приложимы слова т. Сталина, «что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли».

Опасность этого разрыва преуменьшать никак нельзя. Величайшим преимуществом рабочего класса в его революционной борьбе было то, что в этой своей борьбе, он выступал вооруженным передовой теоретической мыслью, дававшей ему в руки неоспоримое превосходство перед своими классовыми врагами, позволявшей ему предвидеть то, что не могла видеть оскопленная теоретическая мысль буржуазной науки. И если здесь, в области теории, мы не будем стоять на должной высоте, то это будет означать, что теория не «дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела», т.-е., иными словами, что теория не исполняет своей служебной роли, неправильно «ориентирует» практику, а, значит, ослабляет силы борющегося пролетариата и, тем самым, увеличивает силу сопротивления его классового врага. Это надо твердо помнить, когда мы говорим о теоретической работе и особенно о теоретической работе в области современного империализма и советского хозяйства.

Между тем, как это уже неоднократно отмечалось, теория у нас решительно отстает от практики и «в значительной степени плелась в хвосте событий, не всегда даже регистрируя факты прошлого». В полной мере это приложимо и к тому *новому этапу*, в который мы *практически* уже вступили, но *теоретическое* осмысливание которого непозволительно отстает от хода реальной жизни. Между тем тот поворот в экономике и политике, который происходит, открывает широчайшее поле деятельности для теоретической работы. Однако, за исключением руководящих статей, посвященных *новому этапу*, мы не имеем ничего, что теория могла бы записать себе в «приход» в деле теоретического осознания, происходившего и происходящего поворота в экономике и политике, нового поворота в ходе развития нашей революции, в ходе развития социалистического строительства.

Но если теория не может похвастать своим участием и своей ролью в деле осмысливания происходящих социально-экономических процессов, в деле *характеристики* того нового этапа, в который мы вступили, то все же в печати, хотя и косвенно, различные авторы в различных статьях, написанных по разному поводу, так сказать «мимоходом», «на ходу» обильно расточают свои *определения* и свою *характеристику* этого нового этапа; тут есть и поэтический—«закат нэпа», и мрачное—«отмирание нэпа», и ничего не говорящее «начало конца нэпа» и даже «сокращение об'ема нэпа». К сожалению, однако, все эти определения и характеристики или неверны и не отражают существа и содержания происходящего поворота в экономике и политике, либо просто бессмысленны и бессодержательны, несмотря на свою «поэтическую» форму.

Коренная ошибка всех рассуждений и высказываний по вопросу о новом этапе заключается в том, что этот новый этап рассматривается *вне* той исторической перспективы, которая только и может дать правильное представление о переживаемых нами сдвигах и в экономике и в политике. Новый этап—звено в цепи переходного, от капитализма к социализму, периода. И понять то новое, что мы имеем, это значит, прежде всего, понять его историческую *обусловленность*, понять его *связь с прошлым*, *вывести* его из этого прошлого и *показать* то, что придает этому новому этапу *иное качество*, *иное* политическое и экономическое *содержание*. А это в свою очередь требует тщательного и внимательного анализа всего того, что говорил и писал Ленин по вопросам переходного периода. Между тем в этой связи, в связи с пониманием и оценкой нового этапа богатейшее ленинское наследство использовано *совершенно недостаточно*. И наша задача в первую очередь должна заключаться в том, чтобы проследить, как намечались Лениным основные линии развития нашей революции, основные линии социалистического строительства.

* * *

Мы строим социализм. Но «социализм есть уничтожение классов».

«Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это—задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная» (т. XVI, стр. 351). При чем, что необходимо особо подчеркнуть, эта задача обща всем странам, поскольку «почти во всех капиталистических странах, может быть, за исключением Англии, существует класс мелких товарных производителей и мелких земледельцев». Вот почему поскольку разрешена первая задача свержение капиталистов и помещиков, «*главный вопрос революции заключается теперь в борьбе против этих двух классов*. Чтобы освободиться от них, необходимо применять другие методы, чем в борьбе против крупных землевладельцев и капиталистов. Эти оба класса мы могли просто экспроприировать и прогнать, — так мы и сделали. Но с последними капиталистическими классами, с мелкими производителями, с мелкими буржуа, которые имеются во всех странах, мы не можем поступить подобным образом». «Их нельзя экспроприировать или прогнать, здесь борьба должна вестись иначе». (т. XVIII, ч. I, с. 325).

Здесь борьба ведется не за уничтожение, не за ликвидацию, не за свержение класса мелких производителей и мелких земледельцев, а за коренную перестройку их хозяйства, за переделку простых товаропроизводителей в производителей социалистических, за перевод мелкого, индивидуального, обособ-

ленного товарного хозяйства в крупное, обобществленное хозяйство последовательно социалистического типа.

И именно наличием в хозяйственной системе мелкого товарного производства, его ролью и удельным весом в народном хозяйстве определяются условия, характер и особенности форм переходного от капитализма к социализму периода. Величайшей бессмыслицей, конечно, было бы думать, что формы, в которых будет совершаться переход к социализму будут одни и те же вне зависимости от специфичности как международной обстановки, так и внутренней хозяйственной структуры страны, совершающей переход к социализму. Об этой необходимости величайшей гибкости всей политики пролетариата в переходный период неоднократно говорил Ленин.

«...Переход от капитализма к социализму мыслим в различных формах в зависимости от того, имеем ли мы в стране уже преобладание крупных капиталистических отношений или в ней преобладает мелкое хозяйство» (т. XVIII, ч. I, стр. 151. Курсив мой. *К. Р.*).

И еще раньше:

«Нет ни одного социалиста, который не признавал бы той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий, более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата и что этот период в своих формах будет во многом зависеть от того, преобладает ли мелкая собственность или крупная, мелкая культура или крупная» (т. XV, стр. 75. Курсив мой. *К. Р.*).

С предельной простотой и ясностью формулировал Владимир Ильич это различие форм переходного периода в зависимости от степени развития страны, вступившей на путь социалистического строительства.

«Если бы мы имели государство, в котором преобладает крупная промышленность, — говорил Владимир Ильич в заключительном слове на X с'езде партии,—или же, скажем даже, не преобладает, но очень сильно развита, и очень развито крупное производство в земледелии, тогда прямой переход к коммунизму возможен» (т. XVIII, ч. I, стр. 151). Тогда возможен переход к непосредственному социалистическому строительству, революционной ломке старого общественно-экономического уклада, что отнюдь, конечно, не снимает, а предполагает и оживление этого «старого общественно-экономического уклада» и овладения им, по мере его оживления. Совершенно несомненно, конечно, что поскольку даже в странах развитого капитализма, хотя и в меньших размерах, чем это имеет место в странах промышленно слабо развитых, сохраняется мелкое хозяйство, необходимы будут и «посредствующие звенья» и «переходные меры» и, в частности, необходимо будет «сохранение — на начальных ступенях развития— рыночных форм хозяйственной связи, денежной системы и т. д.». (Программа Коммунистического Интернационала).

Однако, это отсутствие необходимых предпосылок для «прямого перехода к коммунизму», т.-е. к непосредственному социалистическому строительству, революционной ломке всего старого общественно-экономического уклада, отнюдь не означало, — как это утверждали и утверждают теоретики международного меньшевизма, — признания «невозможным», или «несвоевременным» социалистической революции в стране, где преобладает «мелкая собственность», «мелкая культура».

Для социализма требуется определенный уровень культуры, наличие определенных об'ективных экономических предпосылок, «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». С этим положением все герои II Интернационала и, в том числе, конечно, Суханов, — писал Ленин в своих замечаниях по поводу записок

Н. Суханова, — носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции». И дальше, развивая это свое положение, Ленин писал: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать — каков этот определенный «уровень культуры), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

«Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического периода недопустимы или невозможны?» (том XVIII, ч. 2, с. 119—120).

«...Непоправимой ошибкой было бы об'явить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил», и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власти. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет одностороння, будет страдать известным несоответствием, — создается победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы, революционную работу не способны» (т. XVIII, ч. I, стр. 211).

Нет слов, что подобный ход социалистической революции не укладывается в «стройные» схемы элементарных учебников, написанных по Каутскому. Но революции происходят не по учебникам формальной логики и не по принципу: «Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert». И если в странах передового капитализма, где мелкое хозяйство играет незначительную роль и где, наоборот, крупное хозяйство и в промышленности, и в земледелии преобладает, возможен переход к непосредственному социалистическому строительству, то «социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледельцам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство (т. XVIII, ч. I, стр. 137. Курсив мой. *К. Р.*).

«Мы», авангард, передовой отряд пролетариата, переходим' непосредственно к социализму, но передовой отряд есть лишь небольшая часть всего пролетариата, который, в свою очередь, есть лишь небольшая часть всей массы населения. И чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь» (т. XVIII, ч. I, стр. 221).

Так ставил вопрос Ленин и весь ход развития нашей революции дал блестящее подтверждение этому ленинскому положению.

Именно эту политику, как известно, мы и начали. Но навязанная нам гражданская война заставила нас пойти дальше того, что было первоначально

намечено. И именно под влиянием гражданской войны мы сделали попытку, минуя ряд «посредствующих» звеньев и переходных мер, приступить к разрешению задачи непосредственного социалистического строительства: задаче непосредственного перехода к социалистическим формам производства и распределения, задаче непосредственного социалистического переустройства сельского хозяйства.

* * *

В чем же состояла сущность и задачи этого «целого ряда особых переходных мер» в стране, установившей диктатуру пролетариата и вступившей на путь социалистического строительства? Создать тот «уровень культуры», те «об'ективные экономические предпосылки», ту «цивилизованность», тот фундамент социализма, которых не создал капитализм, и без которых невозможно разрешение важнейшей и сложнейшей задачи социалистического строительства: — социалистического переустройства сельского хозяйства, переделки мелкого, индивидуального хозяйства простых товаропроизводителей в производителей социалистических. В этом суть этих переходных мер, которые «совершенно ненужны в странах развитого капитализма», ибо «мы знаем, что мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно, ходом событий убеждать в неизбежности социализма. Эти элементы никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми, настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет» (т. XV, стр. 577).

Они станут социалистами, когда на практике, на опыте близком им убедятся в преимуществах крупного хозяйства, когда им будет практически доказано, что нет иного выхода из векового состояния голода, нищеты и рабства, как «переход к товарищескому, артельному земледелию», как переход к коллективным формам хозяйства. Показать же эти преимущества крупного хозяйства перед мелким, коллективного перед индивидуальным можно только тогда, когда налицо имеется крупная промышленность, способная в корне перестроить материально-техническую базу сельского хозяйства и, тем самым, переработать всю психологию и все навыки мелкого земледельца. Вот почему Ленин не уставал подчеркивать, что:

«Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие» (т. XVIII, ч. I, стр. 316). Ибо «убедить» мелкого производителя, «доказать» ему все выгоды и преимущества крупного хозяйства, «оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе» (т. XVIII, ч. I, стр. 139).

Вот почему Ленин с полным правом мог говорить, что — «если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами.., то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию (т.-е. за коммунизм)» (т. XVI, стр. 159). И другого выхода у него бы не было, если бы он захотел раз навсегда отказаться от полуголодного существования, нищеты и рабства, ибо, с одной стороны, все преимущества применения трактора и машин — несомненны, а, с другой, — сам трактор, сложные с.-х. машины, вроде комбайна, и электрификация требуют иных форм сельского хозяйства, требуют перехода от мелкого хозяйства к крупному, от простого товарного хозяйства к обобществленному, коллективному.

«Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная

промышленность. Без капиталистической крупной фабрики, без высоко поставленной крупной промышленности не может быть и речи о социализме вообще, и тем менее может быть речь о нем по отношению к стране крестьянской». «Без этого ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи» (т. XVIII, ч. I, стр. 260. Курсив мой. *К. Р.*).

Без этого опасно и вредно «нести сразу и чисто коммунистические идеи в деревню», без этого нельзя ставить своей задачей непосредственное социалистическое переустройство деревни, без этого величайшей ошибкой было бы ломать старый общественно-экономический уклад деревни. Кроме вреда такая попытка не могла бы дать ничего. И задача экономической политики пролетариата в таких социально-экономических условиях, когда преобладает мелкое хозяйство, а не крупное, заключается в том, чтобы не ломая старого общественно-экономического уклада, «не задаваясь предвзятой целью внедрять в деревню коммунизм», построить ту крупную промышленность, которая одна, и единственно одна, способна реорганизовать земледелие, убедить крестьянина в преимуществах крупного хозяйства перед мелким, и на этой основе, кооперируя его, внедряя в широкие массы трудового крестьянства идею кооперации, доказать ему преимущества артельного, коллективного труда на базе машинной техники, перед индивидуальными методами и приемами хозяйствования с их неизменной сохой и заморенной клячей.

Именно в этом суть, задача и содержание тех особых переходных мер от капитализма к социализму, которые ненужны в странах с развитой крупной промышленностью, способной разрешить задачу непосредственно социалистического переустройства деревни, и которые совершенно необходимы в странах, где преобладает мелкое хозяйство, и где нет той крупной промышленности, которая способна реорганизовать земледелие.

* * *

Классическим примером в этом отношении является наша революция. Сравнительно отсталая промышленность капиталистической России была, к тому же, в корне подорвана империалистической и гражданской войнами. И к окончанию гражданской войны промышленность сократила свое производство до 18—20% довоенных его размеров, при чем особенно пострадали как раз те отрасли промышленности, продукция производства которых должна была играть решающую роль в деле социалистического преобразования народного хозяйства в целом и сельского хозяйства в частности. Производство чугуна упало к 21—22 году до 4,1% довоенного производства, стали—до 7,5% и проката до 7,4% довоенного производства. Добыча каменного угля и антрацита—до 35,9% довоенного размера добычи. Нечего и говорить, что о производстве тракторов, непроизводившихся в довоенной России, можно было только мечтать.

А это означало, что «показать все преимущества крупного производства на практике мы не могли, ибо это крупное производство разрушено, ибо ему самому приходится вести самое жалкое существование и восстанавливать его можно только путем возложения жертв на этих же самых мелких земледельцев» (т. XVIII, ч. I, стр. 118).

От штурма к осаде.

Какую же экономическую политику должен был вести пролетариат перед лицом такой экономической действительности?

В период военного коммунизма наш план и задачи нашей экономической политики были «просты»:

«Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до весны 1921 года. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом» (т. XVIII, ч. I, стр. 409).

Иначе говоря, «при оценке возможного развития мы исходили большей частью, я даже не припомню исключений, — говорил Ленин в своей речи на Московской губпартконференции 29/X-1921 г.,—из предположений, не всегда, может быть, открыто выраженных, но всегда молчаливо подразумеваемых,— из предположений о непосредственном переходе к социалистическому строительству. Я нарочно перечитал то, что писалось, например, в марте и апреле 1918 г. о задачах нашей революции в области социалистического строительства, и убедился в том, что такое предположение у нас действительно было» (т. XVIII, ч. I, стр. 390. Курсив мой. *К. Р.)*.

«Вся наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах» (т. XVIII, ч. I, стр. 371. «Речь на II Всероссийском с'езде политпросветов». Курсив мой. *К. Р.)*.

Эта политика была необходима и закономерна, поскольку без проверки и испытания сил как самого пролетариата, так и мелкособственнической стихии и силы капитализма, без достаточного опыта и знания конкретных условий борьбы «не было оснований предпринять борьбу, которая в силу уже своей длительности, таила в себе целый ряд другого рода опасностей». Но «к весне 1921 года выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом, т.-е. самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения. Политическая обстановка весны 1921 г. показала нам, что неизбежно в ряде хозяйственных вопросов отступить на позиции государственного капитализма, перейти от «штурма» к «осаде» (т. XVIII, ч. 1, стр. 395—396).

И в крестьянских волнениях, которые волной прокатились по стране, в кронштадтском восстании нашел себе выражение тот факт, «что мы в своем экономическом наступлении слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы. Массы почувствовали то, чего мы тогда еще не умели сознательно формулировать, но что и мы вскоре, через несколько недель признали, а именно: что непосредственный переход к чисто социалистическим формам, к чисто социалистическому распределению превышает наши наличные силы, и что если мы окажемся не в состоянии произвести отступление и ограничиться более легкими задачами, то нам угрожает гибель» (т. XVIII, ч. II, стр. 90. Курсив мой. *К. Р.)*.

В какой мере это было именно так — мы уже знаем. Нужда и разорение были таковы, что восстановить сразу крупную социалистическую промышленность оказалось невозможным. Достижение хотя бы только довоенного уровня промышленности казалось далекой мечтой. В этих условиях попытки «непосредственного перехода к чисто социалистическим формам» производства и распределения,

попытки социалистического переустройства сельского хозяйства были заранее обречены на неудачу. Прежде всего надо было восстановить крупную социалистическую промышленность, не ставя своей задачей ломки старого общественно-экономического уклада до тех пор, пока в восстановленной и рекунструированной промышленности не будет создана для этого необходимая база. «Наша основная задача — восстановление крупной промышленности» (т. XVIII, ч. I, стр. 261). И разрешению этой задачи мы должны были подчинить все. Без этого ни о каком социалистическом строительстве не могло быть и речи. Без этого вреднейшей утопией и народническим фантазерством было бы думать о социалистической реорганизации земледелия. Иначе говоря, нашей задачей должно было стать: не непосредственный переход к социалистическим формам производства и распределения, а опосредствованный целым рядом переходных мер и в первую очередь развитием крупной социалистической промышленности до такого ее уровня, при котором возможен был бы переход к непосредственно социалистическому переустройству всего народного хозяйства в целом.

Именно этим и об'ясняется тот факт, что «с весны 1921 года мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими, или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления.

Совершенно иной подход к задаче.

По сравнению с прежним, революционным, это — подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше)» (т. XVIII, ч. I, стр. 410).

Убедившись на опыте, что «штурмом» не могут быть разрешены задачи перехода к социалистическим формам, что для этого еще не хватает необходимых «сил», мы должны были коренным образом изменить и нашу экономическую политику. Не ломать старого общественно-экономического уклада, а оживлять, овладевая в меру оживления, — вот классически ясная и четкая характеристика содержания той новой экономической политики, которую мы начали с весны 1921 года.

А это означало, что без ряда опосредствующих звенев мы не можем приступить к осуществлению непосредственного перехода к социализму, без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к социалистической», не можем непосредственно без ряда опосредствующих звеньев, вступить «в другую, по сравнению с предыдущей, экономическую систему производства и распределения» (т. XVIII, ч. 1, стр. 391). А это, в свою очередь, требовало отступления в целом ряде областей экономики с тем, чтобы отступив и перестроив свои ряды, сообразно новым задачам, начать наступление, но уже на основах «новой экономической политики», постепенно, осторожно, рядом обходных движений.

«Задача перехода к новой экономической политике в том и состоит, что после опыта непосредственного социалистического строительства в условиях, неслыханно трудных, в условиях гражданской войны, в условиях, когда нам буржуазия навязывала формы ожесточенной борьбы, — перед

нами весной 1921 г. стало ясное положение: не непосредственное социалистическое строительство, а отступление в целом ряде областей экономики к государственному капитализму, не штурмовая атака, а очень тяжелая, трудная и неприятная задача длительной осады, связанной с целым рядом отступлений. Вот что необходимо для того, чтобы подойти к решению экономического вопроса, т.-е. обеспечения экономического перехода к основам социализма» (т. XVIII, ч. I, стр. 396—397. Курсив мой. *К. Р.*).

И именно это обстоятельство Ленин неустанно подчеркивал:

«Перед нами сейчас, главным образом, экономические задачи, и мы должны помнить, что ближайший переход не может быть непосредственным переходом к социалистическому строительству» (т. XVIII, ч. I, стр. 399).

Значит ли это, что из того состояния, от того уровня экономического развития, в котором находилась Россия вообще невозможен непосредственный переход к социализму? Отнюдь нет. Но для того, «чтобы «мы» могли успешно решить задачу нашего непосредственного перехода к социализму, для этого надо понять, — писал Владимир Ильич, — какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода до-капиталистических отношений к социализму». И дальше Ленин указывал совершенно точно, при каких условиях мыслимо осуществление «непосредственного» перехода к социализму без «переходных ступеней» и без «посредствующих звеньев». «Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций..., если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуется» (т. XVIII, ч. 1, стр. 221).

Но именно этого-то «если» у нас и не было, именно этого-то условия, у нас тогда не имелось. Между тем, как указывал там же Ленин, одно только это условие требовало для своего осуществления долгих лет. И потому-то нам потребовался ряд переходных ступеней, ряд посредствующих звеньев в деле социалистического строительства, которое мы вели «на рельсах» нэпа, прежде, чем будут созданы условия для осуществления от опосредствованного социалистического строительства к непосредственному переходу к социалистическому строительству, т.-е. прежде, чем будет создана основа социализма — крупная социалистическая промышленность, «способная социалистически реорганизовать земледелие».

Создание крупной социалистической промышленности, в массовом масштабе производящей тракторы и с.-х. машины, в массовом масштабе производящей электрическую энергию, в массовом масштабе производящей химические удобрения и на этой основе способной реорганизовать земледелие,— вот задача задач, вставшая перед нами во весь свой рост, с окончанием гражданской войны и переходом к мирному хозяйственному строительству. Иначе говоря: создание крупной социалистической промышленности, являясь делом непосредственного социалистического строительства, — поскольку наши государственные промышленные предприятия суть предприятия последовательно-социалистического типа,—в свою очередь являлось лишь посредствующим звеном (основой, условием, предпосылкой) к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве.

* * *

Но как можно было приступить к разрешению этой задачи в условиях неслыханной разрухи и разорения, в условиях почти полного распада хозяйственных связей, дезорганизации транспорта и крушения кредитно-денежной системы? «Мы не могли подготовить социалистического хозяйства прямым путем, мы принуждены были сделать это окольными путями» (т. XVIII, ч. 2, стр. 96).

«...в первую голову нужны немедленные и серьезные меры для поднятия производительных сил крестьянства» (т. XVIII, ч. 1, стр. 213). «В первую голову», ибо без «поднятия производительных сил крестьянства», без восстановления сельского хозяйства немыслимо было разрешение задачи: обеспечения городов продовольствием и фабрик и заводов—сырьем и топливом.

Начать следовало с того, чтобы «добиться под'ема производительных сил хотя бы на ступени крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной» (т. XVIII, ч. 1, стр. 437).

И «на то время пока мы не восстановим крупной промышленности полностью, а это время может исчисляться не меньше, как десятком лет», мы «должны дать такие формы отношений между рабочим классом и крестьянством, между этими двумя единственными классами, на основе которых мы должны строить нашу экономику, должны между этими классами создать такой союз, который удовлетворил бы обе стороны хозяйственно, такой союз, который считался бы с мелким крестьянином как с мелким крестьянином, пока мы не можем ему дать всех продуктов крупной промышленности». «Это основа всей новой экономической политики». (т. XVIII, ч. 1, стр. 291).

В этом суть. Не ломать старого общественно-экономического уклада, не ставить себе задачей немедленную социалистическую перестройку сельского хозяйства, а считаться «с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», «дать крестьянству порядочный простор, как мелкому производителю» (т. XVIII, ч. 1, стр. 265), «приспособиться к хозяйственным условия жизни мелких земледельцев» (стр. 291), до тех пор, пока не будет создана та социалистическая промышленность, которая окажется в силах разрешить задачу социалистического переустройства сельского хозяйства. Именно в этом корень отличия новой экономической политики от той политики, которая предшествовала ей и которая ставила своей задачей не опосредствованное соответствующим развитием социалистической промышленности и рядом других переходных мер социалистическое строительство, а непосредственное социалистическое строительство, революционную ломку всего старого общественно-экономического уклада деревни. И именно в этом: в необходимости считаться «с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», в необходимости «оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему рядовому крестьянину (а это — массовик, представитель массы, носитель стихии) экономическое оживление», использовав это оживление, этот под'ем и рост производительных сил «для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности»—основа основ, смысл, содержание и суть новой экономической политики. В истории переходного периода новая экономическая политика является «пред'историей» к непосредственному социалистическому строительству во всем народном хозяйстве, когда минует надобность в длинном ряде переходных мер и посредствующих звеньев и когда на основе

окрепшей и выросшей социалистической индустрии мы сумеем подойти вплотную «к крупному обобществленному машинному земледелию».

Вот почему на вопрос: не означает ли переход к новой экономической политике, когда во главу угла ставится задача «считаться с мелким крестьянином, как мелким крестьянином»,—царства крестьянской ограниченности?—Ленин со всей категоричностью отвечал:

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч.

В этом и только этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» (т. XVIII, ч. II, стр. 138).

* * *

Итак, в длинном ряду переходных мер и опосредствующих звеньев, необходимых для создания крупной социалистической промышленности, способной реорганизовать земледелие, мы должны были исходить из необходимости «считаться с тяжелым положением страны» и невозможностью «быстро восстановить крупную промышленность». Соответственно этому должна была строиться и наша экономическая политика.

«...попытка снабдить крестьянство продуктами перешедшей в руки государства крупной промышленности нам не удалась. Раз эта попытка не удалась, то не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т.-е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть. *Замена разверстки продналогом,* — *вот в чем суть нашей экономической политики, это суть самая простая. Если нет цветущей крупной промышленности,* способной организоваться так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как *путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием под руководством и контролем рабочего государства,* — никакого иного пути нет. Абсолютная необходимость нас к этому пути привела. И *только в этом и состоит основа и сущность нашей новой экономической политики*» (т. XVIII, ч. 1, стр. 434—435. Курсив мой. *К. Р.*).

Но и в самом процессе перехода от военого коммунизма к новой экономической политике мы имели свой ряд переходных мер.

Основной задачей, как мы уже говорили выше, было *не ломая* старого общественно-экономического уклада, *оживлять его, овладевая лишь в меру оживления.* «Во что бы то ни стало, какой угодно ценой, поднять из положения критического в положение сносное» мелкое крестьянское хозяйство. Но для этого требовалось (поскольку крупная промышленность была разорена) поднять мелкую и местную промышленность, дать ей необходимый простор и необходимые для этого условия и *заинтересовать* крестьянина в развитии его собственного хозяйства, *приспособиться* к его хозяйственным нуждам и требованиям, *удовлетворить* его как мелкого производителя. Но «удовлетворить мелкого земледельца, по сути дела, можно двумя вещами: во-первых, *нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого*

хозяина, а, во-вторых, *нужно достать товары и продукты*» (т. XVIII, ч. 1, стр. 140).

Какую же именно политику должен был вести пролетариат перед лицом такой экономической действительности? «Дать мелкому крестьянину *все* потребные ему продукты из производства крупной социалистической фабрики в обмен на хлеб и сырье. Это была бы самая желательная, самая «правильная» политика, — мы ее и начали» (т. XVIII, ч. 1, стр. 216). И именно эту задачу мы перед собой ставили, когда переходили к продналогу, когда переходили «от реквизиции всех хлебных излишков крестьянина к правильному социалистическому продуктообмену между промышленностью и земледелием» (т. XVIII, ч. 1, стр. 315), когда «предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации» (стр. 398).

На чем строилось это решение? На том, что посредством продуктообмена мы в состоянии будем осуществить более непосредственный переход к социализму, минуя ряд посредствующих звеньев. Но эта попытка не удалась. Слишком велико было разорение всего народного хозяйства, и в частности, и в особенности, крупной социалистической промышленности. Всех продуктов социалистической промышленности в обмен на хлеб и сырье мы не могли дать; их было ничтожно мало. «Товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу. И мы теперь вынуждены это сознать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся посмотреть прямо в лицо опасности. Мы должны сознать, что отступление оказалось недостаточным, что необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от государственного капитализма переходим к созданию государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля» (т. XVIII, ч. 1, стр. 398).

На этих позициях отступление было приостановлено, *на этих позициях* была произведена необходимая перегруппировка сил и *с этих позиций* началось постепенное наступление на капитализм: восстановление и создание крупной социалистической промышленности, овладение торгово-посредническим оборотом, замещение социалистическим сектором вытесняемого капиталистического сектора как из промышленности, так и из сферы товарооборота, усиление строительства кооперации. Борьба с капитализмом, борьба с мелкобуржуазной стихией, не теряя своей ожесточенности, приняла новые формы, потребовала иных приемов и иных методов.

От штурма мы перешли к осаде, от революционных к «реформистским» методам действий, к длинному ряду постепенных, осторожных обходных движений, конечной целью которых было создание таких условий, при которых был бы возможен переход *от опосредствующих звеньев* в деле социалистического строительства *к непосредственному* социалистическому строительству, при которых возможно было бы разрешение важнейшей и кардинальнейшей задачи — задачи социалистического переустройства сельского хозяйства.

Таким образом, не имея промышленности, способной разрешить коренную задачу революции,—социалистическое переустройство сельского хозяйства и, больше того, не имея промышленности, способной социалистически обменять свою продукцию на хлеб и сырье, мы вынуждены были, преследуя задачу удовлетворения интересов мелкого товаропроизводителя, перейти к обыкновенной купле-продаже, к обыкновенной торговле, хотя и поставленной в определенные рамки, хотя и ограниченной государственным регулированием.

«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи и по своим организационным «надстройкам» и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это «если» уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, попытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, претворить в жизнь, наладить практически новую связь промышленности с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных, осторожных, «осадных» действий» (т. XVIII, ч. 1, стр. 413. Курсив мой. *К. Р.*).

Но свобода торговли означает и известную свободу капитализма. С переходом к рыночным отношениям, мы неизбежно должны были в известной степени и известной мере создать условия для развития капитализма. Нет сомнения, что опасности и трудности, стоящие перед нами, в связи с этим, неизмеримо возросли. И, тем не менее, это было совершенно необходимо, ибо «капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства» (т. XVIII, ч. II, с. 35), ибо «без этого крестьянин жить и хозяйничать не может» и, соответвественно этому «капитализм, мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству» (т. XVIII, ч. II, с. 61).

Означало ли это допущение свободы торговли и свободы капитализма подрыв основ диктатуры пролетариата? Отнюдь нет. Ибо вопрос был в той мере, которая допускалась развитию капитализма. Но опасность, которой нам грозила даже эта ограниченная свобода капитализма преуменьшать все же было никак нельзя. И дело было не столько в самом этом капитализме как таковом, сколько в его влиянии на мелко-собственническую стихию. «Город неизбежно ведет за собой деревню. Деревня неизбежно идет за городом. Вопрос только в том, какой класс из «городских классов» сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу и какие формы это руководство города примет» (т. XVI, с. 442). Нашей задачей было сохранить это руководство за собой, за пролетариатом, постепенно отвоевывая одну за другой позиции у капитализма.

От социалистического продуктообмена, предполагавшего непосредственный обмен продуктов социалистической промышленности на хлеб и сырье, мы отступили к торговле. И именно сюда, в сферу товарооборота прежде всего устремился капитализм. Нашей важнейшей задачей должно было сохранить хозяйственную связь с крестьянством в своих руках, отвоевать ее, но уже мерами экономическими у капитализма. Вот почему Ленин говорил, «что именно торговля—то «звено» в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 гг., «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать» (т. XVIII, ч. I, с. 412).

Наконец, свобода торговли неизбежно порождала и рост кулачества. «Как же быть? Не надо закрывать глаза, что замена разверстки налогом означает то, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше,

чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло. Но не запретительными мерами нужно с этим бороться, а государственным об'единением и государственными мерами. Если ты можешь дать государству машины, этим ты поднимешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты. Пока не можешь дать этого, дай известное количество товару. Если они в твоих руках — ты держишь власть, но приостановить, зарезать, отмести такую возможность — это значит отнять всякую возможность оборота, это значит не удовлетворить среднее крестьянство» (т. XVIII, ч. 1, стр. 145).

* * *

Таким образом, если бы мы хотели в более развернутой форме дать характеристику, содержание и задачи новой экономической политики, мы должны были бы отметить следующие основные моменты.

1. От штурма к осаде, от революционных методов действия к «реформистским», от непосредственного социалистического строительства во всем народном хозяйстве к ряду опосредствующих звеньев и переходных мер, ставящих себе задачей: создание крупной социалистической промышленности (где уже осуществлялось непосредственное социалистическое строительство), кооперирование населения и в первую очередь крестьянского населения (рост кооперации, как указывал Ленин, тождествен росту социализма) ограничение и вытеснение капиталистических элементов народного хозяйства.

2. Не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять, овладевая в меру оживления, до тех пор, пока не будет созданы необходимые предпосылки и условия и, прежде всего, крупная социалистическая промышленность и мощная кооперация для разрешения задачи непосредственного социалистического строительства.

3. Считаться «с мелким крестьянином, как мелким крестьянином», пока не будет создана крупная социалистическая промышленность, способная реорганизовать земледелие.

4. Допустить свободную торговлю, поскольку торговля есть единственная возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если нет налицо цветущей крупной промышленности и до тех пор пока такая промышленность создана не будет.

5. Допустить в известных пределах, необходимых для развития крестьянского хозяйства, свободу капитализма, пока на базе мощной социалистической индустрии коллективизирующейся деревне будет не нужен капитализм.

6. Допустить известный рост кулачества в деревне, как неизбежный продукт мелкого товарного производства и свободы торговли, до тех пор, пока крупная социалистическая промышленность не даст деревне в массовом масштабе тракторы, машины и электрическую энергию, не подведет деревню к полному переводу на обобществленное машинное производство и, тем самым, «десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты».

7. Наконец, «для того, чтобы обеспечить непрерывное, хотя бы и медленное, восстановление крупной промышленности, мы не должны отказываться итти ни на какие подачки жадным до этих подачек заграничным капиталистам, потому что сейчас, с точки зрения построения социализма, выгодно переплатить сотни миллионов заграничным капиталистам, но зато получить те машины и материалы для восстановления крупной промышленности, которые восстановят нам экономическую базу пролетариата, превра-

тят его в прочный пролетариат, а не тот пролетариат, который остается спекулятивным» (т. XVIII, ч. I, стр. 264).

Короче говоря, *новая экономическая политика была совокупностью таких мероприятий пролетарского государства* в деле социалистического строительства, *которые через ряд посредствующих звеньев и переходных мер должны были подвести к разрешению задач непосредственно социалистического строительства в об'еме всего народного хозяйства, коренной ломке старого общественно-экономического уклада деревни на базе мощной социалистической крупной промышленности — основы основ социализма и кооперации.* Создать цветущую, могущественную крупную социалистическую промышленность, способную разрешить коренные задачи социалистического строительства, а *до этого времени* — не ставя своей целью утопическую и вредную для дела социализма идею *непосредственного* социалистического строительства,— оживлять старый общественно-экономический уклад, торговлю, мелкое предпринимательство, овладевая ими в меру оживления, *используя все и всяческие возможности для скорейшего создания крупной социалистической промышленности* — вот тот величайший «маневр», который мы начали проводить перейдя к новой экономической политике. И «вот почему мы сказали единодушно, что эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно уже замечено, *не навсегда. Она вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности*» (т. XVIII, ч. I, стр. 437).

И тогда, когда мы создадим ту крупную социалистическую промышленность, которая будет в силах перейти к разрешению задач *непосредственного* социалистического строительства, когда минует необходимость *переходных мер и посредствующих* звеньев, эта *экономическая политика будет не нужна, будет излишней, и мы должны будем перейти к иной политике — политике непосредственного социалистического строительства.* От ряда долгих, постепенных, осторожных, «реформистских», «осадных» действий, мы должны будем перейти к новому штурму, но уже в *иных* условиях, в *иной* обстановке, с *иной* организованностью, с *иным* соотношением сил борющихся классов.

От осады к новому штурму.

Каковы были итоги новой экономической политики? В общем и целом эти итоги известны. Величайших успехов, достигнутых нами «на рельсах нэпа», не могут не видеть и не признавать даже наши враги.

Напомним их вкратце.

Валовая продукция сельского хозяйства за шесть лет с 1923—24 года по 1929—30 г. возросла с 8.558 млн. дов. рублей до 12.530 млн. дов. руб. или на 41,4%.

Валовая продукция промышленности за этот же период возросла с 3.414 млн. дов. рублей до 14.229 млн. дов. рублей или на 316,7%. Довоенный уровень промышленностью давно оставлен позади и в текущем году будет превышен *в два раза!* Капитальные вложения в промышленность, составлявшие в 1923—24 г. 245,3 млн. черв. рублей, из года в год возрастая, в 1929—30 г. выражаются гигантской суммой, превышающей 4 млрд. руб. Контрольные же точки на 1930—31 год повышают об'ем капитальных работ промышленности до 8,5—9 млрд. рублей!

Грузооборот железных дорог, составлявший в 1922—23 г. 38,1 млрд. тонно-клм., возрос до 158,1 млрд. тонно-клм. в 1929—30 г. или *больше чем в четыре раза.* Капитальные вложения в жел.-дор. транспорт, составляющие в 1923—24 г. всего лишь 141,9 млн. черв. рублей, в 1929—30 г. должны составить 1.642 млн. руб., превышая в 11,5 раз вложения 1923—24 г.

Наконец, народный доход за этот шестилетний период возрос с 6.885 млн. дов. рублей до 18.980 млн. дов. рублей или на 175,6%, значительно превысив размер довоенного народного дохода.

Все это является непреложным свидетельством того, что *оживление* народного хозяйства было достигнуто.

Но успех новой экономической политики не ограничивается *оживлением* народного хозяйства — «вообще», под'емом производительных сил «вообще». Вытаскивая народное хозяйство из состояния всеобщей разрухи и разорения, добившись неслыханного под'ема производительных сил, *оживив* весь народно-хозяйственный организм, мы, в то же время, *все больше овладевали им, по мере его оживления.* На основе общего под'ема производительных сил, стимулируя и ускоряя этот под'ем, и в то же время *обгоняя его*, рос социалистический сектор народного хозяйства. Гнилые пророчества и зловещие предсказания об «эволюции» в сторону капитализма были безнадежно биты. Медленно, осторожно и постепенно, рядом обходных движений, отвоевывал социализм одну за другой позиции у капитализма, подготовляя почву для нового штурма, для последнего и решительного боя с отечественным капитализмом, для коренной и решительной ломки старого общественно-экономического уклада деревни, для ликвидации кулачества как класса, а затем и,—по мере того как допущение свободной торговли «будет давать лишь минусные результаты» (Сталин), — ликвидации остатков нэпманства, остатков торговой буржуазии, *уже* лишенных производственной базы, но еще имеющих корни в необобществленном секторе сельского хозяйства.

Как проходил этот процесс обобществления народного хозяйства и рост его социалистического сектора, красноречиво говорит приводимая ниже таблица:

Удельный вес обобществленного сектора.

	1925—26	1926—27	1927—28	1928—29	1929—30
Капитальные вложения	42,5	48,1	55,[illegible]	65,[illegible]	75,9
Основные фонды	50,2	50,6	[illegible]1,8	54,[illegible]	58,9
Валовая продукция	35,1	37,5	41,9	43,5	51,2
В т. ч. цензовой пр.	9[illegible],0	97,7	98,6	99,1	99,3
Торг.-посредн. оборот	75,5	81,1	88,7	93,4	96,7

Иначе говоря, во всех решительно областях, социалистический сектор играет *преобладающую роль*, приближаясь к *полному господству* в цензовой промышленности и торгово-посредническом обороте.

Но дело не только в относительном падении удельного веса необобществленного сектора и относительном росте обобществленного сектора. С определенного этапа нашего хозяйственного развития началось и прямое, *абсолютное* сокращение частно-капиталистического сектора, а затем и сектора простых товаропроизводителей, переходящих к коллективным формам хозяйства.

Частная и концессионная промышленность, дававшая в 1923—24 году валовой продукции на 1.467 млн. рублей и доведшая выпуск валовой продукции до 2.478 млн. рублей в 1925—26 году, уже со следующего—1926—27 г.— начинает сокращать производство и к 1928—29 году доводит его до 1.975 млн. рублей. Особенно резко сократилась продукция частной и концессионной *цензовой* промышленности.

В торгово-посредническом обороте произошло тоже самое явление. Значительный рост частного сектора в первые годы нэпа, сменяется затем резким сокращением не только относительного, но и абсолютного участия частного сектора в торгово-посредническом обороте. За годы 1925—26—1928—29, частный сектор в торгово-посредническом обороте сокращается с 6.100 млн. руб. до 3.110 млн. руб., в том числе в оптовой торговле с 945 млн. руб. до 270 млн. руб., а в розничной — с 5.155 млн. руб. до 2.830 млн. рублей.

Таким образом, как в промышленности, так и в торгово-посредническом обороте не только относительное, но и абсолютное сокращение частно-капиталистического сектора началось, примерно, с 1926—27 года. Частно-хозяйственный капитализм, как «пособник социализма» начал себя исчерпывать и все больше оттесняться и замещаться обобществленным, социалистическим сектором — социалистической промышленностью и кооперацией.

После XV с'езда партии, бросившего лозунг «перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника», потребовавшего «дальнейшего хозяйственного наступления на капиталистические элементы» и «еще более решительного хозяйственного вытеснения» частно-капиталистических хозяйств, процесс абсолютного сокращения частно-капиталистического еще больше усилился, захватив и капиталистические, кулацкие элементы деревни. И в 1928—29 году мы имели такое положение, когда кулацкие хозяйства начали резко сокращать свои посевные площади, резко сокращать как валовую, так и товарную продукцию своих хозяйств. Одновременно с этим, именно в 1928—29 году произошел великий перелом в развитии миллионных масс бедняцко-середняцких хозяйств, решительно вставших на путь отказа от индивидуальных форм хозяйствования и перехода к коллективным формам хозяйствования. При чем, что особенно важно подчеркнуть, этот рост колхозного движения, чем дальше, тем больше усиливал свой темп. В преимуществах коллективных форм земледелия убедился и середняк и мощной лавиной двинулся в колхоз, вслед за бедняком и батрацкими элементами деревни. Уже к началу марта 1930 года, коллективными хозяйствами было охвачено около 55% всех посевных площадей, об'единено 14 млн. хозяйств из общего количества 25—26 млн. хозяйств. Ряд районов коллективизирован полностью. И к весне 1930 года, мы, видимо, будем иметь уже отдельные области сплошной коллективизации.

И, как неизбежный результат процесса коллективизации, в районах сплошной коллективизации вплотную встал вопрос о ликвидации кулачества как класса, ибо этого требовало закрепление достигнутых нами успехов в деле коллективизации бедняцко-середняцких масс.

Чем же об'ясняется, чем вызван, где причины, приведшие к этому великому перелому в развитии сельского хозяйства, к этому великому движению многомиллионных масс бедняцко-середняцкого крестьянства к коллективным формам хозяйства? Конечно, можно было бы назвать длинный ряд причин, породивших это историческое движение бедняцко-середняцких масс крестьянства к коллективным формам хозяйства. Но основные причины этого великого движения крестьянства к социализму, могут быть сведены к четырем решающим и важнейшим.

1. Прежде всего в качестве решающей и важнейшей причины этого движения бедняцко-середняцких масс к коллективным формам земледелия должен быть отмечен рост крупной социалистической промышленности, и особенно ее отраслей производящих средства производства и отраслей производственно обслуживающих сельское хозяйство. Если промышленность в целом в 1929—30 году превысит уровень довоенного производства в два

раза, то производство сельскохозяйственных машин превысит довоенные размеры больше, чем в шесть раз!

Если дореволюционное сельское хозяйство не знало трактора, а дореволюционная промышленность не производила тракторы, то весной текущего года на полях Советского Союза будет уже работать свыше 90 тыс. тракторов, а промышленность в этом же году выпустит свыше 11 тыс. тракторов отечественного производства. На 1930—31 г. выпуск тракторов будет доведен до 55 — 60 тыс. В последний же год этого пятилетия, т.-е. в 1932—33 году выпуск тракторов будет доведен до 191,5 тыс. тракторов, мощностью в 5.225 тыс. лош. сил, а общий выпуск сельскохозяйственных машин — до 1.100 млн. руб.

Здесь нелишне будет опять и опять напомнить слова Ленина, что именно одна и только одна единственно крупная социалистическая промышленность способна переделать крестьянское хозяйство, переработать всю психологию и все навыки мелкого земледельца, дав ему в массовом масштабе тракторы и машины, электрифицировав его хозяйство. «Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин,— писал Ленин,— сказал бы: „Я за коммунию“ (т.-е. за коммунизм»). И именно благодаря нэпу и на рельсах нэпа мы добились того, что фантазия стала реальностью и что мы уже создали промышленность, которая способна начать разрешение величайшей исторической важности задачи — социалистическое переустройство деревни — непосредственное социалистическое строительство во всем народном хозяйстве.

И с этой точки зрения, несомненно неправильно утверждение в общем правильной статьи т. Бухарина, что «этот процесс (революционного преобразования деревенской экономики. *К. Р.*), не проходит так же, как и вся наша революция, по-«классическим» формулам педантов: сперва сотни тысяч тракторов, потом переделка крестьянского хозяйства на коллективный лад. Массовая переделка крестьянского хозяйства уже есть факт, и с каждым днем этот факт становится крупнее и крупнее: в известной степени здесь, следовательно, более уместна другая формула: сперва переделка производственных отношений, потом техническая революция».

Если совершенно справедливо, что первая формула — формула педантов, то вторая формула — формула «ультра-левой», классически-идеалистической фразеологии. Если бы эту вторую формулу тов. Бухарина,— «сперва переделка производственных отношений, потом техническая революция»,— принять безоговорочно всерьез, то это не могло бы означать ничего другого, как утверждения, что эту массовую переделку производственных отношений деревни мы могли начать и пять и шесть и десять лет назад. Не все ли равно ведь наша революция развивается не по классическим» формулам! Не все ли равно, ведь «техническая революция», реконструкция материально-технической базы сельского хозяйства, дело «второстепенное», которое можно будет разрешать и «потом», после того, как старые производственные отношения будут «сломаны» после того как будут установлены новые производственные отношения!

Другое дело, и это было бы совершенно справедливо, что начавшийся процесс переделки производственных отношений обгоняет рост производственно-технического обслуживания сельского хозяйства, и, тем самым, не только открывает широчайшие возможности перед технической революцией в деревне, но и стимулирует этот процесс технического перевооружения сельского хозяйства. Но это вопрос другого порядка. Исходным же пунктом этого движения бедняцко-середняцких масс к коллективным формам хозяйства является, несомненно, рост крупной социалистической промышлен-

ности, и на этой основе рост производственного обслуживания сельского хозяйства, это движение и обусловившее.

Начавшийся великий процесс социалистической перестройки сельского хозяйства, конечно, своими корнями уходит в гигантский рост социалистической промышленности и рост ее влияния на всю экономику страны и в том числе на сельское хозяйство; но бурно протекающие процессы коллективизации далеко обгоняют возможности крупной социалистической промышленности по радикальной материально-технической раконструкции сельского хозяйства, материально-производственному обслуживанию коллективизирующейся деревни.

Значит ли это, что мы должны бить отбой и делать попытки сдержать, приостановить этот начавшийся и бурно протекающий процесс социалистической перестройки сельского хозяйства? Отнюдь нет. Ибо, как это совершенно правильно отмечал т. Сталин в своем выступлении на конференции аграрников-марксистов преимущества крупного хозяйства в земледелии, очевидно не только в колхозах развитых, имеющих машинно-тракторную базу, но и в «колхозах первичных, представляющих, так сказать, мануфактурный период колхозного строительства и опирающихся на крестьянский инвентарь». «С виду эти колхозы как будто не отличаются с точки зрения техники от мелкого крестьянского хозяйства (мало машин, мало тракторов). А между тем, простое сложение крестьянских орудий в недрах колхоза дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики». Иначе говоря, сам процесс коллективизации явился новым, добавочным, дополнительным фактором в деле развития производительных сил в сельском хозяйстве и притом на социалистической основе.

Сила партии и успешность ее политики в деле колхозного строительства в том и заключалась, что она со всей энергией, со всей решительностью боролась, «как с теми, которые пытались обогнать движение и декретировать развитие колхозов («левые» фразеры), так и с теми, которые пытались тащить назад партию и остаться в хвосте движения (правые головотяпы). Без такой политики партия не смогла бы превратить колхозное движение в действительно массовое движение самих крестьян.

«Когда петроградский пролетариат и солдаты петроградского гарнизона брали власть,— говорит Ленин,— они прекрасно знали, что для строительства в деревне встретятся большие затруднения, что здесь надо итти более постепенно, что здесь пытаться вводить декретами, узаконениями общественную обработку земли было бы величайшей нелепостью, что на это могло пойти ничтожное число сознательных, а громадное большинство крестьян этой задачи не ставило. И поэтому мы ограничивались тем, что абсолютно необходимо в интересах развития революции: ни в коем случае не обгоняя развитие масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед» (том XV, стр. 500).

Если партия одержала крупнейшую победу на фронте колхозного строительства, то это потому, что она в точности выполняла это тактическое указание Ленина» (Сталин. «Год великого перелома»).

Таким образом первой причиной происходящего процесса коренной реконструкции и в массовом масштабе производственных отношений деревни является тот факт, что мы *уже* создали ту крупную социалистическую промышленность, которая способна и в силах приступить, но только приступить, к разрешению задачи *непосредственного* социалистического строительства в сельском хозяйстве в массовом масштабе.

«Советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре, в новой технике, она правильно учла безвыходность положения крестьянства при старых формах обработки земли, и, учтя все это, во-время организовала ему помощь в виде прокатных пунктов, трак-

торных колонн, машинно-тракторных станций, в виде организации общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, наконец, в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов» и именно этим «об'ясняется он, этот небывалый успех в деле социалистического строительства». (Сталин).

2. Второй причиной, обусловившей этот рост колхозного строительства является *мощный рост, сила и крепость всей системы кооперации*. Являясь высшей *производственной* формой кооперации, колхозное движение непосредственно выросло на почве и на основе общего роста кооперации, внедрения в широкую крестьянскую массу идеи кооперации, хотя бы и в ее низших формах. Уже в 1928—29 году сельскохозяйственной кооперацией было охвачено 11,8 млн. крестьянских дворов. В текущем же хозяйственном году, сельскохозяйственной кооперацией должно быть охвачено 16,5 млн. хозяйств или 63% всех крестьянских дворов. Наконец, в этом же направлении действовала и, получившая широчайшее распространение и охватившая свыше 50% всей посевной площади,— контрактация.

3. Третьей причиной небывалого успеха в деле колхозного строительства является тот факт, «что это дело взяли в свои руки передовые рабочие нашей страны. Я имею в виду рабочие бригады, десятками и сотнями рассеянные в основных районах нашей страны. Надо признать, что из всех существующих и возможных пропагандистов колхозного движения рабочие пропагандисты являются лучшими пропагандистами среди крестьянских масс. Что же может быть удивительного в том, что рабочим удалось убедить крестьян в преимуществе крупного коллективного хозяйства перед индивидуальным мелким хозяйством, тем более, что существующие колхозы и совхозы являются наглядным примером, демонстрирующим это преимущество?» (Сталин «Год великого перелома»).

4. Наконец, четвертой причиной, из ряда важнейших причин, обусловивших этот небывалый успех колхозного строительства является тот факт, что общей политикой партии в отношении кулака — ограничение и вытеснение — возможности капиталистического развития деревни были существенно ограничены и затруднены. И это, со своей стороны, толкало, особенно середняцкие слои деревни становиться на путь *некапиталистической* эволюции, на путь перехода к коллективным формам хозяйства.

«Мы прекрасно знаем,— говорил Ленин,— что такие величайшие перевороты в жизни десятков миллионов людей, касающихся наиболее глубоких основ жизни и быта, как переход от мелкого единичного крестьянского хозяйства к общей обработке земли, могут быть созданы только длительным трудом, что они вообще осуществимы лишь тогда, когда необходимость заставляет людей переделать свою жизнь» (т. XV, стр. 393).

Однако, эта «необходимость» только тогда даст желательные результаты, «когда, практически, на опыте, близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и *возможен*» и «лишь тогда мы в праве будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделан *серьезный шаг*» (т. XVI, стр. 392. Курсив мой. *К. Р.*).

Итак, *характерной* чертой того нового этапа переходного периода, в который мы вступили, и которая *коренным образом отличает* его от предшествующего периода, является массовое движение бедняцко-середняцких масс к коллективным формам хозяйства, приведшее к созданию ряда районов сплошной коллективизации, в свою очередь перерастающих в целые области сплошной коллективизации. Именно это является характерным и отличительным для нового периода, ибо процесс стихийного массового движения бедняцких и середняцких хозяйств к коллективным фор-

мам хозяйства является лучшим свидетельством того, что на основе роста крупной социалистической промышленности и общего роста всего социалистического сектора народного хозяйства уже начали созревать необходимые условия и предпосылки для социалистической переделки деревни, что период «*посредствующих звеньев*» и «переходных мер» *к непосредственному* социалистическому строительству перерастает в новый период — *период непосредственного социалистического строительства*. То, что было не под силу разрешить в эпоху военного коммунизма, когда мы имели истерзанную, измученную и обнищалую страну, когда крупная промышленность была разорена и ее роль и значение, ее удельный вес и влияние на народное хозяйство было ничтожно, то стало *необходимым и возможным*, когда крупная социалистическая промышленность не только восстановилась, но и стала производить продукции в два раза больше, чем до войны, в шесть раз увеличив производство сельскохозяйственных машин и наладив массовое производство не производившихся в довоенной России тракторов и таких сложнейших сельскохозяйственных машин как комбайны. Это стало *необходимым и возможным*, поскольку вся политика капитальных вложений в промышленность именно за отраслями производственно обслуживающими сельское хозяйство *обеспечивает наибольшие темпы развития и возможность полной материально-технической реконструкции и машинизации сельского хозяйства в ближайшие же годы*.

С этой точки зрения нельзя не признать ошибочным следующее утверждение тов. Богушевского:

«Новое, что *характеризует* нынешний период, это то, что капитализм во всех решительно областях нашей экономики катастрофически, если можно так выразиться, перестает быть *благом* и во всех областях быстро становиться злом. Именно сейчас мы можем констатировать тут резкий перелом. *Вот что нового, прежде всего, в нынешнем этапе*».

Тут все поставлено на голову.

Прежде всего, никто и никогда не говорил, что капитализм в условиях переходного, от капитализма к социализму, периода является «благом». Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству», писал Ленин, а тов. Богушевский, сославшись на Ленина, но Ленина не поняв, бухнул в колокола: капитализм есть «благо» по отношению... к капитализму, ибо переход-то мы совершаем не от средневековья к капитализму, а от капитализма к социализму. Ведь если капитализм был «благом», то почему бы нам нужно было ставить *пределы* его развитию, *ограничивать и вытеснять* его? Очевидно, если капитализм и являлся, тов. Богушевский, «благом», то, очевидно, очень и очень условным, чтобы не сказать больше. *Капитализм являлся у нас не «благом», а вынужденным злом*, поскольку он был необходим для оживления хозяйственной деятельности мелкого производителя, крестьянина, в первую очередь. Капитализм был *неизбежен*, поскольку мы должны были допустить свободную торговлю, свободную продажу мелким производителем излишков его хозяйства. Но мы сразу же поставили ему и жесткие пределы его развития: *постольку, поскольку*. «Капитализм мы допускаем, но в тех пределах, которые необходимы крестьянству». (Ленин). И поскольку эта необходимость в капитализме крестьянства будет исчерпываться, мы все больше, все настойчивее, энергичнее и решительнее будем его ограничивать и вытеснять с тем, чтобы на определенном этапе приступить к его прямой ликвидации, что мы и начали делать, выдвинув задачу

ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

Недурно то «благо», с которым обращаются столь «невежливо»!

И, конечно, не тем *характерен* нынешний период, что капитализм «катастрофически» быстро начал становиться «злом», не в этом суть того *нового*, что мы имеем. Тов. Богушевский ухватился за «*верхушки*», того *действительно нового*, что мы имеем в нашей экономике. Капитализм являлся *неизбежным продуктом* мелкособственнической стихии, капитализм являлся *неизбежным следствием* свободной торговли. Запереть, запретить капитализм в условиях, когда преобладающую массу населения составляют мелкие производители, это значит запретить, запереть развитие мелкого хозяйства. Вот почему мы вынуждены были в свое время допустить (в известных пределах) капитализм, вот в каком смысле частно-хозяйственный капитализм выступал в роли «пособника социализму». И вот почему сейчас, когда мы имеем мощное развитие колхозного движения, охватившего более половины крестьянского населения, частно-хозяйственный капитализм стал так быстро исчерпывать себя. Капитализм мы допускали, как неизбежное зло, как неизбежный продукт, как неизбежное следствие наличия миллионных масс мелких индивидуальных товаропроизводителей, капитализм стал «катастрофически» исчерпывать себя, когда эти массы бедняцко-середняцких хозяйств пошли в колхоз. И *новым, что характеризует нынешний период является именно этот бурный процесс коллективизации*, а не «катастрофическое» превращение капитализма из «блага» в «зло».

Аналогичную ошибку делают и те товарищи, которые нынешний этап переходного периода характеризуют, как период «антикулацкой революции». Не ликвидация кулачества как класса характеризуют новый этап, а те бурные процессы коллективизации, которые привели к созданию ряда районов сплошной коллективизации и, тем самым, выдвинули лозунг ликвидации кулачества как класса. «Антикулацкая революция», это скорее характеристика того, что мы имели в период военного коммунизма, период *раскулачивания и комбедов*, период *свержения господства* кулака в деревне и уничтожения его экономической мощи, а не в период массового колхозного строительства и социалистической реконструкции сельского хозяйства. Именно *тогда* скорее можно было говорить об «антикулацкой революции», ибо *именно в этом* была суть того периода, который Ленин назвал «Октябрьской революцией в деревне», когда сброшена была власть кулака и установлена советская власть как форма пролетарской диктатуры. Именно тогда можно было говорить об «антикулацкой революции», ибо борьба с кулаком была *сутью* этого периода, ибо в «раскулачивании» кулака была *задача* того периода, ибо, «раскулачивая» кулака, мы передавали его имущество не в колхоз, а деревенской бедноте, в ее *индивидуальное* пользование и тем самым *укрепляли* мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. И, конечно, *коренным* образом отлично обстоит дело в нынешний период. Ликвидация кулачества как класса является лишь одной из «сторон» того процесса колхозного строительства, которой завершилось создание районов сплошной коллективизации.

И именно потому-то вопрос о ликвидации кулачества мы ставим в прямой связи с созданием районов сплошной коллективизации и *только с ним*. Там, где колхозное движение не доросло до создания районов сплошной коллективизации, там лозунг ликвидации кулачества преждевременен и потому политически ошибочен и вреден. Мы ликвидируем кулачество только там, где налицо имеются все необходимые предпосылки и где исчерпавший свою роль капитализм превращается из «неизбежного зла» в «зло», которое

может и должно быть уничтожено, ибо оно существенно вредит делу перехода к более высоким формам колхозного строительства.

И «раскулачивая» кулака мы его имущество используем не для усиления индивидуального хозяйства бедняка или маломощного середняка, а для укрепления колхоза. Допустить обратное, допустить осуществление лозунга ликвидации кулачества как класса, там где нет строительства коллективных хозяйств, «это значило бы подменить политику *обобществления* в колхозах конфискованного кулацкого имущества политикой дележки этого имущества для личного обогащения отдельных крестьян. Такая подмена была бы шагом назад, а не вперед». (Сталин).

Как же следует все же характеризовать тот новый этап переходного периода, в который мы вступили?

Выше мы уже приводили попытки отдельных товарищей «алгебраической формулой» выразить содержание и суть этого нового этапа. Перед нами прошли и «сумерки» и «закат» и «отмирание» и «начало конца» нэпа и даже «сокращение об'ема» нэпа и т. д. и т. п. Однако, несмотря на все разнообразие характеристик, ни одна из них не может нас удовлетворить. И прежде всего хотя бы по одному тому, что все это всего лишь «прилагательное» к нэпу. Между тем целый ряд экономических и политических мероприятий, которые мы *уже начали* проводить, не укладываются в рамки «новой экономической политики».

В самом деле, достаточно сопоставить содержание, задачи и методы новой экономической политики с той политикой, которую мы *начали* (еще *только* начали) проводить, чтобы убедиться в их принципиальном *качественном* различии.

«*Новая экономическая политика*»: *не ломай* старого общественно-экономического уклада, а *оживляй, овладевая лишь в меру оживления, пока не будут* созданы для этого необходимые предпосылки.

Новое в экономической политике: налицо необходимые предпосылки *уже* есть и мы приступили к *коренной ломке* старого общественно-экономического уклада, к массовой переделке индивидуальных мелких производителей в производителей коллективизированных, *не снимая*, однако, задачи *оживления* старого общественно-экономического уклада и *овладевания им по мере его оживления*.

«*Новая экономическая политика*»: «Считайся с мелким крестьянином, *как мелким крестьянином*», *пока* не будет создана крупная социалистическая промышленность, способная реорганизовать земледелие.

Новое в экономической политике: налицо *уже* имеется такая промышленность, которая способна и в силах приступить к разрешению и уже начала разрешать задачу социалистического преобразования деревни и которая *считается не только с мелким крестьянином, как мелким крестьянином*, но и чем дальше, тем больше, *с коллективизирующимся мелким крестьянином*. (Если бы промышленность исходила из необходимости считаться с мелким производителем *как* мелким производителем, индивидуальным, производственно необ'единенным, то она должна была бы *отказаться*: от тракторного строительства, по крайней мере в запроектированных ею масштабах, от производства комбайнов и от запроектированного ею ассортимента всех прочих сельскохозяйственных машин, рассчитанных на три четверти на механическую, а не на конную тягу).

«*Новая экономическая политика*»: прежде всего—свобода местного товарооборота. Торговля—вот то звено, за которое мы должны

уцепиться до тех пор, *пока* не будет создана крупная социалистическая промышленность.

Новое в экономической политике: это «пока» в известной мере налицо *уже есть* и социалистическая промышленность растет неслыханно быстрыми темпами. Так же, как имеются налицо и районы сплошной коллективизации, где роль местного рынка и местного оборота (в пределах района) по мере перехода к высшим формам колхозного строительства, будет все более суживаться и терять свое значение, будет все более сводиться к нулю. *Торговля начинает, но только начинает, перерастать в социалистический продуктообмен.* При чем агентом со стороны сельского хозяйства выступает *не индивидуальное крестьянское хозяйство*, а колхоз. Торговля начинает, но только начинает, переставать быть основным связующим звеном города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, преодолевается через контрактацию, договор, через производственные формы смычки в социалистический продуктообмен.

«Известную фразу в моей речи на с'езде аграрников-марксистов надо понимать так,—говорил т. Сталин,—что мы «отбросим нэп к чорту», когда уже не будем нуждаться в допущении известной свободы торговли, когда такое допущение будет давать лишь минусные результаты, когда мы получим возможность наладить хозяйственные связи между городом и деревней через продуктообмен, без торговли с ее частным оборотом, с ее допущением известного оживления капитализма». Этот процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен и начнется в районах сплошной коллективизации.

И с этой точки зрения не чем иным, как «недопустимым искривлением партийной линии», является «упразднение в ряде мест рынков и базаров, ведущее к ухудшению снабжения городов. Не может быть сомнения, что такая практика, проводимая под флагом «левых» фраз, на самом деле льет воду на мельницу контрреволюционеров и не имеет ничего общего с политикой нашей партии» (из постановления ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»). Мелкобуржуазной революционностью троцкистского типа являются попытки только намечающийся процесс перерастания торговли в социалистический продуктообмен подменить административным «разгоном», «закрытием», «упразднением» рынка.

Новая экономическая политика: кулак неизбежный продукт свободной торговли, свободного развития мелкого хозяйства. С этим надо считаться и преждевременными мероприятиями против кулака не подрезать корни свободного развития мелкого производителя, *как* мелкого производителя. *Когда* промышленность сумеет бросить в деревню в массовых размерах с.-х. машины десятки и сотни тысяч кулаков будут ликвидированы. Это не исключает политики ограничения и постепенного вытеснения кулака.

Новое в экономической политике: промышленность, дающая сельскому хозяйству необходимые ему машины, хотя до сих пор еще в недостаточных размерах, уже есть. И именно на этой основе были достигнуты крупнейшие успехи в колхозном строительстве, приведшие к созданию районов сплошной коллективизации. Отсюда ликвидация кулачества как класса.

Новая экономическая политика: рост капитализма неизбежен, поскольку у нас преобладает мелкое индивидуальное товарное хозяйство, но допущен он должен быть лишь в тех пределах, которые нужны крестьянству.

Новое в экономической политике: известная почва для частного капитала еще остается, поскольку еще имеется необобществленный сектор в сельском хозяйстве, но по мере роста кооперации, коллекти-

визации частный капитал все больше будет терять свое значение и, более или менее, безболезненно будет в дальнейшем ликвидирован, поскольку производственной базы он лишен.

Новая экономическая политика: от штурма к осаде, от революционных к реформистским методам действия, от непосредственно социалистического строительства, длинному ряду «посредствующих звеньев» и «переходных мер», причем «всерьез и надолго, но, конечно... не навсегда». Эта политика «вызвана нашим состоянием нищеты и разорения и величайшим ослаблением нашей крупной промышленности». (Ленин).

Новое в экономической политике: период нищеты и разорения, период величайшего ослабления промышленности, далеко позади. Промышленность, сама выражающая процесс непосредственного социалистического строительства, уже начинает становиться способной приступить к разрешению задачи социалистического переустройства сельского хозяйства. От длинного ряда «посредствующих звеньев» и «переходных мер» к непосредственно социалистическому строительству во всем народном хозяйстве. От осады к штурму.

Можно ли сказать, что то новое в экономической политике, которое уже имеется, укладывается в рамки нэпа? Конечно, нет. Это — разная политика.

Можно ли сказать, что эта новая, по сравнению с нэпом, экономическая политика уже полностью и без остатка снимает прежнюю экономическую политику — нэп — и делает ее лишней, ненужной, и мешающей? Конечно, нет. Это было бы в корне ошибочно и вредно. Мы находимся в таком периоде, когда «новая экономическая политика» только начав, постепенно, по мере роста и усиления крупной социалистической промышленности, по мере все большего развития колхозного строительства и увеличения районов сплошной коллективизации, по мере перехода от торговли к социалистическому продуктообмену будет все больше перерастать в политику непосредственного социалистического строительства.

И именно потому то неверным, ошибочным и политически вредным, являются разговоры об «отмене» и «ликвидации» нэпа, о «смерти» нэпа и т. п. Мы только находимся у самого начала этого движения, этого процесса перерастания новой экономической политики, политики «посредствующих звеньев» и «переходных мер», в политику непосредственного социалистического строительства; и мы должны это отчетливо понимать для того, чтобы избежать как «лево»-оппортунистических заскоков (рассматривающих существующую систему хозяйства, как «сплошное социалистическое плато» и потому считающих возможным уже снять вопрос: «кто-кого?»), так и правооппортунистических попыток задержать, приостановить начавшийся процесс непосредственного социалистического переустройства всего народного хозяйства.

Г. Сафаров.

Колониальная революция и классовая борьба в Индии.

1. По восходящей линии.

Индия быстро шагает навстречу революционной развязке. Это не подлежит ни малейшему сомнению. Это признают англичане, империалистические угнетатели Индии.

> «Каковы бы ни были причины нынешней смуты в Индии»,—пишет, напр., Эдвин Бивэн в своей книжке, озаглавленной «Мысли о недовольстве в Индии»,—«все знакомые с положением признают, что в ближайшем будущем мы должны ждать взрыва враждебного движения, более мощного и широкого, чем все бывшее до сих пор со времени мятежа [1]. Конечно, у правительства сейчас гораздо более сильная позиция, чем 70 лет назад. Уличные беспорядки, наводившие страх на правительства в древности, .. могут быть быстро подавлены теперь с помощью воздушного флота и пулеметов. Единственная сила, способная свергнуть господствующую группу в настоящее время — помимо внешнего нападения — это раскол в рядах ее вооруженных сил, превращающий их в два практически одинаковых, враждебных организма» [2].

Английский империализм готовится к войне с народами Индии. Бенгальский губернатор уже предложил плантаторам запастись оружием и огнеприпасами

Что дело идет к революции, это ясно и для Ганди, который, отделавшись (на Лагорской сессии индийского Национального конгресса) от обещанного перехода к неповиновению властям декларацией в пользу «полной независимости» Индии, теперь заявляет, что общественная атмосфера в Индии сейчас слишком насыщена революционным электричеством, чтобы можно было думать о применении мирного пассивного сопротивления. Он снова думает о примирении!

Назревание революционных событий не вызывает сомнений и у тех, кто борется за освобождение Индии не на словах, а на деле: об'ективные условия в Индии почти созрели для революционной ситуации [3].

Англичане готовят пулеметы и аэропланы, приказчики индийских либеральных капиталистов и помещиков призывают к отказу от борьбы, революционные массы идут вперед с открытыми глазами.—Такова обстановка. Она коренным образом отличается от 1919 года, когда было больше сантиментального отчаяния, чем жажды борьбы, когда Ганди и К° устраивали целый Ноев ковчег, лицемерную комедию общенационального единства вокруг туземной прялки — «чарки», когда движение на каждом шагу запутывалось в собственных противоречиях и теряло свою ударную силу. Сейчас массы

[1] Восстания 1857 г.

[2] Лондон, 1929 г., стр 17, 19.

[3] 1 st All-India Naujawan Bharat Sabha Conference. Adress delivered in December 26-th 1929.

подходят к «общенациональной» задаче освобождения Индии от империалистического ига *через классовую борьбу*. Тут естественно приходят на ум слова Владимира Ильича:

«Перед буржуазной революцией, в начале ее, во имя демократии выступают все: и пролетариат, и крестьянство вместе с городскими мелкобуржуазными элементами, и либеральные буржуа вместе с либеральными помещиками. Лишь в ходе классовой борьбы, лишь в более или менее продолжительном историческом развитии революции вскрывается разное понимание этой «демократии» разными классами. Мало того: вскрывается глубокая пропасть между интересами различных классов, требующими различных экономических и политических мероприятий во имя одной и той же «демократии». Лишь в ходе борьбы, лишь в развитии революции выясняется, что «демократический» класс или слой не хочет или не может итти так далеко как другой,—что на *почве осуществления «общих»* (*якобы общих*) *задач развертываются ожесточенные столкновения за способ их осуществления*, например, за ту или иную степень, широту и последовательность свободы, народовластия, за тот или иной переход земли к крестьянству и т. д.» [1]).

Индия стоит на пороге буржуазно-демократической революции. Ее основное содержание — *антиимпериалистическое*. Она должна принести национальное освобождение. Если не видеть классов в Индии, если думать, что господство английского империализма висит в воздухе, то может показаться, что эта революция требует единения всех классов индийского общества. Однако простая сверка с действительностью обнаружит, что в Индии есть рабочие и капиталисты, крестьяне и помещики, ростовщики, что борьба за национальное освобождение вырастает из борьбы этих классов, что господство империализма в Индии опирается не только на это классовое строение общества, но и на определенные классы, развившиеся на индийской почве. В 1919 году движение масс, впервые пробудившихся к политической жизни, всколыхнуло целое море патриархальных предрассудков. Эти предрассудки, этот самообман, служили флером, скрывавшим реальные очертания классовых сил. За кустарную самодельщину «*свадеши*» хватались и крестьянин, для которого разорение домашней промышленности было национальной катастрофой, и рабочий, вытолкнутый в город безжалостной конкуренцией Ланкашира, и его хозяин-капиталист, рассчитывавший погреть руки на национальном подъеме и сбыть свои фабричные ткани за доподлинные «свадеши», и даже либеральный помещик (и уж, во всяком случае его сын из студентов). Это «национальное единение» было выражением *бессилия* массового движения на его первоначальном этапе, и это нашло свое отражение в гегемонии гандизма и его методов мирного, ненасильственного сопротивления.

Теперь нет ничего подобного. Английский империализм дружески хлопает по плечу, за панибрата, Махатму Ганди.

«Возможно», замечает «Стэтист»,—«что индийский Национальный конгресс, вынося решение об отказе от требования прав доминиона и высказываясь в пользу полной независимости, исходил из хорошо известных торгашеских соображений. *Отрицательное отношение г-на Ганди к вооруженной борьбе делает несколько невероятной мысль, чтобы он отказался от конституции доминиона, если бы она была предложена*».

И дальше «Стэтист» намекающе добавляет, что «вряд ли можно сомневаться, что создание разумного тарифного барьера было бы первым шагом индийского доминиона». Таможенный барьер нужен индийскому промышленному капиталу для борьбы с японской конкуренцией на текстильном рынке. Пусть Ганди, кроме того, помнит, что в Индии вложено, примерно, 800 миллионов фунтов стерлингов британского капитала, из которых 400 миллионов помещены в правительственные и железнодорожные займы.

[1]) «К вопросу об общенациональной революции», т. XI, стр. 205.

«Бесспорно, что Индия предпочла бы, чтобы эти помещения были сделаны ее собственным народом. Но факт остается фактом, индийские предприятия финансируются и направляются при содействии нашей страны» [1]).

Мы видим, что с Ганди ведут разговор не о правилах нравственного самосовершенствования и не о принципах юроднически-барского толстовства, а о таможенных ставках и процентах на капитал.

Но «общенациональный» фантом гандизма раскусили и с другой стороны. На рабоче-крестьянском митинге в Пенжабе выступал простой крестьянин.

«В течение 44 лет существования конгресса,—сказал он,—только однажды рабочие и крестьяне приняли участие в национальной борьбе. Специальной причиной участия крестьян было движение в пользу неплатежа налогов, прекрасно понятое крестьянами-бедняками. Крестьянство отказалось платить налоги. Но когда капиталистические лидеры увидели, что движение стало опасным для их интересов и *крестьяне отказались платить не только налоги правительству, но и землевладельцам*, они бросились останавливать его. Массовое движение 1920—21 гг. было разбито не правительством, но Ганди и его сторонниками» [2]).

Антиимпериалистическая, колониальная революция, по необходимости, должна быть *аграрно-крестьянской революцией*, ибо империализм опирается на феодальное землевладение и ростовщичество в деревне как на свою лучшую опору, крестьянство же составляет основную массу трудящихся в отсталой стране, на его плечах держится колониальная экономика. Местная национальная буржуазия не может быть сторонницей крестьянской революции. Она связана с феодальным землевладением и торгово-ростовщическим капиталом. Ганди не против насилия вообще, он — как адвокат национального капитализма — *против крестьянского насилия*. Твердое убеждение в этом уже завоевано передовыми представителями революционных классов.

Но в процессе революционного развития завоевано и другое еще более важное, хотя и неразрывно связанное с этим:

«Историческая *задача руководства* широкими массами Индии в борьбе за полную независимость *падает на плечи индийского рабочего класса*».

Эти слова, произнесенные Сухасини Намбьяр на конференции революционной молодежи — не случайно оброненная фраза. На всеиндийском конгрессе трэд-юнионов была указана роль пролетариата в деле развертывания революционной борьбы:

«То, чего не удалось достичь индийскому национальному конгрессу в течение последних 42 лет, несмотря на молниеносно-быстрое распространение движения в пользу ненасильственного отказа от сотрудничества, то легко может быть достигнуто в результате *всеобщей стачки* на транспорте, железных дорогах, в доках, в шахтах, на фабриках и в других отраслях промышленности» [3]).

Полтораста тысяч бомбейских стачечников своей героической борьбой— почти в течение целого полугодия—показали массам пролетарский метод борьбы, *пролетарский путь* развития революционного движения.

Столкновения классов из-за способа осуществления «общих» задач в Индии не только разгораются, но чем дальше, тем больше и определенней превращают национальную буржуазию в *контрреволюционную силу*, в союзника и помощника империализма. *Участие пролетариата в антиимпериалистической борьбе переросло в его борьбу за свою революционную гегемонию. Участие буржуазии в антисоветском массовом движе-*

[1]) 25 января 1930 г.
[2]) Перевод из газеты «Земиндар».
[3]) Liberty, 1-XII 1929 г.

нии точно также переросло в борьбу ее за свою контрреволюционную гегемонию во имя упрочения своего экономического положения и получения кое-каких лакейских привилегий путем сделки с империализмом.

Индийская буржуазия говорит себе: нам дадут, если мы возьмем у них, если мы подрубим корни революционного движения, которое своим размахом грозит не только империалистическому господству, но и процветанию национального капитализма, питаемого также и господством феодального землевладения и ростовщичества и забитостью масс.

Капитал, индийский «национальный» капитал, кидает труду обвинение в «национальной измене».

«Вместо того, чтобы стоять в борьбе против чужеземной конкуренции плечом к плечу с людьми опыта и энергии, в прошлом неоднократно выручавшими во время тяжелых промышленных кризисов, труд настолько близорук, что вверяет свои судьбы людям, не являющимися трэд-юнионистами в истинном значении слова, но влюбленным в доктрины, исходящие от коммунистической России и жаждущим разрушения промышленности и социального механизма во имя пришествия новой эры для рабочих всего мира» [1].

Так возмущается орган индийского капитала, выходящий под многообещающим названием «Капитал».

Буржуазия хотела бы, чтобы рабочие были только пьедесталом для нее. Однако из этого ничего не выходит.

Нарисованная нами картина была бы неполна, если бы мы не упомянули о людях из проплеванного II Интернационала. Индией правит сейчас социал-фашистское правительство Макдональда. Не так давно оно пыталось разыграть комедию с «дарованием» Индии конституции доминиона. Вся комедия была задумана, чтобы помочь буржуазному национализму развязаться с обещанием начать с 1930 года пассивное сопротивление властям. Комедия не удалась, так как массовое движение опередило, и английский империализм вынужден был оскалить зубы, чтобы показать, что он не обманывается насчет возможности компромисса с революцией, а не с Ганди, оставленным позади. Пришлось спрятать пряник и остаться лишь с одной плеткой в руках.

Старый, блудливый глашатай «либеральной рабочей политики», а ныне густопсового социал-фашизма, «Sozialistische Monatshefte» признается, что «политическое развитие в Индии идет так быстро, что радикалы вчерашнего дня оказываются умеренными сегодня, а сегодняшние радикалы станут умеренными завтра» [2].

Это совершенно правильно. Революционное развитие движется по восходящей линии, в точном марксистском смысле.

«Во время первой французской революции за господством конституционалистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более прогрессивную. Каждая из этих партий, доведя революцию до того пункта, за которым она уже не в состоянии итти с ней в ногу и уже отнюдь не в состоянии вести ее за собой, устранялась и отправлялась на гильотину более смелым союзником, стоявшим за ней. Революция движется, таким образом, по восходящей линии» [3].

В Индии размежевание классовых сил и их историческое самоопределение происходит еще на той стадии, когда в распоряжении подспудно-растущей революции нет ни классической гильотины, ни вообще возможности межеваться при посредстве критики оружия. Однако, промышленно-капитали-

[1]) Приложение к журналу от 19 декабря 1929 г.
[2]) Январь, 1930 г.
[3]) К. Маркс и Фр. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 162—163.

стическая «национальная» Жиронда ютится уже в близком соседстве с феодально-помещичьей контрреволюцией, а пролетарская Гора уже стоит на революционном посту, у станков — в Бомбее, Калькутте и Джамшедпуре, — готовя свой девяносто третий год в большевистском издании.

Ленин был прав:

«Теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и к борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай),—т.-е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обусловливали до сих пор застой и гниение во многих передовых государствах Европы— каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов, все больше и больше подтверждает марксизм» [1]).

Движение миллионных масс в Индии развивается по ленинскому пути. Его могут ждать еще впереди частичные поражения и неуспехи. Но уже в нынешнем своем состоянии оно обогнало все классические образцы буржуазных революций, и смело черпает опыт революций XX века. Между трудом и капиталом Индии легли тени Кантонской коммуны и китайской буржуазно-помещичьей контрреволюции.

В своем эмбриональном состоянии индийская революция обнаруживает большую зрелость, чем китайская революция 1925—1927 годов.

2. Национальный капитализм на колониальном пайке.

Аграрно-крестьянская основа колониальной революции естественно и неизбежно выходит непосредственно наружу в современных условиях. Империализм втягивает колонии в мировое капиталистическое разделение труда, стремясь упрочить и усилить свое монопольное положение в той или иной отрасли мирового хозяйства. Поэтому он вовлекает их в международный рыночный оборот как поставщиков всякого рода сырья, — технического сырья и экзотических продуктов по преимуществу. Переход к торговому земледелию, внедрение рыночного разделения труда в сельское хозяйство, играющее главную роль, происходят с такой же необходимостью, как в старых капиталистических странах, но эти процессы в колониальном мире происходят своеобразно. Традиционную систему патриархально-феодальной, феодально-помещичьей и ростовщической эксплоатации империализм приспособляет к своим надобностям. Империализм выказывает интерес к увековечению докапиталистической ренты и ростовщических процентов по той простой причине, что таким путем он может получить более дешевое сырье.

Певец британского империализма в Индии Редьярд Киплинг неплохо определил положение индийского крестьянина:

His life is a long-drawn question
Between a crop and crop.
(Вся жизнь его — мучительный вопрос
Меж двух урожаев).

В Деккане чистый доход с акра земли в среднем равен 14 рупиям 8 анна, а средняя сумма долга на акр исчисляется в 13 рупий [2]).

«Если вы немного заинтересуетесь экономическими условиями в деревне, — говорил Рам Кишан на первой всеиндийской конференции молодежи Науджаван Бхарат Сабха, — то вы увидите, что безземельный крестьянин получает только одну восьмую продукции, добываемой им своим трудом [3]).

[1]) Т. XX, ч. 2, стр. 497.
[2]) Problems of rural India by N. N. Gangulee. Calcutta. 1928, p. 4.
[3]) Adress of Ram Kishan.

На плечах безземельного крестьянина — несколько этажей эксплоататоров и паразитов, так как земля не только сдается в аренду, но широко распространена и субаренда разных степеней. Индийскому крестьянину буквально не продохнуть от феодального навоза. «В Бихаре продуктовая рента является более преобладающей, чем в других местах, так как земиндары вносят свою долю в постройку и поддержание частных ирригационных каналов и плотин» [1]). Распоряжение водой дает в руки империализма и помещиков дополнительное средство грабежа крестьян.

Конечно, там, где империализм находит для себя более выгодным прямой грабеж без посредников и где это соответствует условиям рынка, он устраивает чайные, табачные и другие плантации.

В феодальной и ростовщической эксплоатации крестьянства имеет свою долю и национальный промышленный капитал. Ведь текстильные фабрики питаются мужицким хлопком. Обследованиями индийского центрального хлопкового комитета официально установлено, что:

> «в среднем около 70% земледельцев в каждом районе нуждаются в займах,—процент заемщиков—самый высокий в Синде, где земледельцы в самом безнадежном состоянии задолженности, и наиболее низкий в Пенжабе. Саукары (ростовщики)—наиболее значительная часть кредиторов земледельца, 65% на долю заминдаров или землевладельцев приходится 15%, на долю кооперативов [2]) — 13%» [3]).

Торговые культуры теснят продовольственные, которые не могут выдержать соперничества на мировом рынке трактора и комбайна. «Средняя урожайность по всей Индии с акра равна, приблизительно, 11 бушелям, тогда как Англия дает 30, Франция—33, Дания—41» [4]). Не зная куда сбыть рис из Бурмы, Индия в то же время все больше и больше начинает ввозить хлеб и рис для собственного прокормления. Индийское земледелие деградирует и это бьет также и по техническим, торгово-сырьевым культурам. Неравномерность капиталистического развития здесь ведет к хозяйственному вырождению и гниению.

В нашу задачу не входит освещение аграрного вопроса в Индии. Мы стремимся лишь охарактеризовать специфически-антагонистический колониальный характер аграрной эволюции в Индии.

Социал-демократические Савлы в коммунистической среде, выступившие с теорией деколонизации, забыли о такой азбучной марксистской истине, что нельзя анализировать тенденции промышленного развития, изолируя его от его аграрной основы, что нельзя декларировать деколонизацию, не поинтересовавшись проблемой внутреннего рынка. Мало того, что их ссылка на стимулирование промышленного развития колоний, благодаря вывозу капитала, была ложной: они не подвергли анализу строение этого вывоза, скрыли его кабально-ростовщический, монополистско-однобокий уклон. Они оторвали промышленную эволюцию от аграрной эволюции и эта методологическая исходная позиция была «научной» предпосылкой их политического ренегатства—отказа от пролетарского руководства крестьянской революцией в колониальном мире.

Для правильного определения исторического места национальной буржуазии в том переходе от феодализма к капитализму, который совершается под хлыстом империализма, под его высоким экономическим давлением и бесцеремонным внеэкономическим воздействием, надо уметь связать судьбы города и деревни в процессе этого перехода.

---

[1]) R. K. Mukerjee. The reform of Indian Land tenure «Indian Journal of Economics», January 1929.
[2]) Кулацких, разумеется.—Г. С.
[3]) «The Indian Textile Journal», October 1929.
[4]) Cangulee, p. 3.

Нами уже было отмечено, что гордость национального капитализма — текстильные фабрики—кормятся хлопком, хранящим на себе следы феодальной выжимки и ростовщической кабалы. Также обстоит дело и с джутом.

Обратимся теперь к структуре фабрично-заводской промышленности в Индии.

Из 1.592.000 рабочих, занятых в 1927 г., работало:

На бумажных фабриках	5.000
» мельницах	6.000
По обработке кожи и в обувной промышленности	6.000
В каретном производстве и на ремонте моторов	6.000
» табачной промышленности	7.000
» белильно-красильной и в выработке индиго	8.000
» канатном производстве	9.000
» горшечном, стекольном и цементном	10.000
По очистке керосина	10.000
На шерстяных фабриках	10.000
В производстве кирпича и черепицы	13.000
На нефтеперегонке	13.000
По производству растительного масла	14.000
На сахарных заводах	14.000
В спичечном производстве	16.000
На лесопильнях	19.000
В военной промышленности	24.000
» доках, судостроении и машиностроении	32.000
На джутовых прессовальнях	35 000
В печатно-переплетном производстве	38.000
На чаеразвесочных предприятиях	63.000
По переработке риса	69.000
В машиностроительной промышленности	103.000
На железных дорогах и трамваях	157.000
» хлопкоочистительных заводах	183.000
» джутовых фабриках	334.000
» хлопчато-бумажных (прядильных, ткацких и т. д. фабриках)	386.000
Всего	1.592.000 [1])

Колониальный характер фабрично-заводской промышленности бросается в глаза. Ее основная установка—на переработку сырья. Хлопку и джуту принадлежит неоспоримая гегемония. Согласно данным 1921 года, в угольной промышленности была занята 181 тысяча рабочих. Но то же приложение к «Капиталу», где приведена статистика рабочего состава фабрично-заводской промышленности, сообщает, что «как и всюду, угольная промышленность в Индии серьезно и глубоко страдает от перепроизводства, недостаточного потребления (угля) и возросшей цены на труд(!)... В 1928 г. в Бихаре и Ориссе закрылись 69 шахт из 389». Что касается другого устоя промышленного развития, то «железоделательная и стальная промышленность в Индии находятся еще в детском возрасте» [2]). На этих предприятиях в 1921 г. было занято 39.000 рабочих, на чугунолитейных заводах—18.000. Заводы Тата, единственная опора индийского национального капитализма в этой области, не так давно очутились в английском владении. Империализм крепко держит в своих лапах командные высоты и не допускает индийский капитал к тяжелой индустрии в мало-мальски решающей степени. Да и как может развиться тяжелая индустрия, когда общий уровень промышленного развития, а значит и спроса на производство средств производства, соответствует застойно-колониальному характеру развития внутреннего рынка. Индийский промышленный капитал может претендовать лишь на очень условную «ситцевую» самостоятельность, но отнюдь не на независимость

---

[1]) Capital. Indian Industries, Trade and Transport Supplement, 19.XII.1929.
[2]) Там же.

в области производства средств производства. «Свадеши» для него предел, «его же не прейдеши». Правда, фабричное «свадеши» нарушает интересы Ланкашира, но и его успехам поставлены твердые границы. Весь аппарат колониального господства—от искусственного регулирования курса рупии (она дорога для индийцев и дешева за пределами Индии!), вплоть до особых прав и привилегий, так называемых туземных государств,—регулирует промышленно-экономическое развитие Индии применительно к колониальным нормам. Текстильная промышленность Индии развилась, так же, как развился и ее центр, Бомбей, благодаря «счастливым» превратностям мировой империалистической войны, когда иностранная конкуренция (за вычетом Японии) ушла с колониальных рынков. Она «выскочила» на свет в своем современном виде благодаря противоречиям неравномерного развития капитализма в самом буквальном смысле. Эти противоречия — во времени и пространстве, — родили ее расцвет. Но сами эти противоречия— порождение монополистического капитализма. Этого никоим образом не следует забывать. Разбирая значение трех важнейших торговых и промышленных центров Индии, — Бомбея, Калькутты и Мадраса, Вера Энсти пишет:

«Бомбей—средоточие рыночных продуктов, идущих из Западной Индии в частности, хлопка-сырца из Деккана, Пенжаба и отчасти Центральной Индии, и рынок сбыта произведений крупной хлопчатобумажной промышленности бомбейского президентства. К тому же через него экспортируются большие массы жмыхов, шерсти и шерстяных изделий, шкур и кож, марганцевой руды и зерновых хлебов. Благодаря своей превосходной ширококолейной железнодорожной связи с Пенжабом, он притягивает продукты, которые с географической точки зрения могли бы вывозиться через Карачи. Это ближайший значительный порт для сообщений с Суэцким каналом, и, потому, он принимает основную массу импортируемых в Индию европейских фабричных изделий. Он—также наиболее удобный порт для судов, идущих с мыса Доброй Надежды... В качестве военной базы для Месопотамии и Восточной Африки, сравнительное значение порта возросло во время войны[1]. И есть все основания думать, что так останется и навсегда. Калькутта, с другой стороны, потеряла от войны и серьезно пострадала от недостатка тоннажа и ограниченной торговли. В нормальное время, во всяком случае, она представляет выход для наиболее плодородных округов всей Индии, для продукции всех районов, расположенных по течению Ганга. Поэтому, это—главный порт для экспорта джута и джутовых изделий и чая из Ассама. Сюда же прибывает уголь и железо из Бихара и Бенгала, и отсюда вывозятся продовольствие, рис, пшеница, жмыхи, шкуры и кожи, лак, опиум и марганец. Вдобавок, это—главный порт для переотправки риса из Бурмы. Мадрас теряет значение, главным образом, вследствие того, что он не служит поставщиком специальных продуктов для мирового рынка»[2].

Мировой рынок районирует промышленников и сельскохозяйственное развитие Индии, но это районирование осуществляется при помощи империалистического господства, на основе растущего антагонизма. Между этим господством и интересами развития производительных сил. Крестьянская масса попадает во все более тяжелую и прямую зависимость от рынка, от рыночной кон'юнктуры, но, в то же время, она лишена элементарной свободы передвижения, она,—как в «классические» феодальные времена и даже много хуже!— прикреплена к истощенным участкам земли, к нищенскому инвентарю. Ей не уйти от уплаты налога англичанам, от уплаты аренды помещику и его многочисленным перевоплощениям, от уплаты процентов ростовщику. Ей некуда уйти, так как местная промышленность поглощает ровно столько рабочей силы, сколько это необходимо для соблюдения империалистического «равновесия» между промышленностью и сельским хозяйством. Контрактовый труд

[1]) Он поставлял продовольствие и снабжал армии, что «выращивало» спекулятивные сверхприбыли, поглощенные потом отчасти в текстильной индустрии.

[2]) Vera Anstey. The Economic Development of India. 1929, pp. 150—151.

на малайских островах, на чайных плантациях на Цейлоне и т. д. не нарушает общей «гармонии» эксплоататорских отношений, но дополняет ее. С одной стороны, увеличивающаяся зависимость крестьянина от рынка требует полной свободы от империалистических и крепостнических пут, ибо рынок при плохой кон'юнктуре никого не кормит и не обеспечивает. С другой стороны, использование империализмом, помещиками и торгово-ростовщическим капиталом этой растущей зависимости крестьянина от рынка подрывает развитие производительных сил, обрекает крестьянина расплачиваться голодовками и деградацией сельского хозяйства за неравномерность рыночных запросов. Крестьянин должен нести двойной гнет наемного и докапиталистического рабства, не пользуясь даже выгодами капиталистического развития. Само собою разумеется, что и в этих условиях по мере внедрения торгового земледелия происходит, во все большем масштабе, классовое расслоение крестьянства. Но оно переплетается с докапиталистическими отношениями и, отчасти, маскируется ими.

Мировой рынок приспособляет колониальное хозяйство и хозяйственное развитие к своим нуждам на базе империализма. Это обстоятельство накладывает свой отпечаток и на развитие промышленности. Горюя о судьбах индийской текстильной промышленности, «Индийский текстильный журнал» недавно следующим образом резонерствовал о ее прошлом и будущем:

«Хорошо известно, что вскоре после возникновения промышленности в Бомбее, мы имели прекрасный рынок для сбыта пряжи в Китае, и довольно долгое время, фактически до начала войны, Китай был важным для нас покупателем. Это, к несчастью, переменилось и за последнее десятилетие мы постепенно потеряли китайский рынок и, в настоящее время можно сказать, что мы ничего туда не вывозим. Конечно, Ланкашир и Япония тоже много потеряли в области торговли с Китаем. Недавно, движение в пользу бойкота японских товаров, начатое китайскими националистами, до известной степени оказало помощь Ланкаширу, но надежды, вызванные бойкотом, быстро померкли. Что же касается Индии, то у ней мало надежды на обратное завоевание китайского рынка»[1].

Таким образом, мы воочию убеждаемся, как мировая система империалистического разделения труда сталкивает лбами зачатки национально-капиталистического промышленного развития в колониях и полуколониях, благодаря слабости их внутреннего рынка. Но этим дело не ограничивается. С Бомбеем конкурирует не на жизнь, а на смерть на индийском внутреннем рынке Япония, которая держит своих ткачих на колониальном пайке, выплачивая им 20 иен в месяц. Ввоз хлопчатобумажных тканей в Индию из Японии удвоился в течение одного только последнего года.

Январь—август 1928 г.—176.650.840 ярдов.

Январь—август 1929 г.—334.595.433 ярда[2].

Бомбею приходится отбивать не одну фронтальную атаку японского капитализма, не говоря уже о Ланкашире. Ему приходится отбивать и нападение с тылу. Об этом рассказывает следующая таблица.

Производство тканей (в ярдах) за апрель—май (2 месяца).

Районы	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Бомбей	309.773 359	178.930.026	246.889.012
Мадрас	10.538.992	10.264.626	9.308.580
Бенгал	5.415.518	5.628.972	9.559.623
Соединенные провинции	13.952.634	14.920 142	17.318.719
Аджмер Мервара	2.063.008	1.883.908	2.360.885
Пенжаб	1.000.722	543.710	736.440
Дели	4.617.370	6.366.748	8.764.273
Центральные провинции и Берар	10.645.737	10.[illegible]09.784	13.311 830
Индийские государства	33.093.292	37.591.737	47.754.016

[1]) Октябрь, 1929 г.

[2]) Capital, Supplement, 19.XII.1929.

Приведя эту таблицу, «Индийский текстильный журнал» добавляет:

«Даже, если предположить Бомбей в нормальном состоянии, если предположить, что рабочие беспорядки кончились, что производство идет нормально, то все же остается неоспоримым факт, что у него есть противники почти в каждой провинции Индии и, что, составляя программу на будущее, Бомбей должен серьезно считаться с этим» [1]).

Значительный рост текстильного производства в туземных государствах указывает на бегство капитала из центров классовой борьбы под защиту средневековых порядков. Соперничество текстильной промышленности внутренних провинций выросло, несомненно, благодаря временной остановке бомбейских фабрик вследствие забастовок. Тем не менее, было бы ошибкой видеть причину его только в этом. Распространение хлопковых посевов создало предпосылки для возникновения текстильных мануфактур в тылу у Бомбея, а обострившаяся конкуренция заставила подтянуть переработку хлопка к местонахождению сырья. Это, как-будто, стоит в противоречии с тем, что Япония имеет возможность вывозить индийский хлопок-сырец, перерабатывать его у себя и снова ввозить его в Индию в виде готовых тканей. Но тут следует помнить, что производительность труда на японских фабриках более высокая. Об'ясняется это тем, что феодальная кабала бросает свою тень и на капиталистическую фабрику. Индийский капитал обогащается за счет варварской эксплоатации рабочей силы.

«Доктор Найр в 1908 г. отметил, что если ланкаширский рабочий равен по своей производительности 2,67 мадрасского рабочего, то он получает ежемесячно около 60 рупий (4 фунтов), тогда, как мадрасский—только 15 рупий (1 фунт), — за ту же самую сумму индийский фабрикант получает, приблизительно, вдвое больше, чем английский» [2]).

Индийский рабочий получает меньше, чем это нужно для минимального воспроизводства рабочей силы. На этом сходятся выводы самых разнообразных исследований. Чтобы держать рабочего на таком уровне, капитал «мирится» с тем, что для очень многих рабочих в Индии фабричный труд является «отхожим промыслом», подсобным для сельского хозяйства. Вернее, капитал в Индии использует это положение. «Вообще говоря, около 10 процентов рабочей силы во всех отраслях всегда отсутствует, а не менее 30% уходит на уборку урожая» [3]). Иногда связь с сельским хозяйством бывает самой прямой и очевидной.

«В районе Ренигандж,—описывает Энсти,—шахтеры—местные крестьяне, живущие на расстоянии 10—12 миль. Они уходят на шахты на три—четыре дня в неделю, работают с максимальным напряжением, как только могут, и на остальную часть недели возвращаются домой» [4]).

Индийскому капиталу не приходится жаловаться на низкую производительность труда, когда и до сих пор, даже в Бомбее, рабочий не получает 25 рупий в месяц, несмотря на дороговизну, искусственно вздуваемую высоким внутренним курсом рупии. В стенах фабричных предприятий индийский рабочий подавлен полукрепостническим гнетом. Он зависит от подрядчика, нанимающего партиями рабочих, от мастера, который часто бывает и подрядчиком, от ростовщика, который забирает у него не малую часть заработка в уплату за проценты. В комиссии Уитли рабочие Каунпура жаловались, что их не выпускают за ворота фабрики даже в обеденный перерыв, чтобы поесть или выпить чистой воды, которой нет на предприятии.

[1]) Октябрь, 1929 г.
[2]) Pillai. Economic Conditions in India. 1925, p. 239.
[3]) Ibid., p. 238.
[4]) Anstey, p. 123.

Одной из важнейших причин взрыва забастовочной волны были рационализаторские попытки бомбейских фабрикантов. Рационализация проводилась и проводится в порядке борьбы с иностранной конкуренцией. Количество рабочих на бомбейских фабриках, в результате ее, несмотря на сопротивление рабочих, сократилась минимум на 10 тысяч. Заслуживает внимания заявление бомбейской купеческой палаты комиссии Уитли.

«Сокращение рабочего дня [1]), — говорится там, — было бы возможно только в том случае, если бы можно было сократить зарплату, или, если бы произошло резкое увеличение производительного труда рабочих. Сокращение зарплаты — не практическое предложение, и, следовательно, единственный выход остается в увеличении производительности. Другое соображение безусловно должно быть упомянуто: тогда как передовые промышленные державы пользуются благами таможенной политики, охраняющей их национальную индустрию и защищающей, таким образом (!) интересы и предпринимателей, и рабочих, Индия, в настоящее время, не может позволить себе роскоши сокращенного рабочего дня, так как этого не позволяет достигнутая ступень развития промышленности, кроме того она не охранена соответствующими таможенными пошлинами, — ей дана лишь слабая защита в виде ввозных пошлин, исчисляемых со стоимости товаров, и ей оказывается лишь разжиженное, ограниченное покровительство» [2]).

Мы видим, следовательно, что индийский капитал понимает национальную автономию, именно в том смысле, в каком ее «приемлет» на будущее британский империализм, который об'единяет в единой формуле «прав доминиона» и отрицательное отношение Ганди к свержению империалистического господства и приманку в виде обещания «взять на себя» таможенную «защиту» индийской национальной промышленности [3]).

Национальный капитал рационализирует промышленность на колониальном пайке в пределах колониальных норм в области цен на сырье и рабочую силу. Он хочет подтянуть производительность индийского ткача до уровня Ланкашира, сохраняя его нищенский заработок в 20 — 25 рупий. Заранее готовый к сопротивлению рабочих, уже показавших, что они не хотят так дальше жить, капитал старается разжижить рабочие кадры, включив в их состав в максимальном количестве менее боеспособных женщин и подростков. В том же заявлении купеческой палаты мы читаем:

«Что касается употребления женского труда, то наша корпорация предпочла бы увеличение численности женского состава, так как (!) в противном случае семейный бюджет рабочего получил бы чувствительный удар» [4]).

Проницательный взор индийского национального капитала все глубже и глубже проникает... в карман рабочего!

Показательно, что молодой Неру на конгрессе трэд-юнионов, противопоставив бомбейской стачке, не пользовавшейся «общенациональной» поддержкой, стачку в Гольмури, получившую поддержку даже Национального конгресса, не обмолвился ни словом по поводу самой гнусной (полицейской и штрейкбрехерской) травли националистами героической бомбейской стачки.

Развивающийся мировой экономический кризис неизбежно ведет к усилению политического и экономического нажима на Индию со стороны английского

[1]) Ниже установленных формально 10 часов. Работают, в действительности гораздо больше.
[2]) Bombey Chronicle, 3/XII-1929 г.
[3]) См. «Стэтист» выше.
[4]) Там же.

империализма. Конечно, это не исключает того, что в рамках общего наступления империализм будет лавировать и маневрировать, чтобы разбить вздымающийся революционный поток на обессиленные ручейки. Так, в районе Ахмедабада англичане снизили земельный налог и «занимаются» вопросом об его отмене. Образ крестьянской революции уже вышел на поверхность. Солдаты — сикхи, не получившие с 1918 г. обещанной земли, — грозный предвестник восстания миллионов. Но в общем и целом империализм будет стремиться переложить последствия кризиса на индийскую рупию, на индийские чай, хлопок, джут и т. д. Какова будет роль индийского национального капитала при этом? На этот вопрос не может быть двух ответов. Он будет стремиться рационализировать свое «рабочее место» в системе империалистического «разделения труда». Он будет добиваться этого за счет рабочего класса и крестьянства, за счет революционных классов, борьба которых с помещиком, ростовщиком, капиталистом и империализмом — становится, в условиях экономического кризиса, совершенно «невыносимой» для него.

1929 год был годом затяжной депрессии, которая на наших глазах переходит в кризис, в кризис, развертывающийся в обстановке революционного под'ема. Это — решающее обстоятельство. В Индии экономический и сельскохозяйственный кризис неминуемо превращается в кризис колониального режима и аграрно-феодального строя. Уже это одно должно противопоставить национальную буржуазию, тесно спаянную с помещичьим землевладением и торгово-ростовщическим капиталом, единому фронту пролетариата и крестьянства. С другой стороны размах революционного антиимпериалистического движения и классовой борьбы пролетариата еще больше обостряет этот антагонизм и делает его господствующим фактом политической жизни.

3. Борьба за пролетарскую гегемонию—борьба за революцию.

В цифрах роста стачечного движения Индии слышится музыка исторических битв большевизма. Это можно сказать без всякого преувеличения. Вот поучительная таблица:

Промышленные конфликты в Индии:

	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Число стачек	400	273	215	133	134	128	129	203
Число стачечников . . .	535.000	435.000	282.000	312.000	270.000	186.000	131.000	506.851
Число потерянных дней	6.638.000	3.975.000	5.052.000	8.731.000	12.578.000	1.097.000	2.019.000	31.647.404

За 1928 г.:

	1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал
Число стачек	58	52	35	82
„ стачечников . . .	83.370	290.654	266.199	294 877
„ потерянных дней.	1.005.083	13.012.506	15.306.378	2.322.577

За 1929 г.

	1 квартал	2 квартал	3 квартал
Число стачек	45	47	38
„ стачечников	77.385	153.944	417.790
„ потерянных дней . . .	820.215	4.932.199	6.202.810

Эти цифры свидетельствуют о следующем:

1. Пролетариат — единственный класс, который ведет свою классовую борьбу, не прекращая ее ни на минуту. 2. Он выступает сплоченной массой, проявляя небывалое упорство и выдержку. 3. Стачечное движение растет в соответствии с революционным под'емом, оно подгоняет его, несет его на своих плечах. 4. Оно растет лавинообразно.

Пролетариат Индии уже родился как революционный класс, он завоевал это почетное историческое звание, прежде всего, своей стачечной борьбой, которая все больше и больше становится открыто политической.

Мы не можем отказать себе в удовольствии привести показания бомбейских текстильных фабрикантов в комиссии Уитли, которую, кстати сказать, бойкотируют их полпреды в антиимпериалистическом движении и совместно с которой они устраивают заговор против рабочих.

> Сэр Александр Муррей: «Как это удается коммунистам и политическим агитаторам подстрекать рабочих к промышленным конфликтам в Бомбее больше, чем где-либо в Индии?»
>
> Ответ: «Нужно делать различие между стачками до 1927 года и стачками последних двух лет. Прежде рабочие устраивали стачку по какому-нибудь осязательному поводу, в роде сокращения зарплаты, устранения премий и т. д. Положение резко изменилось за последние два года. Рабочие устраивают теперь стачки, даже не формулируя определенных претензий. Коммунизм выступил на авансцену и совершенно дезорганизовал рабочих».
>
> Сэр Александр Муррей: «Вы хотите сказать, что коммунисты стали между вами и вашими рабочими?».
>
> Ответ: «Именно так» [1].

Вместе с пролетарским движением, выдвинувшим из своих рядов и подсудимых мирутского процесса, и боевой союз текстильщиков «Гирни Камгар», выросло и широкое антиимпериалистическое движение широких мелкобуржуазных слоев города и, в первую очередь, движение студенческой молодежи. Оно выросло под влиянием пролетарской борьбы. Это буржуазно-демократическое движение, направленное против империализма. Студенческий корабль, колыхающийся на волнах революционного под'ема, еще не срезал якорей, приковывающих его к либерально-буржуазному дну. Молодой Неру уже теряет свою прежнюю популярность, но иллюзии сотрудничества с буржуазией еще не сокрушены, еще живут, хотя Ганди уже отнесен на кладбище в качестве слуги империализма. Колеблясь между революционным пролетариатом и контрреволюционной буржуазией, движение мелкобуржуазной молодежи, обнаружившее способность выводить на улицу сотни тысяч людей [2], ищет более прочной и твердой опоры в пролетариате. Однако, бойтесь данайцев, приносящих дары! Воодушевляемое самыми лучшими суб'ективными намерениями, это движение ищет смычки с пролетариатом, но не на почве классовой борьбы, а на почве его мелкобуржуазного обволакивания. На этот счет не приходится обманываться. Это—представители «народнического капитализма», если выразиться словами Владимира Ильича. При сближении с пролетариатом у них явственно преобладает тенденция занести пролетариат и крестьянство в один «социалистический» реестр. Рам Кишан на конференции молодежи призывал ее слиться с движением революционного класса,— «этим классом являются рабочие и крестьяне». Правда, Намбьяр, выступавшая на том же конгрессе в духе пролетарской классовой политики, подчеркнула, что «мелкая буржуазия, состоящая из крестьян в деревнях и

[1]) Bombey Chronicle, 29/XI-29 г.

[2]) Полумиллионная демонстрация в Калькутте на похоронах молодого революционера Джатиндраната Дасса, умершего от голодовки в тюрьме.

мелких ремесленников в городах, является историческим и экономическим союзником рабочего класса»[1]). Но нельзя игнорировать, какую важнейшую политическую роль играет сейчас связь и взаимодействие рабочего и студенческого движения, и как это взаимодействие принижает революционную гегемонию пролетариата, поскольку представители пролетариата не формулируют до конца своей классовой позиции. Примером может служить речь Руикара на конгрессе трэд-юнионов. Выставив лозунг всеобщей стачки, он нестерпимо раболепно расшаркивался перед Пандитом Джавахарлал Неру и призывал реформистских лидеров трэд-юнионов догонять движение, чтобы «держать союз с молодыми лидерами левого крыла». Более серьезный симптом, это — запоздание с окончательным оформлением коммунистической партии Индии. Политически партия уже есть, пролетариат Индии засвидетельствовал перед всем миром, что он на стороне коммунистов. Однако, даже у действительно левых представителей рабочего движения нет еще надлежащей ясности позиции в вопросе о роли коммунистической партии. Больше того, еще окончательно не брошены попытки организации пестрых и разношерстных «рабоче-крестьянских партий», уже неоднократно становившихся случайным и беспомощным представительством мелкобуржуазных попутчиков. Без партии пролетариат не может осуществить своей миссии гегемона. Именно быстрое приближение Индии к непосредственно-революционной ситуации ставит этот вопрос со всей остротой. Маневр буржуазных националистов на всеиндийском конгрессе трэд-юнионов, с поддержкой Гирни Камгар и бойкота комиссии Уитли против прямых приказчиков английского империализма, убеждает в серьезности положения. Националистическая буржуазия действует через свое «левое» крыло, Боза и К°, чтобы путем «сотрудничества» этого «левого» крыла с пролетарскими организациями обессилить последние, и, прежде всего, лишить инициативы. В момент подготовки всеобщей стачки, которая об'ективным ходом вещей будет переведена в гражданскую войну, боевая инициатива имеет первостепеннейшее значение. Намбьяр на конференции молодежи прекрасно охарактеризовала положение, сказав, что «цель империализма в настоящий момент — изолировать рабочий класс и раздавить его раньше, чем масса индийского крестьянства, тяжелая на под'ем, выступит как политическая сила»[2]). Молодой Неру, Боз и К° добиваются этого же, стараясь разложить движение путем маневров, путем внешнего и показного сближения с ним. Они хотят помешать низам мелкобуржуазного движения сблизиться с пролетариатом помимо их предательского посредничества на почве пролетарской гегемонии в революционной борьбе, на почве пролетарского «разжигания» крестьянской революции.

Борьба пролетариата с буржуазией за политическую гегемонию развилась в значительной степени стихийно из борьбы индийского труда с индийским «национальным» капиталом из-за рабских условий труда, капиталистической рационализации и т. д.

Вопреки ее об'ективно-историческому решающему значению, аграрно-крестьянская подоплека колониальной революции в Индии все еще остается в тени, на заднем плане, хотя тот же митинг-конференция 25 тысяч крестьян в Пенжабе властно напоминает о революционной действительности. Между тем, необходимое политическое размежевание с буржуазией и ее агентурой может и должно быть проведено до конца только путем размежевания на почве отношения к крестьянской революции. Как раз здесь должна проявиться революционно-организаторская роль

[1]) Presidential Address.
[2]) Там же.

пролетариата в качестве застрельщика, толкача и вождя поднимающегося революционного крестьянского движения. Как раз такое размежевание изолирует либерально-буржуазную агентуру в рядах студенческой буржуазной демократии и подтолкнет эту последнюю к подчинению пролетарскому руководству в революционной борьбе против империализма и его феодальных и торгово-ростовщических устоев.

Как будто для сегодняшнего дня в Индии писаны тов. Лениным эти блестящие строки:

«При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками, самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков. Поскольку народники мечтают, что равенство может держаться на основе товарного производства, что это равенство может быть элементом развития к социализму, — постольку их воззрения ошибочны, их социализм реакционен. Это должен знать и помнить всякий марксист. Но марксист изменил бы своему делу исторического рассмотрения особых задач буржуазно-демократической революции, если бы он забыл, что эта же самая идея равенства и всевозможные планы уравнительности являются самым полным выражением задач не социалистической, а буржуазной революции, задач борьбы не с капитализмом, а с помещичьим и бюрократическим строем»[1]).

Эти строки прямо апеллируют к текущему моменту в Индии. Даже либеральная газета «Бомбей Кроникль» пространно рассуждает о «социальной революции» и, анализируя ход различных конференций в декабре, замечает, что «две резко-выделяющиеся черты характеризуют их, во-первых, настойчивое требование равных прав для всех, а не только милости для слабых, и, во-вторых, тенденция бить прямо по корням социального зла, а не по его многочисленным проявлениям»[2]).

Задача пролетариата, как передового революционного класса, — вскрыть мужицкую основу «демократических» настроений, придать твердость и закалку этим массовым настроениям, перевести их на язык массовой борьбы за генеральную чистку земли от помещиков и ростовщиков и от английского империализма. В Индии еще живучи чудовищные остатки кастового рабства, тысячи средневековых перегородок между людьми. В Индии и земля причудливо опутана вековыми наслоениям кабальных прав и привилегий. Лозунг национализации революционной властью земли (и воды) здесь призван сыграть поистине исключительную роль. Он должен стать знаменем крестьянской борьбы против уплаты аренды и налогов, борьбы против империализма, помещиков и ростовщиков, за их беспощадную экспроприацию. С другой стороны, раз'яснение реального исторического содержания этого лозунга должно очертить пределы сходства и различия между борьбой пролетариата и борьбой всего крестьянства. Это раз'яснение должно двинуть вперед классовое саморазвитие пролетариата. В обстановке тесного сплетения пролетарской и общекрестьянской борьбы, широкие слои рабочих первоначально революционизируются, так сказать, с крестьянского бока.

Формирование самостоятельной коммунистической партии прямо обусловлено достижением полной марксистской ясности в этом вопросе, — в смысле понимания ограниченности буржуазно-демократической революции и неизбежности ее перерастания в социалистическую. Эклектическая кани-

[1]) «Сила и слабость русской революции», 1907 г., т. XI, стр. 188.
[2]) 4 января 1930 г.

тель с «рабоче-крестьянскими партиями» в настоящих условиях была бы только услугой Неру.

Развитие нового революционного под'ема на базе борьбы за пролетарскую гегемонию приводит к выводу, что диктатура пролетариата и крестьянства в Индии может осуществиться лишь в советской форме. Как раз вследствие этого пропаганда идеи советов, как органов революционного восстания и диктатуры революционных классов, становится жгучей очередной задачей. Проблема власти в назревающей со стремительной быстротой индийской революции—уже не абстрактное предвидение будущего, а узловой вопрос стратегического плана революционной борьбы, подходящей к решающему этапу. Наблюдательски-равнодушное отношение к этой проблеме сейчас было бы равносильно игре в руку врага. Само собою разумеется, это не снимает необходимости самой упорной и развернутой борьбы за гегемонию революционных пролетарских методов. Напротив, к советам можно притти только через всеобщую стачку и гражданскую войну только разбив Ганди, Неру и К°.

Эти господа играют ва-банк. Они ложатся на рельсы, чтобы остановить локомотив революции. «Таймс» от 31 января т. г. помещает любопытную телеграмму из Бомбея от 30 января.

«В вышедшем сегодня в номере «Молодой Индии» господин Ганди заявляет, что если бы вице-король удовлетворил «весьма простые, но насущные нужды Индии», он бы не стал больше слушать (!) о гражданском неповиновении, и Национальный конгресс искренне принял бы участие в конференции при надлежащей свободе суждения и выставления требований на ней. «Простые требования» включают полное запрещение продажи спиртных напитков, снижение паритета рупии до 16 пенсов (сейчас—18 пенсов), сокращение земельного налога на 50 процентов, отмена налога на соль, снижение военных расходов для начала на 50%, сокращение жалованья высшим чиновникам, уничтожение политической охраны и проведение закона о береговой торговле (мера с целью передачи контроля над каботажным плаванием в руки индийцев)».

Только что, на Лагорском конгрессе, была—для успокоения масс—провалена конституция Неру. Конституция Ганди—настоящая «свиная конституция, это—контрреволюционная попытка не только предать, но и продать индийскую революцию и англичанам, и феодальным князьям, помещикам и ростовщикам.

Переход от частичных требований к борьбе за революционные требования, и в том числе за 7-часовой рабочий день, мобилизация масс вокруг них, вокруг подготовки всеобщей стачки, самовооружение революционных масс для отпора палачам империализма, проповедь сознательной подготовки к открытым схваткам, которые определят судьбу страны на десятилетия, это—злоба сегодняшнего дня в Индии. Пролетариат должен организоваться поголовно, охватить своими политическими и организационными очагами всю страну. Массы революционизируются не по дням, а по часам. Контрреволюционная роль «национальной» буржуазии и ее «левого» охвостья вскрывается также не по дням, а по часам.

Индийский пролетариат может сказать словами Шиллера:

Растет человек
Вместе с ростом его задач.

В Индии родился революционный класс-вождь, и он неудержимо растет с прогрессом революционой волны, с ростом контрреволюционого сопротивления буржуазии.

Г. Зиновьев.

Кое-что о связи внутренней политики с внешней.

Последние месяцы принесли с собой новую, давно уже небывалую волну антисоветской враждебности. Кампания против СССР с каждым днем принимает все более безобразные развязные формы. Нет той злостной выдумки, нет той отравленной клеветы, которая не пускалась бы в ход в «цивилизованных» Европе и Америке против СССР. Развитие мировой революции, не раз утверждал Ленин, неизбежно сопровождается появлением время от времени той или иной «контрреволюционной судороги». Такую судорогу приходится отмечать как раз теперь.

Наиболее характерной чертой нынешней антисоветской кампании является ее «международный» характер, ее одновременное нарастание в различных странах капитализма. Бешеный приступ контрреволюционный злобы у буржуазии всех стран принимает совершенно исключительную силу. Буржуазия одной страны как бы заражает буржуазию других стран. Ниже мы увидим, откуда взялась эта эпидемия.

Второй характернейшей чертой нынешней «судороги» мировой империалистской реакции является то, что рука об руку с империалистами против СССР особенно дружно и, можно сказать, с самозабвением, работает «мировая» контрреволюционная социал-демократия. Усилия социал-фашистов настолько переплетаются с усилиями империалистов, что иногда затрудняешься различить тот и другой лагерь. Теснейшее сотрудничество между современной социал-демократией и нынешней мировой контрреволюцией в целом ряде областей есть бесспорный факт. Но особенно тесным является это сотрудничество в деле травли нашего Советского Союза и подготовки войны против него, в деле контрреволюционной борьбы против Коминтерна. События развертываются быстро. Каждый день приносит новые сообщения о том или ином новом акте враждебности против СССР. Антисоветская кампания развивается планомерно. Совершенно ясно, что она руководится из одного центра или, по крайней мере,—шаги координируются.

Чем бы ни кончилась непосредственно кампания против нас, особенно нараставшая в последние недели, ясно, что мы стоим перед началом некоей новой полосы. Большевиков не запугает «международный» вой, поднятый капиталистами и поддержанный социал-фашистами — ибо большевики прекрасно знают, что вой этот вызван именно нашими успехами.

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком рокоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...

Эти слова Некрасова Ленин любил цитировать в тех случаях, когда враг, доведенный до неистового бешенства смелым наступлением рабочего класса, разражался особенно щедрыми ругательствами и угрозами по адресу

большевиков. Эти слова Ленин цитировал накануне Октябрьской революции в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?», когда неистовый враг грозил войной, истребительным кровопусканием, клял большевиков и доходил до виртуозного изобретательства в деле клеветы. Эти слова спокойно повторит наша партия и теперь, когда дело идет о том, «удержат ли большевики» новые громадные завоевания, которые сделаны ими в области индустриализации и коллективизации—удержат ли и разовьют ли до победоносного конца те завоевания, которые должны превратить и превратят «Россию нэповскую в Россию социалистическую», те великие завоевания, которые и вызывают приступ бешенства со стороны международного врага.

Но как бы там ни было, рабочему классу СССР и рабочему классу всего мира необходимо отдать себе ясный отчет в том, что мы переживаем теперь именно целую новую полосу особенно бешеной враждебности мировой реакции, нарастающей с каждым днем и могущей разразиться прямым нападением на СССР, оплот мировой революции и социализма. Необходимо приковать внимание трудящихся всего мира к событиям последнего времени, говорящим именно об этом.

* * *

«Война есть продолжение политики иными средствами», — сказал 100 лет тому назад Клаузевиц. Это изречение особенно популяризировал и прославил Ленин. «Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевицу»—писал Ленин в брошюре «Социализм и война» в 1915 г.—«марксисты,—продолжал он,—справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны».

Крайне интересно отметить, что в этом положении Клаузевица—казалось бы, совершенно бесспорном и выраженном совершенно об'ективно, абстрактно-теоретически, — Каутский увидел оружие, направленное против социал-демократии. В его последнем сочинении «Материалистическое понимание истории» Каутский пытается «поправить» Клаузевица: «Строго говоря, нельзя формулировать так, как это формулирует Клаузевиц в его книге о войне (кн. 1, гл. I, параграф 24). Клаузевиц говорит, что война есть продолжение политики другими средствами». Между тем, по мнению Каутского, надо было бы сказать: «есть только продолжение в н е ш н е й политики». «Иначе, — мотивирует Каутский, — пришлось бы гражданскую войну также причислить к войнам». Между тем, гражданская война есть-де особое явление, с особыми предпосылками, законами и целями. Это видно уже потому, как н а ч и н а ю т с я гражданские войны. Гражданская война вспыхивает, но она «никем не об'является и никто предварительно не решает, что гражданская война начнется». (К. Каутский, «Материалистич. понимание истории», т. II, стр. 66).

Эта запоздалая попытка Каутского «ревизовать» одно из коренных положений Клаузевица крайне характерна для современных теоретиков международного реформизма. Они пытаются «поправить» Клаузевица как раз в том пункте, в котором его особенно ценили и поддерживали Энгельс и Ленин. Между этой, на первый взгляд чисто академической попыткой престарелого Карла Каутского «поправить» Клаузевица и отнюдь не академической ролью современных практических вождей «мировой» социал-демократии в новом походе империалистов против СССР есть теснейшая связь. По Каутскому, выходит, что война есть не продолжение политики вообще, а лишь продолжение в н е ш н е й политики. Другими словами, Каутский хочет отстранить, элиминировать или, по крайней мере, затушевать, затенить вопрос о связи войны с политикой внутренней, хочет отделить китайской стеной внутреннюю политику от политики внешней. Война, видите ли, есть не продолжение политики вообще, политики в целом, а лишь продолжение «внешней» политики! Да разве внешняя политика сама не связана тысячами нитей с внутренней и—наоборот? Да разве новейшая история человечества не показала нам образцы прямого п р е в р а щ е н и я внешней войны в войну внутреннюю, империалистской войны в войну гражданскую? Да разве не видим мы как раз теперь воочию, как вопрос об уничтожении в СССР кулачества как класса (вопрос «внутренней» политики) «смыкается» с определенным фазисом «в н е ш н е й» политики империалистов в отношении СССР? Да разве не читали мы, например, заявлений политиков польской буржуазии, вдохновляемых англо-американскими империалистами, в которых говорилось: мы вызовем крестьянские (читай—кулацкие) восстания, например, на Украине и попытаемся затем превратить их во внешнюю войну против СССР.

Классовой правды в сочинениях генерала Клаузевица, написанных 100 лет тому назад, несравненно больше, чем в нынешних, якобы марксистских писаниях Каутского.

— «Война только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели».

— «Ни при каких условиях мы не должны мыслить войну, как н е ч т о с а м о с т о я т е л ь н о е, а как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей».

— «Война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов».

— «В политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ — в их зародыше».

— «Всякая эпоха имела свои собственные войны».

— «Война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не является, чем-то самостоятельным».

— «Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привнесением иных средств».

— «Война, как таковая, не может следовать своим собственным законам, а должна рассматриваться, как часть другого целого, и это целое — политика».

— «Конечно, политический элемент не проникает вглубь до всех мелочей войны: пикеты и патрули выставляются не по политическим соображениям; но тем решительнее влияние политического элемента при составлении плана всей войны, плана кампании и часто даже плана сражения».

— «Всякая война должна прежде всего рассматриваться по вероятности своего характера и по главным очертаниям, вытекающим из политических величин и отношений».

— «Война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить мерой политики... ведение войн в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч».

Все эти определения принадлежат Клаузевицу; они рассыпаны у него на протяжении трех томов его труда; каждое из них дышит диалектикой, каждое из них заслуживает такой же популяризации, как и основное определение Клаузевица: война есть продолжение политики только другими (именно: насильственными) средствами.

Появление в XII Ленинском сборнике подробного ленинского конспекта трех томов Клаузевица является крупным событием. Этот конспект поможет всем нам еще раз глубже вдуматься и отдать себе наиболее полный отчет в том, какова связь между войной и политикой, каково соотношение между политикой внутренней и политикой внешней.

Каждая эпоха имеет свои войны. Подготовляющаяся в нашу эпоху война — война против СССР — есть продолжение политики империализма. «Внешняя» политика современной «мировой» социал-демократии есть продолжение ее внутренней политики; ее участие в борьбе против СССР есть продолжение ее участия в борьбе против революционных интересов своего собственного рабочего класса.

Связь внутренней политики с политикой внешней особенно наглядно проявляется в революционную и предреволюционную эпохи. Связь между внутренней политикой русского царизма и его внешней политикой существовала, разумеется, всегда, но она проявилась особенно наглядно, особенно «сочно» в предреволюционную эпоху. По мере того, как созревал революционный кризис в России, эта связь определялась с такой ясностью, что ее можно было ощупать рукой.

С тех пор, как на мировой арене появилось первое социалистическое государство, связь между внутренней и внешней политикой, окружающих это социалистическое государство буржуазных стран, приобрела еще большую наглядность. В самом деле, что больше беспокоит сейчас империалистскую Англию: введение 7-часового рабочего дня в СССР (вопрос «внутренней» политики) или образование самостоятельной социалистической Таджикской республики (вопрос «внешней» политики)? Ведь об образовании Таджикской республики вносился особый запрос твердолобыми. Что больше беспокоит империалистов: рост влияния Советского Союза в рядах пролетариата западных стран или рост влияния Советского Союза среди угнетенных народов колоний и полуколоний? Что больше беспокоит империалистов, скажем, Францию (с ее громадной еще ролью деревенской буржуазии): быстрые успехи коллективизации сельского хозяйства в Советском Союзе (вопрос «внутренней» политики) или увеличение мощи нашей Красной армии (вопрос «внешней» политики)? Что больше беспокоит империалистов Америки, буржуазных политиков Германии, словом, представителей мирового капитала: успехи нашей индустриализации (вопрос внутренней политики) или рост коммунистического влияния в Китае, в Индии, во всем мире (вопрос внешней политики)? Конечно, и то и другое! Ну, а что касается буржуазной рабочей партии нынешней эпохи, т.-е. современной социал-демократии, превратившейся в партию социал-фашизма, — то тут дело еще ясней. Кого больше должна ненавидеть современная контрреволюционная социал-демократия: Советский Союз или Коминтерн? Попробуйте хоть на один момент «войти в положение» вождя современной контрреволюционной социал-демократии! Разве же не ясно, что его отношение к Советскому Союзу есть для него в одно и то же время *и* коренной вопрос внутренней политики *и* не менее коренной вопрос политики внешней.

Современную роль социал-демократии, которая является ныне только частью буржуазного лагеря, лучше всего проиллюстрировать на двух вопросах. Мы говорим, во-первых, об отношении «рабочего» правительства Макдональда к Северо-Американским Соединенным Штатам; мы говорим, во-вторых, об участии социал-демократии в «крестовом» походе мировой буржуазии по поводу мнимых религиозных гонений в СССР. Это — примеры как-будто из совершенно различных областей, но оба они бросают, как нельзя более яркий свет на интересующий нас вопрос—только с различных пунктов. Оба эти примера как нельзя более убедительно иллюстрируют теснейшую связь между внутренней политикой социал-демократии и ее внешней политикой.

Принято говорить, что иностранная политика современного «рабочего» правительства Макдональда есть только продолжение иностранной политики консервативного правительства Болдуина. В действительности это и так, и не так. Иностранная политика правительства Макдональда в ряде пунктов земного шара действительно есть только повторение, продолжение политики Болдуина. Но, например, в таком коренном вопросе, как вопрос о взаимоотношениях Англии с САСШ, «рабочее» правительство Макдональда ведет политику еще более (поскольку это возможно) буржуазную, еще более контрреволюционную, нежели правительство Болдуина. Макдональдовское правительство в этом отношении «опередило» консерваторов. Свою «американскую» политику Макдональд и его партия интерпретируют, конечно, как пацифизм, как политику сокращения вооружений, как борьбу за смягчение противоречий между Америкой и Англией. На деле же это есть политика более ускоренной подготовки войны против Советского Союза. Правительство Макдональда делает все возможное и невозможное для того, чтобы договориться с САСШ создать базу для антисоветского фронта.

Такая политика английской Рабочей партии, играющей ныне вместе с германской социал-демократией решающую роль во II Интернационале, неразрывно связана с отношением вождей современной «мировой» социал-демократии к нынешней империалистской Америке. На капиталистическую Америку вожди социал-демократии возложили большие надежды против развивающейся на их глазах, пугающей их до беспамятства, ненавистной им мировой революции. Вся теория «организованного капитализма», пророками которой и выступают современные теоретические вожди II Интернационала, связана, прежде всего, с надеждами на «непобедимую» мощь капиталистической Америки. Наиболее дальновидные вожди современной германской социал-демократии едва ли сомневаются в том, что без поддержки американского капитала им не удалось бы отстоять твердынь капитализма в Германии уже и теперь. Последний «аргумент», последнее прибежище против «гидры» мировой революции весь международный реформизм видит именно в Америке. Современная социал-демократия прямо молится на американский империализм. Самая золотая мечта, какую лелеют нынешние вожди европейской социал-демократии, заключается в «идеале» перенесения американских методов в европейское рабочее движение. Лозунг «американизации рабочего движения» есть только обратная сторона надежд вождей II Интернационала на то, что если будет уж очень худо, то американский дядюшка все-таки спасет от революции.

В этом смысле можно сказать, что современная политика правительства Макдональда в отношении САСШ есть подлинное выражение политики всего II Интернационала.

Но, антагонизмы, существующие между империалистской Англией и империалистской Америкой обостряются. Никаким Макдональдам не удастся уничтожить англо-американских противоречий, кои, говоря в исторической перспективе, росли, растут и будут расти. Эти противоречия неизбежно приведут к гигантской войне, поскольку эту войну не предупредит пролетарская революция. Во всем основном рукой правительства Макдональда водит английская буржуазия, которая отвела лишь узкие пределы тому, что является специфическим в его американской политике. Но разве же не характерно, что именно правительство, возглавляемое вождем II Интернационала, считает своей специфической задачей установление таких отношений с американским империализмом, хотя бы на короткий период времени — хотя бы на краткий миг, которые позволили бы, однако, как они надеются, нанести решающий удар ненавистному Советскому Союзу.

А другой пример последних дней! Еще месяц тому назад его не могли бы выдумать самые непримиримые к социал-демократии коммунисты, даже если бы они дали самый большой простор своей фантазии. Мы говорим об участии социал-демократии в «религиозном» походе империалистов против СССР. Пожалуй, далеко не все поверили бы еще месяц тому назад, если бы кто-либо сказал, что вожди социал-демократии окажутся способными прямо и открыто поддержать такую кампанию, как кампания папы римского и архиепископа кентерберийского против мнимых религиозных гонений в СССР. А ведь теперь кампания стала фактом. Центральный орган германской с.-д. «Форвертс»—газета, созданная Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом—в течение недель отводит все свои первые столбцы на перепечатку деклараций и заявлений названных мракобесов, поддерживая их целиком и полностью. Мы не говорим уже об английских, с позволения сказать, социалистах, возглавляемых Макдональдом — ибо среди них всегда были сильны религиозные настроения. Забыты антирелигиозные принципы даже буржуазной демократии, забыты идеалы Великой Французской революции—революции буржуазной,—забыта борьба, которую вела германская социал-демократия под руководством Бебеля против черных, против католичества, забыты антиклерикальные традиции, которые сильны были и среди буржуазных республиканцев во Франции, забыты плебейская ненависть и отвращение к церкви, которые свойственны были многим революционным демократам, не говоря уже о социалистах. Политики «мировой» социал-демократии — все, как один, начиная от правых англичан и кончая «левыми» австрийцами — открыто трубят в поход против религиозных «гонений на верующих» в СССР, открыто, при всем честном народе, целуют туфлю папы римского.

«*Чистые демократы—они же крепостники. Тоже диалектика*»,—писал по другому поводу Ленин в 1922 г. в конспекте статьи «О восхождении на высокие горы» (тогда это «диалектическое» превращение Ленин иллюстрировал на примере известного народника Питирима Сорокина, отрицавшего право на «развод»). Нынешние «чистые демократы» из лагеря II Интернационала, выступающие на защиту религии под идейным руководством папы римского—разве они не крепостники? Не из любви к религии, конечно, взяли на себя эту постыдную роль вожди II Интернационала. Ни Гильфердинг, ни Вандервельде, ни даже Макдональд еще не впали в религиозный экстаз. Даже у Каутского размягчение мозга еще не зашло так далеко. Но они знают, что делают. Слуги реакции не краснобаи. Основная цель, которую ставит себе в переживаемый период II Интернационал, заключается в том, чтобы об'единить как можно больше сил против Советского Союза, чтобы подготовить войну против него, как можно скорей. Для такого дела почему бы и не пойти на блок с силами католической церкви? Вопрос об отношении к церкви есть как-будто только вопрос «внутренней» политики, но при сложившемся сейчас соотношении сил на мировой арене это есть одновременно и вопрос внешней политики. Поддержать или не поддержать «крестовый» поход церкви против советской власти—при данном положении вещей это для вождей социал-демократии одновременно и вопрос об отношении к СССР, и вопрос об отношении к Коминтерну, и вопрос об отношении к коммунистам «своей» страны, и вопрос об отношении к буржуазии и рабочему классу «своих» отечеств.

Австрийские с.-д.—вожди «левого» крыла II Интернационала—принимают самое деятельное участие в травле Советского Союза в связи с похищением генерала Кутепова. Венская Рабочая (?) Газета сравнивает этот случай с похищением в Лондоне 34 года тому назад Сун Ят-сена, организованным китайским посольством. Не больше, не меньше! Что уж говорить о господах в роде французского «социалиста» Леона Блюма, который в связи с делом Кутепова прямо подстрекает к разрыву дипломатических отноше-

ний с СССР? «Если окажется, что к похищению Кутепова причастно полпредство, то на этот раз не будет возможности бороться. Посольство будет снесено вихрем»,—пишет этот господин в Ц. О. французской соц. партии «Попюлер». Разве это не есть натравливание на разрыв и на войну?

Бельгийские «социалисты» Дебюнне и Гоэн с пеной у рта выступают против ввоза советского льна в Бельгию и открыто вопят об «опасностях», которые несет с собою наша пятилетка. «Советский дэмпинг должен беспокоить всех, как и вообще должен беспокоить быстрый рост советской экономики и ее влияния на промышленность Западной Европы. Пятилетка содержит прямую угрозу нашей бельгийской промышленности. Наши промышленники должны об'единиться и оказывать друг другу взаимную помощь в борьбе с советской угрозой» (из речи Гоэна в бельг. парламенте).

«Социалисты», умоляющие «своих» промышленников скорее об'единиться против пятилетки Советского Союза! Это достаточно выразительно.

Польские социал-фашисты из ППС натравливают безработных текстильщиков Лодзи против той же пятилетки. — Вы голодаете, у вас нет работы. Но—кто виноват? Советский Союз! Ведь вы же знаете, что польские текстильные фабрики всегда работали на русский рынок. Теперь большевики закрыли рынок польскому текстилю. Надо открыть себе этот рынок силой.

Это ли не отравители общественных колодцев?

И как тут отличишь: где кончается политика буржуазии и где начинается политика социал-демократии?

Наиболее откровенные из вождей с.-д. сами не скрывают этого слияния рядов. Каутский, например, писал совсем недавно (в статье, которая увещевала французских социалистов скорее войти в коалиционное министерство) так:

> «Часто мы имеем теперь такое положение, когда образуемое коалиционное министерство и вообще уж нельзя назвать буржуазным, так как социалистические министры и буржуазные министры более или менее равны в числе. При такой обстановке *можно с таким же правом говорить о вступлении либералов или буржуазных радикалов в социалистический кабинет, как и обратно—о вступлении социалистов в либеральный или буржуазно-радикальный кабинет*». («Форвертс», 1/I-1930).

Что правда, то правда...

* * *

Связь между внутренней и внешней политикой становится особенно наглядной в революционную эпоху. Это доказала, между прочим, и история Великой Французской революции. У Французской революции не было более сильных врагов, чем ее *внешние* враги. Вся эпоха Наполеона была в первую голову продуктом тех внешних войн, которые пришлось вести Франции, чтобы отразить борьбу европейских монархов против французской революции. Ни одна историческая эпоха не иллюстрирует так наглядно связь между внутренней и внешней политикой, как эпоха 1789—1814 гг. Рудольф Гольдшейд справедливо говорит, что история какого-либо народа есть история соседних с ним народов. (Ср. нашу работу «Война и кризис социализма», стр. 25). Если это парадоксально выраженное положение понимать не схоластически, а диалектически, то оно безусловно верно.

Еще в 1906 г., взвешивая международные шансы русской буржуазно-демократической революции (которую Ленин, разумеется, рассматривал в

перспективе перерастания ее в социалистическую и к которой подходил под углом зрения международным), Ленин говорил:

> «Великая французская революция XVIII века происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII века была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX века, совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией» (т. VII, ч. I, стр. 156).

Да, даже четверть века тому назад международное положение первой русской (тогда еще буржуазной) революции было в этом смысле все же более благоприятным, нежели Великой буржуазной революции во Франции. Когда же через 11 лет после этих слов Ленина в нашей стране произошла социалистическая революция, ее международное положение оказалось и лучше и сложней. Социалистический пролетариат окружающих нас стран сочувствует нашей социалистической революции еще гораздо более горячо, чем он сочувствовал бы победе буржуазно-демократической революции четверть века тому назад. Но в то же время, совершив социалистическую революцию, мы оказались окруженными рядом стран, которые теперь никак уже нельзя назвать более передовыми странами. Царская Россия жила и Советский Союз живет в *системе* государств; но в то время как по отношению к царской России окружавшие ее государства могли считаться более передовыми,—по отношению к нынешнему нашему пролетарскому государству, окружающие его буржуазные страны являются сейчас реакционными (что не помешает некоторым из них завтра, скинув власть буржуазии, стать на время, по сравнению с нами, более передовыми, ибо более экономически мощными, *советскими* странами). Революционная часть мирового пролетариата в нашу эпоху «стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией»; но надо видеть, что это пока в 1930 году относится не ко всему пролетариату, а именно только к его революционной части. В 1906 году, когда Ленин произносил приведенную нами фразу о социалистическом пролетариате, стоящем во всеоружии, раскол II Интернационала не был еще фактом и нынешнюю контрреволюционную социал-фашистскую роль социал-демократии предвидеть было еще невозможно.

Таковы существенные черты отличия в международном положении русской революции, как оно рисовалось в 1906 г. и как оно сложилось теперь. Международное положение *социалистической* революции в России, с одной стороны, во много раз могущественнее, чем могло бы быть международное положение буржуазно-демократической революции в России в 1905—06 гг. На-страже этой социалистической революции стоит международное товарищество рабочих—Коммунистический Интернационал. Симпатии десятков и сотен миллионов угнетенных народов колониальных и полуколониальных стран усиливают международные позиции нашей социалистической революции в громадной степени. И в то же время первая победа социалистической революции неизбежно должна была сплотить и сплотила все силы буржуазного мира против нее. Ставка оказалась решающей. Победа социалистической революции неизбежно мобилизует силы буржуазной контрреволюции. Через социал-демократию эта последняя на время ведет за собою значительные отряды трудящихся, хотя близко время, когда с.-д. влияние на массы начнет падать катастрофически. К тому же в системе буржуазных государств, окружающих Советский Союз, есть еще государства, в которых и сейчас имеют большую силу феодальные и полуфеодальные элементы. Случайно ли то, что, подготовляя войну против Советского Союза, западная буржуазия и вся вообще богатейшая часть империалистской буржуазии намерена, в первую очередь, бросить против Советского Союза именно Румынию, Польшу, Югославию, Венгрию, Болгарию и т. п.? Нет, это

не случайно. Борьбу против Советского Союза организует наиболее «передовая», наиболее богатая, экономически мощная буржуазия. Ее живой силой, ее ударными отрядами, однако, будут в первую очередь те страны, где еще наиболее сильно помещичье землевладение, наиболее сильны феодальные и полуфеодальные элементы, где, как в Польше, силен фашизм. В «системе государств», окружающих Советский Союз, такие государства еще существуют. В Европе есть еще изрядные уголки, где не только «социалистический пролетариат», но и пролетариат вообще еще недостаточно многочислен и где «зато» еще достаточно сильны феодальные и полуфеодальные элементы. Буржуазия богатейших капиталистических стран *плюс* буржуазные рабочие партии этих стран (социал-фашизм) *плюс* буржуазно-феодальные и полуфеодальные элементы отсталых стран, расположенных не слишком далеко от границ Советского Союза, —вот та конфигурация сил, которые готовят новую войну против СССР.

* * *

Ряд симптомов говорит о том, что за последнее время САСШ начинают оспаривать—и не без успеха—у империалистской Англии первенствующую роль в деле травли СССР, в деле создания антисоветского блока. Американский империализм имеет для этого свои достаточные основания. Экономический кризис, разразившийся в САСШ, усиленно подталкивает американских империалистов в этом направлении. Вопрос о рынках сбыта, играющий особенно большую роль в нынешний «третий период» кризиса мирового капитализма, приобрел для американского империализма особенно небывалую остроту с того времени, как в САСШ разгорелся экономический кризис. Уже одно это неизбежно должно было бы увеличить враждебность американского империализма к Советскому Союзу, революционная роль которого стоит поперек дороги многим планам американского империализма.

Современная Германия попала в огромную зависимость от американского империализма. Этот факт имеет громадное значение. В современном Китае влияние американского империализма очень велико. И вот господа американские империалисты рассуждают так: если бы им удалось свергнуть советский строй в СССР или хотя бы нанести ему чувствительный удар, задержать, хотя бы на время, быстрый рост социалистического строительства в СССР,—о, тогда американский империализм смог бы совсем по-иному расположиться и в Германии, и в ряде других европейских стран, и в Китае, и в Южной Америке, куда ныне революционные идеи Советов также доносятся все больше и больше. Да и сама Россия с ее громадным рынком смогла бы тогда стать об'ектом эксплоатации американского империализма.

Кроме всего этого, крупнейшие успехи социалистического строительства в СССР не могут не беспокоить американских империалистов, чувствующих и сознающих себя «авангардом» мирового владычества буржуазии. Вожди мировой буржуазии вообще, вожди американского империализма в частности не могут не сознавать, какое великое решающее мировое значение получают успехи СССР в области коллективизации сельского хозяйства. Все это вместе взятое подхлестывает американский империализм, побуждая его взять на себя руководство антисоветской кампанией.

Особенно большое значение имеет тот факт, что американскому империализму недавно удалось добиться известного *соглашения между германской и польской буржуазией*. Нельзя достаточно подчеркнуть это новое обстоятельство. Оно имеет и будет иметь громадное значение в подготовке новой войны против СССР. Современная Германия, конечно, не является самым сильным из современных капиталистических государств. В этом отношении она не идет в сравнение ни с Америкой, ни

даже с Англией. И тем не менее, в силу своего географического положения и ряда других обстоятельств, именно переменившаяся роль Германии имеет для нас в ближайшие годы крупнейшее значение. Мы уже мотивировали подробнее этот взгляд в нашей статье «Кое-что о международном положении» («Большевик», 1929 г., № 4). Длительный конфликт между буржуазной Германией и буржуазной Польшей до известной степени связывал буржуазию этих двух стран и парализовал опасность, угрожающую СССР со стороны обоих этих буржуазных государств. В течение последних пяти лет Чемберлен, в своей политике «окружения» СССР, не раз делал отчаянные попытки во что бы то ни стало добиться временного соглашения между Германией и Польшей. Ему это не удавалось. Версальский мир глубоко загнал клин между обеими этими странами. Хозяйственная война между Германией и Польшей продолжалась все эти годы. И вот теперь *американскому* империализму удается добиться известного перемирия между этими двумя группами буржуазии. Представители американского империализма с величайшей настойчивостью и энергией работают и в Германии, и в Польше над тем, чтобы добиться «разрешения» польско-германского конфликта. Американский империализм добивается не только перемирия между Германией и Польшей, но и более длительного польско-германского союза. Под руководством Америки выработан и согласован, во-первых, проект так называемого *ликвидационного соглашения* между Германией и Польшей и, во-вторых, проект *торгового договора*, основы которого также уже приняты обеими сторонами. Буржуазная Германия, как уже сказано, находится в громадной зависимости от американского капитала. Принятие пресловутого плана Юнга не только не ослабляет зависимость Германии от Америки, но усиливает ее. В очень большой зависимости от американского капитала находится также и современная Польша. Эта зависимость—и экономическая и политическая. Это один из основных определяющих факторов политики буржуазии обеих этих стран.

Согласно выработанному проекту ликвидационного соглашения, Германия отказывается от претензий за «ликвидированное» в Польше германское имущество, земли и пр., которое оценивалось до сих пор германскими специалистами в размере двух с половиной миллиардов марок. С другой стороны, и Польша не в малой степени под давлением Америки идет на известные уступки. Давление из Вашингтона Моргана и К° оказывает свое действие *и* в Берлине, *и* в Варшаве. «Роте Фане» совершенно права, когда указывает, что польско-германское соглашение не случайно является составной частью плана Юнга. Германско-польское соглашение, осуществляемое под руководством американского империализма, есть соглашение, направленное против Советского Союза.

Так называемое ликвидационое соглашение делает попытку ликвидировать взаимные претензии Германии и Польши, связанные с первой мировой войной. Это соглашение пытается разрешить три основных проблемы: 1) Польша прекращает дальнейшую «ликвидацию» немецкой собственности в отошедших к ней по Версальскому договору территориях; 2) Польша отказывается от права отнятия («выкупа» за бесценок) земель у помещиков и кулаков бывш. прусского подданства; 3) урегулирован ряд взаимных финансовых претензий. В целом дело идет о взаимных уступках буржуазно-помещичьих и кулацких групп обеих стран друг другу.

Орган германских социал-фашистов «Форвертс» признает, что Германия по этому договору выбрасывает Польше 200 милл. золотых марок. «Это тяжело при нынешнем финансовом положении... Но это стоит дать, дабы создать необходимую предпосылку для окончания изнурительной взаимной борьбы между Германией и Польшей». «Форвертс» с торжеством сообщает, что соглашение представлено уже в рейхсрат для утверждения. «Форвертс» открыто заявляет, что «польско-германское соглашение тесно связано

с планом Юнга» («Форвертс», от 5/II-30 г.). В глазах социал-фашистов это только плюс. Германские с.-д. прямо молятся на американский империализм. Если последний взялся «помирить» польскую и германскую буржуазию и об'единить их силы для борьбы против ненавистного СССР, то этому можно-де только радоваться.

Англо-французские империалисты со своей стороны делали и делают не малые усилия для того, чтобы поглубже втянуть современную германскую буржуазную республику в фарватер антисоветской политики. С этой целью они заманивали Германию в Лигу Наций, мазали ее по губам мнимыми уступками и т. д. Теперь за это дело с особенной настойчивостью взялась империалистская Америка. Орган братской коммунистической партии Германии своевременно указывает германским рабочим на то, что германско-польское соглашение, осуществляемое под эгидой Морганов, является знаменательным и серьезным этапом на этом пути.

Орган германской партии центра «Кельнише Фольксцейтунг» (26/II—1930 г.) открыто признает:

> «Этот договор (польско-германский) может расцениваться с точки зрения общеевропейской как маленькая нить, могущая превратиться в прочный канат, связывающий всю Европу против ставшей вновь актуальной восточной опасности. У кого есть глаза, тот увидит, что по ту сторону восточной границы Польши развиваются события, которые не могут оставить Европу безразличной: в один прекрасный день эти события потребуют от европейских культурных народов солидарности».

Господа германские буржуа, стало быть, не скрывают, что из польско-германского договора они хотят сделать «канат» на шею пролетарского государства. Это надо запомнить.

Сколько-нибудь прочное соглашение между буржуазной Германией и буржуазной Польшей на сколько-нибудь длительный срок невозможно. Территориальные вопросы остаются. Экономическая борьба останется. Даже американскому дядюшке не удастся на долгий срок подавить противоречия, существующие между этими двумя буржуазными государствами. В последние дни переторжки вокруг ликвидационного соглашения возобновляются. Трения вновь растут. *Но на время* такое соглашение под контролем тяжелого кулака американских миллиардеров все же возможно. И эта комбинация в очень большой мере увеличивает военную опасность для нас, для всего мирового пролетариата.

Нет никакого сомнения в том, что и такой шаг, как разрыв Мексики с нашим Советским Союзом, есть также звено в той же цепи политики САСШ. Именно американские империалисты продиктовали этот разрыв дипломатических отношений, именно атмосфера оголтелой враждебности к СССР, идущей из Вашингтона и Нью-Йорка, привела к такой неслыханной наглости, как полицейский налет мексиканских властей на бывшего нашего полпреда тов. Макара. Обыск, произведенный у бывшего полпреда и его сотрудников, напоминает налеты, производившиеся на наших представителей в Китае в момент величайшей разнузданности китайской контрреволюции. Дипломатические печати на всем багаже были сломаны, чемоданы вскрыты, бумаги и вещи украдены, служащие бывшего полпредства арестованы и т. д., и это в то время, когда мексиканский поверенный в делах до самого момента оставления им территории СССР пользовался всеми правами и преимуществами дипломатического представителя.

Если конфликт вокруг К.-В. ж. д. не удалось расширить и разжечь, то это уж вышло по «независящим» от американских империалистов обстоятельствам. Стимсон делал все, что мог, САСШ пустили в ход «пакт Келлога». Присоединилось с десяток «держав». А все же вышла осечка.

Нельзя сомневаться также в том, что новые провокационные выходки нанкинского правительства против СССР также в значительной мере вдохновляются агентами американского империализма. Чан Кай-ши и К° за последнее время «ориентируются» больше всего в сторону американского капитала. Нынешние новые попытки нанкинского правительства разжечь конфликт с СССР были бы невозможны, если бы Чан Кай-ши не был уверен в том, что такая политика одобряется и поощряется Америкой. Роль Америки, т.-е. американского империализма в новом крестовом походе против СССР, еще недостаточно ясна широким массам европейского и американского пролетариата, да и трудящимся СССР. Одна из важнейших задач нынешнего периода заключается в том, чтобы выяснить широчайшим массам рабочих эту роль, старательно и искусно скрываемую американской буржуазией и обслуживающей ее социал-демократией.

* * *

К началу 1930 года ряд процессов, прежде намечавшихся, получили такое развитие, что можно с правом говорить об известной новой картине мирового положения. Экономический кризис в Северо-Американских Соединенных Штатах обрисовался с полной ясностью. Экономический кризис с большей или меньшей силой постепенно захватывает целый ряд стран в Европе. В Германии, на Балканах, в Бельгии, в Чехо-Словакии, в Италии, в Австрии, в Голландии налицо ряд признаков разразившегося экономического кризиса. В то же время в ряде колониальных и полуколониальных стран растут признаки не только экономического, но и политического кризиса. В Индии, в Китае, в Индо-Китае, в Египте, во французском Конго, в Южно-Африканском Союзе, в Судане, в Нигерии, в Гаити происходят события крупнейшей важности. И все это почти одновременно. Мировой экономический кризис есть факт. Миф об «организованном капитализме» разоблачен так быстро, так полно и так наглядно, что от него осталось поистине только «мокрое место». Пять лет тому назад, в начале 1925 г., в резолюции XIV партконференции ВКП говорилось так:

«Чтобы быть вполне точными, мы должны говорить не об одной стабилизации, а о двух стабилизациях. Рядом с частичной стабилизацией капитализма в буржуазной Европе происходит несомненный рост государственной промышленности и усиление социалистических элементов народного хозяйства в СССР».

Как сильно изменилось положение с тех пор. В 1930 г., «чтобы быть вполне точными», нам надо говорить о начале развала капиталистической стабилизации при одновременном мощном хозяйственном под'еме в СССР на основе социалистической реконструкции.

В 1922 г. Троцкий предсказывал, что

«подлинный под'ем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы».

Это «предсказание» не оправдалось, как и множество других предсказаний названного автора. Подлинный под'ем социалистического хозяйства у нас стал возможным уже и до победы пролетариата в важнейших странах Европы. Этот подлинный под'ем развивается на наших глазах. Истекший год поистине был в этом отношении годом перелома.

Пролетариат важнейших стран Европы только еще подходит к решающим боям с буржуазией. Победа в этих боях при прочих равных условиях придет тем скорее и вернее, чем лучше развернется подлинный под'ем социалистического хозяйства у нас. И разумеется, с другой стороны, дальнейший под'ем социалистического хозяйства у нас при прочих равных условиях развернется еще быстрее и еще сильнее по мере того, как будут одерживать новые победы пролетарии других стран. Взаимозависимость здесь диалектическая.

Революционный под'ем нарастает во всем мире. Его характернейшей особенностью является одновременность роста 1) в важнейших странах старого капитализма, 2) в крупнейших и решающих колониальных и полуколониальных странах и 3) в СССР (где, по понятным причинам, революционный под'ем выражается главным образом в хозяйственном и культурном под'еме, в производственном энтузиазме и т. д.). Темп международной революционной борьбы становится все сильней. Относительное затишье, которое мы переживали в отдельных странах в течение последнего периода, заменяется теперь растущим повсеместно революционным оживлением. Надо, чтобы передовые рабочие СССР, как и авангард всего международного пролетариата, отдавали себе ясный отчет в том, что наступают новые времена, которые выдвинут новые требования ко всем нам. Наличие громадного революционного под'ема, стихийного недовольства масс мы имели в 1918—1919 гг., — к моменту, когда кончалась всемирная империалистская бойня. Но международный пролетариат не одержал тогда решающих побед в решающих капиталистических странах. Главная причина этого заключалась в том, что у нас не было к тому моменту сильных, закаленных в боях, массовых коммунистических партий в важнейших странах капитализма — «зато» были старые многочисленные с.-д. партии и с.-д. профсоюзы, целиком отдавшие себя на службу «своей» контрреволюционной буржуазии. Надвигающийся ныне новый революционный под'ем будет могучим под'емом.

«Черная», невидимая, кропотливая, повседневная организационная работа по укреплению компартий в странах капитализма (и в колониях), увеличение численного состава за счет рабочих, дальнейшая их большевизация — вот сейчас задача всех задач. Никто не знает и никто не может знать, какие сроки буржуазия оставляет еще международному пролетариату до того, как она обрушит на его голову новую войну. Но одно мы знаем точно: интересы рабочего класса требуют, во всяком случае, оттяжки войны; каждая минута должна быть использована для укрепления партий, для улучшения связи с массами. Всякое вспышкопускательство должно встретить среди коммунистов самый решительный отпор — серьезная деловая напряженная и неустанная работа, какую умели до революции большевики вести годами и годами — вот задача. Не терять темпа, но и не нервничать, не преувеличивать, давать отпор и правому и «левому» оппортунизму. Нужно добиться только того, чтобы теперь, спустя 10 лет, бои международного пролетариата в решающих странах капитализма были возглавлены действительно сильными большевистскими партиями, очищенными от правых и «левых» перебежчиков и оппортунистов. Главная задача Коминтерна заключается именно в том, чтобы на путях большевизации подготовить коммунистические партии капиталистических стран к этим решающим боям. Десятилетие (1919—1929) не прошло даром. Коминтерн имел за это время не мало побед. Но и опыт тех поражений, которые он понес в течение этого времени в борьбе с превосходными силами противника, теперь должен быть использован для того, чтобы встретить надвигающиеся бои во всеоружии. Громадная международная ответственность лежала на пролетариате советской страны в 1918 — 1919 гг. Но еще большая международная ответственность ляжет на него теперь. СССР есть главный оплот мировой революции пролетариата.

Безработица в странах капитализма достигла 18 миллионов человек. Следующие цифровые данные достаточно характеризуют, насколько широ-

ким явлением стала в последнее время безработица в главнейших странах капитализма. Безработных насчитывается в САСШ 5 миллионов, в Южной Америке — 1 млн., в Мексике — 500 тыс., в Германии — 4.000 тыс., в Англии — около 1.500 тыс., в Польше — около полмиллиона, в Австрии — 425 тыс., в Италии — 800 тыс., в Испании — 200 тыс., в Чехо-Словакии — свыше 300 тыс. Данные эти крайне неполные. В действительности число безработных еще больше. В Польше безработица охватила около половины рабочих, в Австрии — две пятых. Орган германской горной промышленности «Дейтше Берзенцейтунг» недавно писал, что вся армия жертв безработицы во всем мире достигает 60 млн. человек. Притом сюда не входят миллионы безработных в Китае, Индии, Индонезии, Южной Америке и т. д. Орган германской «демократической» буржуазии «Франкфуртер Цейтунг» от 19 января 1930 г. хладнокровно сообщает (опираясь при этом на сведения «Манчестер Гардиан»):

«Два миллиона человек уже умерли от голода в Китае. Еще новых два миллиона должно неизбежно умереть той же голодной смертью».

Это сообщение касается только Шенси и смежных провинций. Люди едят там конский помет пополам с сырой землей...

Только в Советском Союзе мы имеем такое положение, когда рабочих рук не хватает. Почти во всем капиталистическом мире резервная армия безработных растет не по дням, а по часам. Нет никакого сомнения в том, что количество безработных еще сильно возрастет в ближайшее время в Англии, в Америке и в Германии. Страдания безработных в целом ряде капиталистических стран неописуемы. Реформистские профсоюзы оставляют на произвол судьбы не только неорганизованных рабочих, впавших в безработицу, но и тех рабочих, которые являются членами союзов. Руководство движением безработных, которое в ближайшее время, несомненно, будет разрастаться, целиком находится в руках коммунистов.

На этом общем фоне растет и неизбежно будет шириться новый революционный под'ем масс. Движение достигло особо высокого уровня, с одной стороны, в Германии и, с другой стороны, в Индии.

В Германии дело дошло до баррикад уже не только в Берлине, но и в Гамбурге. Демонстрация следует за демонстрацией. Движение ищет и находит себе новые формы — походы безработных, с'езды профсоюзной оппозиции и пр. Стачечное движение Германии еще относительно слабо, оно сдерживается безработицей. Однако, лозунг массовой политической забастовки все больше проникает в толщу рабочей массы. В Гамбурге мы видели уже частичное осуществление лозунга политической забастовки. Еще важнее пример стачки у Оппеля. Нельзя сомневаться в том, что этот лозунг в близком будущем начнет осуществляться.

В газете «Франкфуртер Цейтунг» от 25 января 1930 г. мы находим следующую небезынтересную «статистику». Вмешательство полиции в закрытых собраниях или в манифестациях под открытым небом имело место в 1928 г. в 318 случаях. В 1929 г. — в 579 случаях. При этом вмешательство это происходило на коммунистических собраниях и манифестациях в 1928 г. в 131 случае, в 1929 г.—в 422 случаях. Остальные случаи вмешательства приходятся на фашистов и пр. Обнаружено оружие при обысках на дому в 1928 г. в 297 случаях, в 1929 г. — в 454 случаях. К сожалению, «почтенная» газета не приводит точной статистики того, как часто и с каким «успехом» в последнее время в Германии стреляли в рабочих и сколько при этом убитых и раненых. С.-д. полицейпрезидент Гржезинский сообщает, что в одной Пруссии в 1929 г. убито на демонстрациях 48 рабочих. Исключительный закон против коммунистов, проводимый ныне с.-д. коалиционным правительством

в Германии, открыто «мотивируется» именно ростом революционного рабочего движения в этой стране.

Стачечное демонстрационное движение революционных рабочих растет и во Франции. Число экономических конфликтов необычайно возросло. Революционные настроения проникли как в германский, так и во французский военные флоты.

Даже в странах, где господствует открытый фашизм, революционное движение нашло себе за последнее время выход наружу. В фашистской Италии — это особенно важно — мы видели в конце 1929 и в начале 1930 годов ряд крупных стачек в Милане и Риме, ряд значительных крестьянских волнений на юге Италии.

В фашистской Испании диктатор Примо-де-Ривера вынужден был уйти в отставку. Диктатор ушел не в результате революционного восстания масс, но глубокое общее недовольство населения сыграло свою большую роль. Рабочее движение в Испании испытывает теперь некоторое оживление.

В фашистской Польше Пилсудского революционное движение рабочих растет и вширь и вглубь. Стачки чередуются с демонстрациями и наоборот. Встречные бои ведутся рабочими и в ряде других стран. Контрнаступательное движение рабочих растет даже в таких странах, как Румыния, Болгария, Венгрия, несмотря на неслыханный разгул бешеного террора, господствующего в этих странах вот уже в течение многих лет.

Одновременно с этим мы видим нарастание революционного движения в колониях и полуколониях. Подоспевают колониальные резервы. «Франкфурт Цейтунг» в номере от 28 декабря 1929 г. пишет о «землетрясении на Востоке», о том, что «земля сотрясается от Египта до Индии, до Китая, что как раз в последние дни толчки становятся все сильнее, все явственнее».

Стачечное движение в Индии не прекращается. Железнодорожная забастовка начала февраля 1930 г. имеет огромное симптоматическое значение.

Если национально-буржуазные партии Индии на своем недавнем национальном конгрессе дошли до прямой угрозы неповиновением, если часть из них бойкотирует «рабочее» правительство Макдональда, то это лишь отраженные симптомы того, что рабочее и революционное крестьянское движение в Индии ширится и растет.

Контрреволюционная предательская «гоминдановская» роль индийской буржуазии еще не вполне ясна рабочим Индии. В этом заложена громадная опасность для движения. В Индии нет еще сильной массовой компартии и в этом главное несчастье индийской революции. Но этот недостаток движения будет преодолен.

В Китае постепенно нарастает новая волна революционного под'ема. Партизанское движение, развивающееся под руководством коммунистов, делает большие успехи.

Крестьяне Египта на опыте предательств «своей» национальной буржуазии, братающейся с английскими офицерами и египетскими эксплоататорами, учатся тому, что только под руководством компартии они смогут освободить себя.

В Индо-Китае мы видели недавно серьезное восстание.

Во французском Конго восстание туземцев недавно было подавлено. Непосредственные причины движения были — применение принудительного труда туземцев для ж.-д. строительства, принудительная вербовка в войска, применение принудительного метода для собирания разных товаров. Движение подавлено, но оно поднимется вновь.

В Южно-Африканском Союзе развивается серьезное движение среди туземных рабочих. Полиции приходится арестовывать уже по тысяче рабочих разрозненно.

В Кене (английская колония восточной Африки) в октябре 1929 г. вспыхнуло серьезное восстание среди туземцев.

В Судане ряд племен восстал против английского империализма. Английские власти прибегли к карательной экспедиции.

В Нигерии (английская колония Западной Африки) вспыхивает восстание туземных крестьян. Активную роль играют в нем женщины. Африка становится одним из самых «ненадежных» континентов.

Коммунизм проникает в такие отдаленные уголки, как Мадагаскар. Идея коммунизма проникает в Гаити. Не случайно революционное движение среди рабочих Европы и среди трудящихся Индии, Китая, африканских колоний поднимается параллельно. И в этой одновременности постепенного нарастания нового революционного под'ема — залог особенно великого, всемирно-исторического значения этого усиливающегося под'ема. Анализ VI конгресса Коминтерна и последующие решения КИ подтвердились полностью.

В органе французских империалистов «Ами дю Пепль» (24 февраля 1930 г.) можно прочитать следующую филиппику:

«Прошлогоднее восстание на Яве, все более угрожающее положение в Индии, вспышки революционного движения в ряде африканских колоний, возрастающее возбуждение на Филиппинских островах и, наконец, восстание в Индо-Китае доказывают, что повсеместно растет влияние Москвы, которое сплачивает всех недовольных и открыто угрожает интересам и престижу колониальных держав. Пора действовать!».

Это достаточно красноречивые слова.

«По человечеству» этот крик души французского империалиста можно понять так же, как понять можно и германского буржуа, когда он возглашает: «Горе Европе, если пятилетний план удастся» («Кельнише Цейтунг»).

* * *

Разумеется, между внутренней политикой СССР и его внешней политикой также существует тесная связь. Именно у нас эта связь наиболее полна и гармонична. Кому же не ясно, что для осуществления нашего пятилетнего плана индустриализации мир нам столь же необходим, как воздух для человека? Кому же не ясно, что для социалистической переделки сельского хозяйства, для осуществления уже начатых и находящихся в полном разгаре великих работ по коллективизации нам нужно время? Кому не ясно, что политика Советского Союза есть политика мира? Кому не ясно, что войны, которые вело и еще вынуждено будет вести наше социалистическое государство (а также и другие социалистические государства, которые еще создадутся), были и будут войнами в историческом смысле оборонительными. Задача сделать наш Советский Союз обороноспособным при данном положении вещей есть одна из самых важных задач, одна из предпосылок дальнейшего строительства социализма. Создание обороноспособности страны есть задача внешней политики, но она, конечно, есть в то же время и задача внутренней политики.

«Ссылаются постоянно,—писал Ленин,—на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—93 годах. Но забывают о материальных историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными... Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования». (т. XIV, ч. II, стр. 211—212, курсив наш.—*Г. З.*).

Именно отсюда Ленин выводит лозунг: «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически». Ленин ставит этот вопрос как будто альтернативно, но сам-то он твердо убежден, что эта цель осуществима.

«Это возможно, ибо пред нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции» (там же, стр. 213).

Эти слова были написаны незадолго до Октябрьской революции, но они имели в виду именно ту эпоху, когда наш пролетариат окажется у власти. Эти слова остались в силе для рабочего класса СССР и его партии и останутся — впредь до того времени, когда великая цель, поставленная Лениным и ныне успешно осуществляемая нашей партией, будет достигнута полностью.

Передовые капиталистические страны (т.-е. буржуазия этих стран), конечно, не станут спокойно ждать, пока мы догоним и перегоним их. Они будут грозить нам и уже грозят войной. Но и мы, конечно, не будем ждать и не ждем пока буржуазия этих стран предварительно будет скинута. Пятилетка и работы по коллективизации говорят об этом достаточно красноречиво.

Рабочий класс СССР теперь прекрасно знает, каковы те «великие экономические преобразования», во имя которых он напрягает и должен напрягать свои силы, во имя которых он будет отстаивать свое социалистическое отечество в грядущей войне. Эти великие экономические преобразования теперь облекаются плотью и кровью более, чем когда бы то ни было. Пятилетка проникла в самые глубокие пласты рабочего класса и проникнет еще глубже. План коллективизации сельского хозяйства проникает и проникнет в каждую деревню.

Только низвержение капитализма, только победоносная диктатура пролетариата по-настоящему пробуждает творческие силы пролетариата.

«Только тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализмом», только тогда на каждые десять тысяч открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимается по миллиону новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что им и может служить вся мощь современного централизованного государства» и т. д. (т. XIV, ч. II, стр. 249).

Эти слова Ленин писал в 1917 г.

«Скрытый социализм» масс именно сейчас является нашим величайшим резервом. Неисчерпаемая потенциальная энергия переходит в кинетическую. Над этим процессом превращения сознательно и неутомимо работает партия Ленина. Задача наших дней как раз в том и заключается, чтобы на каждые десять тысяч открытых или прячущихся врагов и полуврагов поднять и организовать по миллиону новых борцов хозяйственного фронта, который есть в то же время фронт международной революции. С величайшим под'емом и героизмом, достойным наших великих целей, рабочие СССР работают ныне над выполнением пятилетки, над задачами коллективизации сельского хозяйства. Но разве наша пятилетка не имеет величайшего международного значения? Разве коллективизация сельского хозяйства на территории, обнимающей одну шестую часть суши, не представляет собою нечто совершенно небывалое в истории, не имеет поистине всемирно-исторического значения. Великая строительная работа, проис-

ходящая в СССР, является крупнейшим «аргументом» нарастающих пролетарских революций во всем мире. Но и наоборот: ширящийся и растущий революционный под'ем во всем капиталистическом мире является величайшим «аргументом» социалистического строительства в Советском Союзе.

В конспекте Клаузевица Ленин цитирует слова последнего: «лучший ключ к стране находится в неприятельском войске». Ленин отмечает это место словами: «остроумно и умно». В годы интервенции во Франции была распространена карикатура, на которой изображены были Клемансо и Ленин. Клемансо спрашивает Ленина: а где же та армия, при помощи которой вы сможете защитить себя от превосходных сил четырнадцати государств, сплотившихся для похода против вас? А Ленин отвечает: мы сделаем это при помощи **в а ш и х ж е** собственных армий.—Да, лучший ключ к стране находится в неприятельском войске. Каков будет дух наших красных армий, это знает всякий. Мы сделали свою страну обороноспособной именно потому, что Октябрьская революция пробудила величайший героизм народа, осуществляющего смело и решительно великие экономические преобразования. Наша Красная армия как раз сейчас выделяет и обучает первую сотню тысяч организаторов коллективизации из среды красноармейцев. Это только скромное начало. Строго говоря, эта задача есть, конечно, только частица нашей «внутренней политики». Но не трудно сообразить, что в то же время эта работа есть часть нашей международной работы, теснейшим образом связанная с внешней политикой советской власти. Потенциальная энергия масс, превращающаяся и превратившаяся в Советском Союзе в кинетическую, **п л ю с** «скрытый социализм» масс в буржуазных государствах, окружающих нас (см. сказанное выше о растущем революционном под'еме) — вот наши ресурсы, вот наша надежда.

> «...История учит нас, что ни один крупный вопрос, ни одна революция не решались иначе, как в ряде войны... Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистические хищники снова направятся на нас. Надо быть готовыми к этому. Для этого прежде всего надо восстановить хозяйство, надо прочно поставить его на ноги. Без оборудования его, без машин из капиталистических стран сделать этого скоро нельзя...». (VIII Всеросс. с'езд советов, стр. 14).
>
> «...Вопрос стоит именно так: долгий ряд войн до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй...».
>
> «...Если мы из этой первой полосы войн могли выйти, то из второй полосы войн мы не выйдем так легко... Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял» (там же, стр. 20—21).
>
> «Меня упрекали (меньшевики) в том, что я выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн. Мне не нужно заходить далеко в историю, чтобы показать, на чем основаны были мои слова. Мы только что кончили с Врангелем... Кто забудет о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, — кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике» (там же, стр. 24).

Этих слов Ленина не забыла наша партия. Она делает и сделает их достоянием не только каждого рабочего, но и каждого беспартийного крестьянина, как этого требовал Ленин.

Весь буржуазный мир (включая буржуазную социал-демократию) напрягает сейчас все свои силы, чтобы создать единый фронт против Советского Союза. Многие из их вождей также усвоили себе положение Клаузевица, что время часто является «ангелом хранителем обороняющегося». Они видят, что время работает на нас. Они не хотят дать нам возможности закончить пятилетний план и работы по коллективизации сельского хозяйства. Мы не знаем и не можем знать,—размышляют они,—удастся ли вам выполнить ваши планы и, в особенности, удастся ли вам завершить коллективизацию сельского хозяйства, но мы наверное знаем, что как раз время **п е р е х о д а** к коллективизации есть для вас время трудностей, и именно поэтому мы сделаем все, чтобы ударить вам в тыл. Их стратеги также слышали, что часто «намерения наступающих оказывались совершенно неудачными в силу проволочек» (Клаузевиц). Если бы дело зависело только от «добрых» желаний империалистов и социал-империалистов, военная гроза давно бы уже разразилась. К счастью для мирового пролетариата «организованный капитализм» есть миф, а капитализм, раз'едаемый противоречиями, подтачиваемый внутренними и внешними антагонизмами, гниющий и разлагающийся есть факт.

Капиталистический мир и наши «доброжелатели» социал-демократы надеются «поймать» нас в момент перехода к коллективизации сельского хозяйства, в разгар борьбы за выполнение пятилетнего плана. Они воображают, что у партии нашей, забравшейся на высокую вершину, закружится голова, что она станет пленницей иллюзий или что при первых крупных трудностях, связанных с **п е р е х о д о м** к коллективизации, и при первых демонстративных угрозах со стороны мировой буржуазии партия наша впадет в уныние, даст себя запугать. Тщетные надежды! Партия руководится и будет руководиться словами Ленина:

> «Погибшими наверняка надо бы признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое «предприятие», как завершение фундамента социалистической экономики (особенно в стране мелкого крестьянства). Не погибли (и, вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни з иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного «начинания сначала» в подходе к труднейшей задаче». («О восхождении на высокие горы»).

Поход против СССР продолжается, принимая самые разнообразные формы: Кутепов, процесс Савелия Литвинова в Париже, процесс фальшивомонетчиков в Берлине, выходка финляндского белогвардейского суда, обыск полпреда в Мексике, провокационные уловки правительства Чан Кай-ши, бешеная кампания за разрыв дипломатических отношений во Франции, поход против СССР в Германии, кампания по поводу мнимых религиозных гонений в СССР, тайные военные соглашения против нас, организация примирения между фашистской Польшей и буржуазной Германией против СССР, попытки финансовой блокады и т. д. и т. п. События, разыгрывающиеся ныне на международном экране, как нельзя более приспособлены к тому, чтобы воочию демонстрировать теснейшую связь между внутренней политикой правящих классов и их внешней политикой. Продолжение **и х н е й** буржуазной **в н у т р е н н е й** политики есть: борьба против СССР, борьба против угнетенных народов колоний и полуколоний, борьба за рынки, борьба против международного революционного движения рабочих. Продолжение **н а ш е й** (пролетарской) **в н у т р е н н е й** политики есть: политика мира, политика братской солидарности трудящихся и вместе с тем политика действительной подготовки к защите наших завоеваний, подготовки к той войне, которая с нашей стороны будет оборонительной в историческом смысле войной, независимо от того, какое развитие получат военно-стратегические операции в этой войне.

Когда Ленин в первый раз в 1918 г. выдвинул лозунг создания трехмиллионной Красной армии для защиты завоеваний пролетарской революции, многим эта мысль показалась чем-то несбыточным, химерой, бахвальством. С тех пор прошло более 10 лет. Если бы вздумали об'явить империалисты теперь нам новую войну, Советский Союз сумеет создать и двинуть против мировой буржуазии армию поболее, чем в три миллиона. Великие экономические преобразования, начатые Октябрьской революцией, найдут десятки миллионов защитников — и в нашей стране и во всем мире.

За истекшие с 1917 года 13 лет наша революция знала не мало трудностей. Иногда могло казаться, что история как бы нарочно нагораживает на пути первой пролетарской революции все, какие только мыслимы, трудности. И тем не менее, революция шла и идет вперед. Кроме многомиллионной Красной армии Советского Союза, за дело Октября в решительный час будут бороться миллионы рабочих других стран. Коммунистический Интернационал не раз повторял: новые пролетарские революции возможны и без новых войн, но новые войны невозможны без новых революций, в особенности — новые войны против СССР. Передовые рабочие капиталистических стран тоже видят, что внешняя политика империалистских держав есть продолжение их реакционной, антирабочей, своекорыстно-классовой внутренней политики, что, во всяком случае, между внутренней и внешней политикой буржуазных правительств существует тесная неразрывная связь. Передовые рабочие капиталистических стран, со своей стороны, постараются провести логические нити и в «обратном» порядке. Это и значит — превратить войну империалистскую в войну гражданскую.

Только слепой не видит, что трудный путь, которым идет партия, есть единственно правильный путь. Внутренняя и внешняя политика нашей партии подчинены одной великой цели. Только изменники рабочему делу откажутся поддержать большевистскую партию в ее борьбе и работе. Только ничтожества останутся «нейтральными» и отойдут в сторонку. Весь международный пролетарский авангард будет с партией Ленина.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

ГРИГ. РАТНЕР. «Социально-экономические основы с.-х. кооперации и коллективного движения». Книгосоюз. 1929 г., стр. 376, цена 2 р. 50 к. (Допущено Наркомпросом РСФСР в качестве учебного пособия для вузов и техникумов).

Рецензируемая книга представляет одну из попыток «систематического изложения теоретических основ советской с.-х. кооперации путем обобщения процессов, происходящих в практическом строительстве» (стр. 7—8). Больше того, здесь речь идет о создании учебного пособия, теоретического курса кооперирования и коллективизации сельского хозяйства для студенчества вузов и техникумов, что, разумеется, не может не повысить ответственности автора за развиваемые им взгляды.

Все содержание «Социально-экономических основ» можно свести к трем группам вопросов: 1) Обзор современных тенденций в развитии сельского хозяйства в странах капитализма под влиянием финансового капитала; 2) выяснение взглядов Маркса и Ленина на социалистическое преобразование сельского хозяйства и 3) Характеристика и теоретическое обобщение процессов кооперирования и коллективизации, развертывающихся в сельском хозяйстве СССР.

В освещении всех этих вопросов тов. Ратнер, вопреки своим неоднократным заверениям в верности основам марксизма-ленинизма, развивает ряд положений, которые ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют.

Начнем с общетеоретических воззрений автора, которые служат ему руководящей нитью в конкретном анализе и на которых мы должны прежде всего убедиться в правдивости его заявлениий о верности принципам экономического учения Маркса.

Капиталистическая система в изображении тов. Ратнера выглядит так:

> «Капиталистическое хозяйство развивается в условиях стихийных процессов рынка; его основой является производство товаров капиталистическими предприятиями или отдельными мелкими производителями, размеры которого диктуются лишь усмотрением отдельного предприятия или отдельного производителя»...
>
> «Закон спроса и предложения является единственным регулятором производства товаров, поддерживающим равновесие на рынке». (Подчеркнуто мною. *Н. М.* Стр. 214, см. также стр. 215, 247).

Безусловно верно, что производство товаров составляет общую основу капиталистического производства со свойственной последнему стихийностью и неравномерностью развития. Однако, ограничиться этим, — как это делает тов. Ратнер, — нельзя, так как здесь сказано далеко еще не все главное и решающее. Нельзя, если оставаться верным марксизму,—удовлетвориться в характеристике капиталистического способа производства указанием на его товарный характер; тем более это недопустимо там, где на этой основе анализируются конкретные образцы капиталистического развития в сельском хозяйстве стран капитализма. Подобное сведение развитых капиталистических производственных отношений к простейшим категориям (производство и обмен товаров) Маркс называл пошлой манерой буржуазных экономистов-проповедников экономической гармонии. Здесь упускается специфическая черта капиталистического производства, а именно: отношения капиталистической эксплоатации на основе отделения труда от условий труда.

Это, конечно, элементарно. Но это «элементарное» решает дело. Без него нельзя правильно понять ни одного факта из области развития капиталистических отношений, даже если речь идет о развитии этих отношений в земледелии, т.-е. там,

где наиболее распространена капиталистическая эксплуатация мелкого производителя с наделом.

Но дальше автор говорит нечто совершенно несообразное. Согласно «марксизму» Гр. Ратнера, закон спроса и предложения являются единственным регулятором капиталистического производства.

Тов. Ратнеру и невдомек, что «отношение спроса и предложения абсолютно ничего не в состоянии об'яснить, пока не раскрыт базис, на котором покоится само это отношение», что «действительные внутренние законы капиталистического производства... не могут быть об'яснены из взаимодействия спроса и предложения» [1]).

Тов. Ратнеру как будто и дела нет до того, что в марксовой теории всеми буквами написано, «что прибыль является единственным регулятором для капиталистического производства» [2]).

Итак, «Социально-экономические основы», вопреки марксизму, во-первых, сводят капиталистическое производство к простому производству товаров, погашая при этом специфическую особенность капиталистического способа производства и, во-вторых, подменяют закон стоимости, модифицируемый при капитализме в закон средней прибыли и цены производства, плоским законом спроса и предложения, в качестве регулятора капиталистического производства.

Такова общая теория «Социально-экономических основ». Как же выглядит современная практика при свете этой теории?

Теоретическому освещению процессов кооперирования и коллективизации сельского хозяйства в СССР автор предпослал анализ развития сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации в странах финансового капитала.

Оставляя в стороне ту часть книги, где излагаются в основном правильные мысли о преимуществах крупного земледелия перед мелким и на сравнительно свежем конкретном материале показывается усиление применимости этого закона в условиях высоко развитого современного капитализма, мы не можем не предостеречь читателя от совершенно необоснованных, односторонних, а подчас и явно ошибочных выводов, сделанных автором в связи с анализом влияния финансового капитала на сельское хозяйство.

Автор, отмечая активизацию сельскохозяйственной политики финансового капитала, в качестве характерной черты послевоенного развития капиталистических стран, пишет:

> «Политика современных капиталистических правительств в полном соответствии с тенденциями финансового капитала стремится к поддержке сельского хозяйства и к под'ему его производительности. Это относится почти в одинаковой мере к правительствам различных политических окрасок» (стр. 53).

На чем же основана, по мнению автора, эта заинтересованность финансового капитала в развитии сельского хозяйства? Она основана, оказывается, прежде всего на стремлении финансового капитала планировать и регулировать производство и распределение сельскохозяйственных продуктов, с целью преодоления неизбежной при капиталистическом строе анархии производства.

> «Стремление финансового капитала получить влияния на процессы сельского хозяйства,—утверждает Гр. Ратнер,—имеет конечной целью планирование и регулирование производства и распределения сельскохозяйственных продуктов» (Стр. 50. подчеркнуто мной. *Н. М.*).

Далее, эта заинтересованность основана, по словам автора, на стремлении финансового капитал обеспечить промышленность рынками сбыта, источниками

---

[1]) Маркс. «Капитал», т. III, ч. I, изд. 1929 г., стр 132, 139:

[2]) «Теории»..., т. II, ч. 2, стр. 74. См. также «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 261.

сырья и продовольствием, на включении землевладения в общую систему финансового капитала и империалистического государства (стр. 51), на стремлении обеспечить внутреннюю сельскохозяйственную базу на случай войны, на стремлении использовать многомиллионную крестьянскую массу в качестве политической силы, действующей в интересах финансового капитала, и, наконец, на непосредственной выгоде, которую приносит капитал, инвестированный в сельском хозяйстве (стр. 52).

Вот вся цепь аргументов, развитых автором для освещения мотивов и содержания активной сельскохозяйственной политики финансового капитала. Сердцевина этой аргументации заключается в указании на стремление финансового капитала планировать и регулировать сельскохозяйственное производство. Капитализм «организуется» и для этого проникает в сельское хозяйство в целях под'ема его производительности,—вот в чем старается убедить читателя Гр. Ратнер.

Читатель, вероятно, уже заметил во всей этой, с позволения сказать, теории хорошо известные партии мотивы об «организованности» современного капитализма. Эти мотивы, примененные Гр. Ратнером к земледелию, разумеется, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют.

Надо совершенно забыть марксизм, чтобы свести анализ финансового капитализма в земледелии к либеральным мечтам о «планировании» и «регулировании» и таким «оригинальным» способом преломить насквозь апологетическую теорию «организованного капитализма» к сельскому хозяйству. Подобного рода попытки всегда — и книга тов. Ратнера дает этому дополнительное доказательство — покупаются ценою искажения конкретной действительности, важнейшая черта которой заключается в углублении пропасти между деревней и городом, в обострении несоответствия между земледелием и промышленностью по мере дальнейшего развития капитализма. Эта сторона дела,—а в ней вся суть дела,—осталась забытой в рецензируемой книге. Автор не только не разрабатывает и не доказывает, но явно игнорирует одно из основных положений марксизма-ленинизма насчет того, что «капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью» [1]), насчет того, что «несоответствие в развитии земледелия и промышленности, характерное для капитализма вообще, становится еще больше» [2]) в эпоху монополистического капитализма.

Этим фундаментальным положениям марксизма тов. Ратнер противопоставляет свои теоретически беспомощные и бессодержательные разговоры о «планировании» и «регулировании», забывая при этом даже такое элементарное положение экономической теории, согласно которому прибыль направляет капитал, в том числе и финансовый капитал, в ту или другую отрасль производства, и что, следовательно, в стремлении к извлечению сверхприбыли надо в первую очередь искать экономическую причину проникновения финансового капитала в сельское хозяйство. Однако, Гр. Ратнер, вместо защиты отчетливых позиций марксистско-ленинской теории, предпочитает заниматься путанными упражнениями в прикрашивании тенденций современного капитализма в сельском хозяйстве. Неудивительно после этого, что картина развития капитализма в сельском хозяйстве современных капиталистических стран в изображении тов. Ратнера получила явно не соответствующий действительности и политически вредный характер.

Достаточно привести лишь некоторые факты, характеризующие современное состояние сельскохозяйственного производства и с.-х. производителей в передовых капиталистических странах, чтобы показать полнейшую несостоятельность «теории» Гр. Ратнера о «планировании» и «регулировании», о «поддержке» и «под'еме» сельского хозяйства финансовым капиталом.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, 1929 г., стр. 25.

[2]) Ленин, т. XIX, стр. 256.

Возьмем Соед. Штаты Америки. По данным за последние годы, цены на продукцию американского сельского хозяйства двигались в направлении прямо противоположном движению цен на промышленные изделия, в которых нуждается фермер. Если индекс цен на продукты сельского хозяйства достиг в 1927 г. по сравнению с 1914 г. 131, то за тот же период цены на промышленные изделия поднялись до 154, а налоги с фермера возросли в 2½ раза [1]).

«Данные за последние 7 лет в некоторых частях штата Мичиган показывают, что налоги поглотили 90% чистого дохода фермеров. Другие сведения показывают, что налоги поглощают от одной трети до двух третей чистого дохода с фермы» [2]).

Такого рода «планирование» и «поддержка» с неизбежностью привели огромную часть американского фермерства в пасть финансово-капиталистической эксплоатации.

«За два года число ферм, фактически перешедших в собственность банков, увеличилось почти на 50%» [3]).

Отсюда—обеднение фермерского населения и обусловленное обеднением относительное сужение внутреннего рынка.

Эта подлинная картина сельскохозяйственного развития под влиянием финансового капитала не содержит и тени «планирования» и «регулирования», «поддержки» и «под'ема», вокруг которых так настойчиво хлопочет Гр. Ратнер. Наоборот, здесь и слепой увидит обострение противоположности между промышленностью и земледелием и неимоверное возрастание гнета финансового капитала на основную массу сельскохозяйственных производителей.

Несмотря на эти более чем красноречивые факты, т. Ратнер в своей книге дает совершенно неудовлетворительный анализ конкретного классового содержания политики финансового капитала по отношению к сельскому хозяйству и конкретных классовых сдвигов, порождаемых проникновением финансового капитала в сельское хозяйство. Глухие и стыдливые замечания насчет того, что «финансовый капитал неспособен расширить сельскохозяйственное производство путем равномерного под'ема всех слоев деревни» (как будто он к этому стремится. *Н. М.*) и что «дальнейшее расслоение будет продолжаться» (стр. 56), нельзя признать достаточными.

Эти замечания недостаточны потому, что они скрывают своеобразие процессов экспроприации мелких земледельцев именно в условиях проникновения финансово-капиталистических тенденций в сельское хозяйство, когда эти процессы принимают *катастрофический* характер, сопряженный с *катастрофическими* последствиями для мелкого земледелия и с обострением противоречий между земледелием и промышленностью.

Ленин указывал, что

«вопрос об экспроприации мелких земледельцев имеет громадную важность для понимания и оценки капитализма в земледелии вообще. И крайне характерно для современной, насквозь проникнутой буржуазными взглядами и предрассудками, политической экономии и статистики, что именно этот вопрос не разрабатывается почти совсем или разрабатывается наименее тщательно» [4]).

Автор «Социально-экономических основ» должен принять и на себя этот ленинский упрек, так как и его книга являет своего рода образец наименее тщательной разработки этого, первостепенной важности, вопроса. В этом нас окончательно убеждает следующее утверждение автора, в котором явственно сквозит оппортунистическая иллюзия насчет «непричастности» капиталистических государств к делу экспроприации мелкого земледелия.

[1]) «Эконом. Жизнь», от 19/II—30 г., ст. «Роль фермера в хоз. кризисе Соед. Штатов».

[2]) Там же.

[3]) «Сельскохоз. газета» от 13/XI—30, ст. Ф. Ушкалова.

[4]) Ленин, т. IX, стр. 257, изд. 1923 г.

«Техническая реконструкция сельского хозяйства,—читаем мы на стр. 98,—на основе его укрупнения происходит и (?) в капиталистических государствах. Проходя стихийно, *нередко развиваясь помимо сознания руководителей государства* [1]), капиталистическая реконструкция связана с чудовищным обнищанием крестьянских низов, выбрасываемых на улицу городов без квалификации, без перспектив, без надежд».

Выходит, таким образом, что стремительное развитие процессов концентрации и централизации капиталов в земледелии осуществляется (нередко!) в противовес сознанию империалистических правительств. Кому нужны эти разговоры о «сознании», которое не хочет разорения крестьян? Ясно, что они нужны лишь людям, которые, вопреки капиталистической действительности, доказавшей непосредственную связь между политикой империалистических правительств (какую бы окраску они ни принимали) и интересами финансового капитала, пытаются замазать классовое содержание политики, проводимой государственными чиновниками империализма и тем самым оправдать их перед разоряемыми и угнетаемыми *всей* системой империализма мелкими производителями. В числе этих людей оказался и автор «Социально-экономических основ».

Не лучше у автора рецензируемой книги обстоит дело так же и в анализе сельскохозяйственного развития в СССР, особенно если брать в расчет современный характер и об'ем задач в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Излагая общую теорию преобразования сельского хозяйства, автор приходит к явно оппортунистическим заключениям, об'ективный смысл которых состоит в замазывании трудностей и противоречий социалистического строительства, в недооценке сил и опасности капиталистических тенденций в нашей экономике, в размагничивании бдительности партии и пролетариата в борьбе с капиталистическими элементами страны.

«Преимущества крупного хозяйства,—пишет т. Ратнер,—сказались с полной бесспорностью. Они не оставляют никаких сомнений в том, что поскольку *почва для развития помещичьего или капиталистического хозяйства отсутствует*, развитие крупного хозяйства идет и будет итти по пути коллективизации крестьянского хозяйства и организации государственных хозяйств (совхозов)». (Стр. 39. Подчеркнуто мной *Н. М.*).

В другом месте, критикуя мелкобуржуазных теоретиков, «в свете современной практики», автор сам безнадежно увяз в «теории», которая «в свете современной практики» должна быть названа не иначе, как мелкобуржуазной.

«Социальная (нельзя ли поточнее? *Н. М.*) *революция, вырвавшая корни крупного нетрудового* (и здесь не вредна была бы марксистская, а не народническая терминология, смазывающая классовую природу хозяйства *Н. М.*) *земледелия, сделала ненужной полемику о терминологии и о социальном содержании терминов «крупное» и «мелкое» хозяйство*». (Стр. 48. Подчеркнуто мною. *Н. М.*).

Дело, разумеется, не в терминах, а в классовом содержании реальных процессов в развитии земледелия. Но автор предпочитает спрятаться в область терминологии и отсюда, так сказать, свысока, проповедывать свою антимарксистскую теорию, предлагающую игнорировать классовое содержание крупного хозяйства.

Оно, конечно,—всякому свое. Если принять, к примеру, точку зрения кулацкого хозяйства, то с *этой* точки зрения бесспорно ненужна и вредна «полемика» насчет социального содержания крупного хозяйства, ибо эта «полемика» со стороны пролетариата, борющегося за определенный, *социалистический* тип крупного хозяйства, закрывает путь для развития *капиталистического* крупного хозяйства. Но в том-то и дело, что эта точка зрения *враждебна* линии партии, *враждебна* марксистско-ленинской теории, требующей в первую

[1]) Подчеркнуто мной. *Н. М.*

голову точного определения классового содержания таких категорий, как «крупное» и «мелкое» хозяйство. Для нас далеко не безразлично: идет ли речь о капиталистическом или о социалистическом крупном хозяйстве, борьба между которыми предрешена, но еще не закончена. Вопросом жизни для пролетарской диктатуры является укрепление социалистического крупного хозяйства и уничтожение капиталистического, вместе с источниками, рождающими последнее.

Поэтому мы склонны признать, что вышеприведенные утверждения Гр. Ратнера об уничтожении социальной революцией корней капиталистического земледелия есть открытая антиленинская проповедь насчет снятия с момента захвата власти пролетариатом проблемы классовой борьбы.

Верно, что пролетарская революция, уничтожив помещичье землевладение, уничтожила с корнем крепостнические отношения. Но совершенно безграмотно и политически вредно отождествлять уничтожение последних с уничтожением корней капитализма, с уничтожением возможности капиталистического развития в земледелии. Жизнь подтвердила предвидение Ленина и партии о неизбежности известного роста капиталистических элементов в деревне за годы нэпа на базе мелкого производства. Но какое дело Гр. Ратнеру до жизни! Он упрямо твердит одно: уже в 1917 году уничтожена почва для развития капитализма в земледелии и, следовательно, тогда уже был решен, ставший перед пролетариатом, великий исторический вопрос «кто кого». Конечно же отсюда следуют выводы о ненужности классовой борьбы пролетариата за социалистическую переделку деревни, о ненужности наступления пролетариата на капитализм, ибо никакого капитализма в деревне нет и не предвидится, ибо бороться не с кем, ибо, в силу этого, крестьянство само собою автоматически придет к социализму.

Предисловие к книге датировано 14 июля 1929 года. К этому времени были опубликованы, важнейшие партийные документы, отчетливо выясняющие точку зрения партии по данному вопросу, точку зрения, заведомо исключающую те взгляды, которые пропагандируются в «Социально-экономических основах».

Так, например, в речи т. Сталина от 19 октября 1928 г. мы читаем:

> «Существуют ли у нас, в нашей советской стране, условия, делающие возможным восстановление (реставрацию) капитализма. Да, существуют. Это, может быть, покажется странным, но это — факт, товарищи. Мы свергли капитализм, установили диктатуру пролетариата и развиваем усиленным темпом нашу социалистическую промышленность, смыкая с ней крестьянское хозяйство. Но мы еще не вырвали корней капитализма[1]). Где же они, эти самые корни, гнездятся? Они гнездятся в товарном производстве, в мелком производстве города и особенно деревни».

Однако, — говорит далее т. Сталин, —

> «Кроме возможности восстановления капитализма существует еще у нас возможность победы социализма, ибо мы можем уничтожить возможность восстановления капитализма, можем выкорчевать корни капитализма и добиться окончательной победы над капитализмом, если поведем усиленную работу по электрификации страны, если под промышленность, сельское хозяйство и транспорт подведем техническую базу современной крупной промышленности. Из этого и вытекает возможность победы социализма в нашей стране»[2]).

Последнего не могли понять и не поняли троцкисты, против которых в настоящее время с особенной силой выступила сама жизнь, — колоссальным ростом коллективизации беднейшего и среднего крестьянства на базе индустриализации, коренным поворотом деревни к социализму, неотразимо доказавшая, что средства и силы к преодолению, к ликвидации возможности восстановления капитализма не только имеются налицо, но что эти средства и силы обнаруживают явный перевес, что пролетариат, в союзе с основными массами крестьянства, со все большей энергией развивает эти средства и силы и таким образом непосред-

[1]) Разрядка моя. *Н. М.*

[2]) Сталин, «Вопросы ленинизма», Гиз 1929 г., стр. 544—545.

ственно осуществляет выкорчевание корней капитализма. Жизнь—вопреки троцкизму,—доказала, что, благодаря правильной политике партии, крестьянин-труженик берет перевес над крестьянином собственником.

Справедливость требует, однако, сказать, что в других местах книги автор признает, «что в нашей деревне имеется возможность капиталистического развития; мелко-капиталистическая группа (кулаки), несколько усилившаяся в период нэпа, стремится стать проводником культурно-технических начинаний в деревне на основе эксплоатации» (стр. 99).

Но такова уж участь всякого кто, с одной стороны, не может не признаться в своем согласии с курсом партии, а, с другой стороны, не может не сознаться в наличии у него особой, отличной от курса партии, точки зрения.

А что у тов. Ратнера эта особая, антиленинская, точка зрения есть, явствует также из развиваемой им теории «самотека» в социалистическом строительстве сельского хозяйства, теории, решительно раскритикованной тов. Сталиным на конференции аграрников-марксистов.

Тов. Ратнер пишет:

> «Стихийная тяга крестьянских масс к под'ему своего хозяйства приводит об'ективно к построению коллективного крупного хозяйства».

> «Неизбежность развития крупного земледелия вытекает из всей экономики сельского хозяйства. Она выявилась с полной отчетливостью в капиталистических странах. Опыт СССР также (? *Н. М.*) показал, что для под'ема сельского хозяйства нет другого пути, кроме коллективизации мелких крестьянских хозяйств» (стр. 48. Подчеркнуто мною. *Н. М.*).

Здесь ошибок почти столько, сколько фраз.

Во-первых, неверно, что для развития сельского хозяйства существует только один путь, путь коллективизации; существуют два пути: капиталистический и социалистический.

Замазывание т. Ратнером возможности капиталистического пути в развитии сельского хозяйства политически означает усыпление бдительности пролетариата в борьбе за социалистический путь в развитии сельского хозяйства.

Во-вторых, неверно, что крестьянские массы «самотеком» «об'ективно» придут к построению крупного коллективного хозяйства. Без руководящей, определяющей роли пролетариата, опирающегося на крупную промышленность, крестьянское производство не может быть социалистически преобразовано, кооперировано, обобществлено. В этом вопросе т. Ратнер явно страдает струвианским об'ективизмом, современный политический смысл которого состоит в отрицании необходимости активной работы партии и пролетариата над организацией бедноты и середняков для проведения массовой коллективизации и для ликвидации, в связи с этим, кулачества как класса.

В-третьих, т. Ратнер искажает причину тяги крестьянских масс в колхозы; об'ясняя ее стремлением крестьянства к под'ему своего хозяйства, он тем самым принижает социальное содержание и крупнейшее историческое значение массовой коллективизации крестьянского производства. В действительности смысл колхозного движения именно и заключается в ликвидации «своего» карликового хозяйства и в создании взамен его крупного коллективного хозяйства. В действительности тяга крестьянства в колхозы есть массовая тяга к крупному коллективному производству, кладущему предел нищенскому, забитому существованию основных масс крестьянства и закрывающему путь для капиталистического развития сельского хозяйства. Эта тяга, принявшая теперь характер коренного перелома в отношении деревни к социализму, является следствием правильного и твердо проводимого курса партии, сумевшей убедить крестьянство опытом строительства крупных обобществленных хозяйств в преимуществах колхозов перед индивидуальным хозяйством и опиравшейся при этом на созданные за весь прошлый период материальные ресурсы и прежде всего на индустрию. Только, имея под ногами этот прочный, созданный всей предшествовавшей работой, фун-

дамент, партия, опираясь на основные массы крестьянства, смогла совершить один из решающих поворотов в своей политике, «поворот от старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни к новой политике—ликвидации кулачества как класса [1]), поворот, обеспечивающий выкорчевание корней капитализма и действительное разрешение проблемы «кто кого» в борьбе с силами русского капитализма.

Сказанного вполне достаточно для оценки книги в решающих пунктах. Теоретические позици автора книги, как показано выше, являются искажением марксизма. Его обобщения насчет сельскохозяйственного развития в странах финансового капитала вступают в конфликт с учением Ленина об аграрных отношениях при капитализме. Наконец, его исходные положения в оценке развития и в освещении проблем коллективизации сельского хозяйства в СССР идут вразрез с партийным курсом.

Н. МЕЛЬБАРД.

ПОПРАВКА:

В передовой статье № 3—4 «Большевика» от 28/II на странице 9 напечатан по ошибке абзац статьи о культурной революции и антирелигиозной пропаганде, начинающийся словами: «Все лозунги партии» и кончающийся словами: «Освобождение от векового религиозного обмана».

Этот абзац ошибочно напечатан вместо следующего исправленного текста статьи:

«Все лозунги партии последнего времени, воспринятые рабочими массами, привели к сегодняшнему под'ему. Не последнюю роль сыграла в этом культурная революция в массах, которая произошла и происходит за эти годы. Значительно продвинулась ликвидация неграмотности; несомненно, имела свое значение и антирелигиозная пропаганда. Идет глубокая ломка быта, рабочие создают безрелигиозный быт. Введение непрерывки здесь сыграло определенную роль. Именно благодаря массовости этого антирелигиозного движения снизу, мы видим огромное влияние его на деревню. Движение это стало подлинным массовым движением, захватывая самих крестьян, оно идет теперь снизов. Надо углубить этот переход от религиозности к безрелигиозному быту, помогая выработке глубоко атеистического, материалистического мировоззрения».

После этого абзаца в передовой статье пропущен абзац, опубликованный нами в виде поправки в «Правде» от 19/III—30 г.

«Само собой разумеется, что партийные организации попрежнему должны самым решительным образом бороться против перегибов в этой области, против подмены серьезной научно-поставленной антирелегиозной пропаганды административными мероприятиями, против подмены ясно выраженного желания масс решением той или иной отдельной организации, против выпячивания этого вопроса на первый план в работе. Партийные организации должны самым внимательным образом следить за тем, чтобы антирелегиозное движение не стало самоцелью, самодовлеющей задачей,—антирелигиозная пропаганда должна быть целиком и полностью подчинена задачам классовой борьбы и социалистического строительства. А это значит, что недопустимо раскалывать колхозное движение в том или ином селе, в том или ином районе из-за обострения борьбы по вопросу о закрытии церкви или снятия колокола. Это значит, что вообще нельзя обострять отношения с трудовыми массами населения из-за такого вопроса. Это значит, что надо иметь терпение работать над тем, чтобы то или иное решение в этой области было действительно решением самих трудовых масс города и деревни».

Редакция журнала «БОЛЬШЕВИК».

---

[1]) Сталин, «К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса».

Главлит № А—54711. Тираж 164.000 экз.
Типография газеты „Правда", Москва, Тверская, 48.

БОЛЬШЕВИК

№ 6 31 МАРТА № 6

1930
МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"